

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2008

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.ru>

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

Р. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

М. Мертез (ФРГ)

Б.Н. Миронов

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

Л.П. Скопцов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Корректор: *Людмила Малова*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *В. Иванов, О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
группы компаний «Рольф» и Института «Открытое общество».*

Содержание

№ 2 (45) 2008

К читателю 5
Юрий Сенокосов

Семинар

Ценности и современная демократия: взгляд из Европы 8
Альваро Хиль-Роблес

Дискуссия 12

Заметки с семинара 21
Александр Шепилов

Свобода слов 24

Тема номера

Общественный контроль над спецслужбами 25
Андрей Солдатов

Культура и будущее России 31
Игорь Харичев

Концепция

Коалиции для будущего 38
Александр Аузан

Дискуссия

Непризнанные... 47
Пилар Бонет, Сергей Маркедонов

Толерантность в полиэтничном регионе: случай Республики Татарстан 56
Наталья Палеева

Ценности и интересы

Авторитет без кавычек или Чистота взглядов 65
Максим Трудолюбов

Интересы и ценности

Трансформация Запада 71
Кристофер Коукер

Точка зрения

- Глобализация и свобода* 77
Квентин Пил
Демократия в России: электронный вариант 83
Наталья Балакирева

Жизнь в профессии

- Познание времени, в котором живем* 90
Ирина Прохорова

Идеи и понятия

- Традиция* 96
Андрей Захаров

Наш анонс

- Унитарная федерация* 105

Книги

- Просто Россия* 107
Андрей Захаров
Региональное книжное обозрение
Андрей Захаров 109
Наталья Палева
Контрапункт 112
Александр Архангельский

Nota bene

- Пекин: эйфория и отчаяние в олимпийской столице* 116
Анн-Мари Брудеу

Я хочу предварить этот номер «Общей тетради» публикацией своего письма, адресованного члену Редакционного совета журнала, писателю Александру Архангельскому после прочтения его романа «Цена отсечения». Роман вышел в свет в июне 2008 года в издательстве «АСТ: Астрель».

К читателю

О романе Александра Архангельского «Цена отсечения»

*Лучше исповедовать веру во всей ее простоте,
нежели превращать ее в науку.*

Софья Свечина (1782–1859)

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

Дорогой Саша,

Читая роман, не удержался и стал записывать рождавшиеся непроизвольно по мере чтения свои впечатления и мысли, которыми решил поделиться, приведя их в некоторый порядок.

Зацепили эпитафии... Вспомнил начало 90-х, роман Николая Псурцева «Голодные призраки», о «новых русских» тоже с эпитафией, но из Ницше: «Возможна некая цель, ради которой без колебания приносят человеческие жертвы, идут на все опасности, берут на себя все дурное, даже худшее: великая страсть». Невольно подумал, тогда, в девяностые, только такая страсть могла побороть инерцию другой «великой страсти» — большевистско-чекистской. И поборол, но не «утопила», ибо утопить страсть невозможно. Но неизбежна расплата. Отсюда, видимо, и прозрение части российского бизнеса, понимание им не только экономической, но и моральной «цены отсечения». Метафора очень емкая, как и название романа — абсолютно точное.

А теперь о впечатлениях и мыслях, а также ассоциациях.

Роман замечательный: энергия и чувство слова, качество письма, словарь, убедительная интрига, узнаваемые герои — «передовики» бизнеса, постоянно спешащие, считающие, рискующие, коллекционирующие, едящие...

Почему-то, читая, подумал о «Мертвых душах» и «капиталисте» Чичикове. Хотя главный герой ро-

мана Мелькисаров, разумеется, не Чичиков. Потом понял: заложенная в произведениях Гоголя и Достоевского структура художественного восприятия действительности и «русской души» действует на наше подсознание подобно отлаженному механизму рекламы. Поэтому стоит ли удивляться устойчивости национального менталитета.

А дальше, особенно после 8-й главы, когда дело пошло к развязке и Мелькисаров вспомнил о душе, я тоже вспомнил, но уже в связи с Юнгом и хочу его процитировать.

Разъясняя суть своего учения о душе, Юнг писал, что природные инстинкты человека, будь то эрос или жажда власти, с большой силой проявляются именно в *душевной сфере* и противостоят *духу*, поскольку «инстинкты, — цитирую дословно, — всегда чему-то противостоят, и почему тогда это что-то не может быть названо “духом”? Одно столь же таинственно для меня, как и другое. Все это — понятия, которые мы употребляем для неизвестного, но властно действующего. Поэтому мое отношение ко всем *религиям* позитивно... И таким же позитивным является мое отношение к биологии и вообще ко всему естественнонаучному эмпиризму, который представляется мощной попыткой охватить *душу* снаружи, и наоборот, религиозный гнозис кажется мне такой же гигантской попыткой человеческого духа познать ее изнутри. В моей картине мира присутствует огромное *внешнее* и такое же огромное *внутреннее*, а между ними находится человек, обращенный то к одному, то к другому полюсу, чтобы в зависимости от темперамента и склонностей считать абсолютной истиной то одно, то другое и в зависимости от этого отрицать одно ради другого или же приносить этому другому в жертву первое».

Другими словами, либо наука и технологии в качестве инструмента «охвата», подчинения души, либо вера и дух для познания ее изнутри. Твою же авторскую позицию, которая мне эмоционально ближе, я бы обозначил так: «Лучше исповедовать веру во всей ее простоте, нежели превращать ее в науку». Что означает в конечном счете признание права на существование веры и науки вне юнговского соотношения инстинкта и духа, потому что человек все же не животное, и ему, хотя и бывают исключения, присуща духовная проницательность, основанная на предшествующем опыте.

Как читателя меня убеждает в этом легкая ироничная интонация твоего повествования, когда, вводя сюжетные линии и темы, организуя художественное пространство романа, ты даешь почувствовать личное отношение к поступкам и высказываниям твоих персонажей о бизнесе, искусстве, религии, еде, любви, окружающей жизни и стремлении к другой жизни. Твоей наблюдательности, чуткому уху, чувствительному носу, всевидящему глазу, *здравому смыслу* можно позавидовать, настолько органично они «работают» на организацию повествования в яркое целое.

А что касается науки, то к сказанному о ней можно было бы добавить следующее, на что в нашем обществе обычно не обращают внимания. А именно — на катастрофические последствия советского фе-

номена атеизации из-за отсутствия здравого смысла, о чем я задумался, прочитав роман, покоренный твоим здравым смыслом. Попытаюсь это объяснить.

Ясно, что атеизм продукт секуляризации, начавшейся в Европе с обращения церковной собственности в светскую и освобождения от церковного влияния умственной и общественной деятельности. А затем, с конца XIX века, секуляризацией стали называть любую форму эмансипации от религии и церковных институтов.

И чем этот процесс завершился в Советском Союзе? Квасисакрализацией всех институтов государства, тотальным огосударствлением собственности, игнорированием прав и свобод граждан, всепроникающим идеологическим контролем над образованием, искусством, наукой. А в странах Европы? Поиском и найденным балансом между процессом *секуляризации* и традиционной *сакрализацией*. Благодаря чему? Благодаря просвещению, гражданскому обществу, независимым институтам, плюрализму мнений, толерантности и не в последнюю очередь (я возвращаюсь к науке) благодаря открытиям и достижениям ученых и философов. При этом я имею в виду такие известные открытия и достижения XX века, как теория относительности Эйнштейна, принцип дополнительности Бора, теорема неполноты Гёделя (согласно которой даже в математике — этой царице наук — существуют истины, которые невозможно подтвердить), пошатнувшие фундамент классической науки, но не подорвавшие основы христианской антропологии и религиозное мировоззрение. Достаточно вспомнить в этой связи знаменитую фразу Эйнштейна «Бог не играет в кости».

Так как же и нам достичь этого равновесия, баланса между современной секуляризацией по-русски, начавшейся с *разгосударствления* социалистической собственности, и возрождением одновременно процесса сакрализации, если учесть, что оба эти процесса идут под патронажем государства, и разобраться в том, что происходит на самом деле, фактически невозможно?

Ответ: остается надеяться на себя, что я и называю здравым смыслом. То есть не просто моим сознанием чего-то, а опытом самого сознания, в котором имеет место, как сказал бы философ, некое невербальное или терминологически неделимое состояние «я есть, я мыслю». И следовательно, об этой точке очевидного в такой момент для всех опыта, лично испытываемого, в которую как бы стянуто все, что было до меня, существует вокруг меня и будет после меня, можно сказать: это все я, все это обо мне, я имею к этому отношение и никому не передоверяю свою ответственность.

Собственно, к такому выводу и подводит читателя твой роман, когда в конце, завершая его, ты пишешь фразу: «Тёма, на выход!» Поэтому и у меня напрашивается заключительная фраза: роман читается как послание поколению, идущему на смену, о здравом смысле.

Именно в здравом смысле «цены отсечения» я вижу главное его достоинство, не говоря уже о пережитом эстетическом удовольствии. Поздравляю от всей души, лишенной инстинктов.

*Альваро Хиль-Роблес,
профессор университета
Комплутенсе, Мадрид;
комиссар Совета Европы
по правам человека
(1999–2006)*

*Ценности и современная демократия: взгляд из Европы**

В названии моего выступления фигурирует слово «Европа», поэтому сразу оговорюсь: я включаю в это понятие и Россию, так как продолжаю считать, что Россия — часть европейского проекта, европейского приключения.

Итак, что такое Европа сегодня? Разумеется, это больше, чем просто экономический проект. И это не только географическое пространство и не только пространство свободного передвижения людей и товаров. Европа — это нечто большее. Определяющим для меня в этом проекте, над которым мы должны работать вместе, является его политическое измерение в самом широком смысле слова. Европа — это пространство, где живут и достигают взаимопонимания люди на основе ценностей, которые являются для них фундаментальными, а именно — ценности демократии, свободы и достоинства человека.

Что предшествовало появлению современной Европы?

Напомню, после окончания Второй мировой войны в 1946 году, выступая в Цюрихе, Уинстон Черчилль говорил о строительстве великой Европы, о демократических ценностях и уважении к человеческой личности. Потом Морис Шуман и другие говорили об экономике и политике, подчеркивая, что нельзя ограничиваться только созданием рынка, что европейцам необходимо думать о сохранении свободы, создавая альтернативу тем системам, которые отвергают права человека. Чтобы пережитая трагедия больше никогда не повторилась, было решено принять Всеобщую декларацию прав человека ООН и Европейскую конвенцию о правах человека. Позже основные положения этих международных соглашений нашли выражение в конституциях и законах западноевропейских стран.

Какие ценности легли в основу европейской модели демократии? Мир. Справедливость. Солидарность. Равенство. Политические свободы. Отмена смертной казни. Право на признание инаковости другого. Толерантность. Правовое государство, в котором

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 14 июня 2008 года.

власть не абсолютна и ответственна. Мы ясно понимали: если мы не сохраним и не защитим эти ценности и не будем продолжать верить в них, демократическая система может разрушиться.

Но в Европе оставались государства, где не было свободы и уважения к человеческой личности, как бы это ни называлось — коммунистическая диктатура или, как в Испании и Португалии, фашистская диктатура. И пока существовали фашизм и коммунизм, демократия должна была усиливать свои позиции и защищать провозглашенные ценности. Однако в Португалии диктатура была свергнута, а в Испании диктатор умер в собственной постели, и страна изменилась. Спустя десятилетие пала Берлинская стена, и начались большие перемены не только в Европе, но и в России. У европейцев — парламентариев, представителей крупного бизнеса, государственных деятелей — появилась уверенность, что демократия победила, что теперь надо думать об экономике. Но это большое заблуждение. Почему? Потому что мы стали забывать о наших ценностях, которые являются фундаментом демократической системы. Мы решили, что выиграла, а сейчас вдруг обнаруживаем, что, когда возникают кризисные моменты, не знаем, как на них реагировать; даже самые старые демократии принимают решения, не выдерживающие критики. Где сейчас принцип солидарности в Европе? В свое время на континенте была создана система социальной справедливости, не похожая на англосаксонскую, где каждый должен защищать себя сам. А мы на континенте создали систему социального обеспечения, включающую пенсии по старости, пособия по безработице, способы поддержки неимущих и т. д.

Какая сейчас в ходу философия во многих странах? Каждый за себя! Становится все больше различий между бедными и богатыми. И часто это

скандално богатые люди, которые постоянно демонстрируют свое богатство — машины, самолеты, яхты... В обществе даже восхищаются этими быстро разбогатевшими людьми, независимо от того, мафиозное или честное происхождение такого богатства. Увеличивается и так уже огромная разница между богатыми и бедными странами. Мы смотрим на бедные страны, держась на расстоянии: где-то там Африка, Азия с их проблемами...

Коррупция в государственной сфере, причем в масштабах совершенно неприличных! Это зло, широко распространенное по всей Европе, а не только в России.

И еще две сложнейшие проблемы, с которыми мы столкнулись. Одна — это терроризм. Я всегда рассказываю, что в Испании мы боролись с терроризмом долгие годы. И во время диктатуры, и потом, когда думали, что наступила демократия и все закончилось. Увы, мы ошибались: террор продолжался, баски и другие террористические группы продолжали совершать преступления и сеяли ужас по всей стране.

В борьбе с терроризмом мы допускали ошибки, и, только когда выходили за рамки законности, вдруг понимали, что встали на одну доску с террористами. Террористы усиливались именно благодаря тому, что государство боролось с ними их же террористическими методами. Потом правосудие все-таки наказывало виновных, такой опыт у нас был. В других странах, в Италии — в борьбе с «Красными бригадами», в Германии — с фракцией Красной Армии, такого опыта практически не было. А когда 11 сентября 2001 года начался исламский терроризм, западный мир вдруг сказал: «Надо же, черт возьми, что-то делать!» И тогда принимаются масштабные антитеррористические меры, которые сопровождаются ограничением свободы ради безопасности.

И мы стали свидетелями жутких вещей. Лагерь для подозреваемых в терроризме в Гуантанамо, организован-

Любовь Попова. Портрет философа. 1915

ные ЦРУ секретные полеты в странах Западной Европы, борьба против терроризма страшными методами в Чечне... В цивилизованной, демократической Европе мы увидели, что в Великобритании принимаются чрезвычайные юридические нормы, согласно которым можно держать под арестом предполагаемых террористов без обвинения и без решения суда. Пока эти меры не были отменены.

Вторая проблема — иммиграция. Развитие Европы, в том числе и России, происходит благодаря миграции. Но мы не знаем, как вести себя с иммигрантами, в результате чего возникают нетерпимость и ксенофобия. Когда миллионы людей, представителей другой культуры и другой религии, приезжают к нам, мы думаем, что они должны только работать, должны отказать от своих верований, перестать быть свободными. Местное и пришлое население начинает вступать в конфликты. Наши демократические ценности, принципы солидарности, религиозной и политической терпимости подвергаются испытанию, когда начинаются конфликты и растет страх перед неизведанным. Почему это происходит? В большой степени потому, что мы забыли о ценностях. Потому что мы забыли, что такое гражданское общество — информированное, солидарное, когда оно может сказать правительству: «Да, я буду поддерживать его в этом, а в этом не поддерживаю, потому что оно слишком далеко зашло». И тогда люди выходят на улицы и голосуют, чтобы сменить правительство, нарушившее договор. Так живое, демократическое общество защищает свои права и ценности!

Я думаю, что сейчас в этой сфере у нас глубокий кризис. В школах не учат демократическим ценностям. В Европе мы только в последнее время начинаем осознавать, что это надо делать. Мы воспитали целое поколение людей, образцом для которых было ус-

пешное экономическое развитие и потребление. Каждый за себя! Солидарного, общего проекта не существует. Последний пример — голосование в Ирландии по Европейской конституции. Она сказала «нет» очень важному европейскому проекту, потому что боится изменения налоговой системы. Из-за экономического эгоизма «нет» сказала страна, которая больше всего выгод получила от ЕС, как и Испания, и другие страны. Что это значит? Ведь люди могли бы подумать и сказать: «Да, мы проиграем экономически, но выиграем больше в других вещах!»

Насколько я знаю, нечто подобное происходит и в России. Хотя любая столица особый случай, но, когда я приезжаю в Москву, я тоже вижу прекрасные автомобили, совершенно немислимые магазины, фантастическое царство потребления и спрашиваю себя: «Неужели, мир демократических ценностей в России так же иллюзорен?» Или мы все же способны понять, что демократия — это не только декларации, универсальные и европейские соглашения, зафиксированные на бумаге. Но проблема в том, что в повседневной жизни правительства и общество из-за страха, недостаточной убежденности в своих демократических ценностях не применяют эти законодательные акты во многих странах, и ценности выхолащиваются.

Надо постоянно напоминать и правительству, и обществу, как трудно завоевать свободу и как просто ее потерять. Демократия — сильная система, но ее надо защищать. Это сложнейшая задача не только для правительств, но и для всех нас — для тех, кто хочет быть гражданами.

Проблема, как я сказал, не в законодательных текстах, эти тексты в порядке, кризис — в восприятии обществом уже провозглашенных демократических ценностей. И в том, насколько оно готово и способно отстаивать их, чтобы не потерять то, что было завоевано миллионами жертв.

Дискуссия

Кирилл Орешкин, соучредитель ЗАО «Эликс», Ленинградская область:

— Господин Хиль-Роблес, я хотел бы задать вопрос, чрезвычайно важный для меня. Не является ли политика стран Европы и США по отношению к правам человека в России, с которыми, как мы все прекрасно знаем, у нас большие проблемы, — некоей разменной монетой, рычагом давления на Россию в экономической и политической сфере, неким объектом торговли в обмен на уступки со стороны России? Я хотел бы подчеркнуть, что речь идет не о вашем личном отношении к соблюдению прав человека в России, — оно мне хорошо известно. Речь идет о позиции руководства стран Европы и США.

Вячеславна Иванова, ведущий специалист по связям с общественностью исполкома Нальчикского отделения партии «Единая Россия», Кабардино-Балкария:

— Скажите, пожалуйста, почему приходится часто наблюдать давление Запада, его пристальное внимание к установлению демократических ценностей в России? Но при этом, например, Япония не является вызовом западному общественному мнению.

Людмила Борисова, корреспондент газеты «Уездный телеграф», Ленинградская область:

— Уважаемый господин Хиль-Роблес, я хотела бы, прежде всего, поблагодарить вас за то, что вы раскрыли очень важную и сложную тему простыми человеческими словами. У меня конкретный и, может быть, наивный вопрос. Если чиновник делает официальное заявление и обещает гражданам одно, а через год делает совсем другие, противоположные заявления, является ли это нарушением прав человека? И то же касается предвыборных обещаний. Не считаете ли вы, что нужно контролировать их исполнение, и, может быть, предусмотреть какое-либо наказание для тех, кто сознательно обманывает избирателей?

Альваро Хиль-Роблес:

— Отношения Запада и России — вечный вопрос. Я не хочу начинать полемику, потому что со стороны европейских стран, конечно же, проявлялось, в том числе, и лицемерие в отношении России, в то время как мы не обращали внимание на то, что делаем плохо в собственных странах. А плохого мы делали тоже немало, и я говорил об этом европейским руководителям, будучи комиссаром по правам человека Совета Европы. Но ведь проблемы в России действительно были. Скажем, та же война в Чечне и злоупотребления во время этой войны были реальностью, и трудности с реформами в России это то-

же реальность. Должны ли мы, европейцы, вас поучать? Конечно, не должны, но мы можем говорить о проблемах с нашими российскими друзьями, обращая внимание и на наши недостатки.

В Европе мы не реагировали, например, должным образом на развертывание войны в Ираке. Ведь то, что кто-то делает плохо, вовсе не означает, что другие должны закрывать на это глаза. Я думаю, россияне должны пытаться изменить ситуацию, если она недостойна, что бы там ни говорили другие. Для меня это важно.

В Испании есть такая поговорка: «Если зло совершают многие, то для меня это не утешение». Мы должны стремиться решать свои проблемы сами, и не говорить: «Вот эту критику я не принимаю, потому что у того, кто меня критикует, тоже есть проблемы».

Кирилл Орешкин:

— Я хотел бы уточнить свою позицию. Я не говорил о политике двойных стандартов. Я говорил о недостаточном внимании Запада к правам человека в России, недостаточном!

Альваро Хиль-Роблес:

— Я с вами согласен. Когда мы верим в ценности, надо отстаивать их до конца. И когда надо сказать что-то, надо об этом говорить, где бы то ни было и кому бы то ни было. Даже на самом высоком уровне. Я думаю, в этом наивысшее проявление солидарности и лояльности к дружественной стране, это жест дружбы, когда говоришь другу: «Слушай, мне кажется, ты поступаешь плохо, почему ты так делаешь? Я готов тебе помочь, чтобы исправить ситуацию». Но это должно быть взаимно. Чтобы иметь нравственную силу сказать так, в твоём собственном доме должно быть тоже все в порядке.

Насчет чиновников. Подобное происходит всюду. Во время любой предвыборной кампании обещают все, что угодно. Нет ни одного политика, который не говорит, что он проведет воду, пустит поезда, всех накормит. Они все обещают. Это часть политического действия. Многие потом не исполняют обещаний, а некоторые даже делают все наоборот. Что вам сказать? Не голосуйте больше за таких политиков. В этом сила демократии. Если есть независимые СМИ, где вы можете критиковать политика, который не выполняет своих обещаний, самое большое наказание для него — когда на следующих выборах за него не проголосуют.

Леонид Петрашис, депутат Городской думы, г. Волгодонск, Ростовская область:

— В России институт уполномоченного по правам человека был создан в 1997 году. Но зачастую, к сожалению, у нас в стране действие этого института связано с личностью, которая его возглавляет, — от Ковалева до Лукина. Лукин — опытный дипломат. Но его деятельность сводится в основном к защите прав людей, находящихся в заключении. Чего, на ваш взгляд, не хватает руководству страны, обществу, чтобы институт уполномоченного защищал права всех граждан в России? Исходя из опыта Испании, что бы вы могли посоветовать?

Вероника Довгань, генеральный директор компании *Project Group*, Воронежская область:

— Какой вы видите демократию в России и роль государства в ее становлении? Что является определяющим: государство для человека или человек для государства?

Максим Сучков, руководитель департамента инвестиционных проектов компании «Белый парус», г. Нижний Новгород:

— По правде говоря, я удивлен. Оказывается, в России и в Европе элиты думают сейчас примерно об одном и том же, что ценности потребления незаметно заменили собой ценности этические. У меня вопрос в этой связи технологический. Какой вы собираетесь развивать институт, чтобы ценности этики побороли ценности потребления?

Альваро Хиль-Роблес:

— Начну с последнего вопроса. Ценности потребления в нашем обществе укоренилось глубоко. Я не против потребления как такового, это было бы глупо. Что делать? Не думаю, что надо создавать или развивать специальный институт. Надо работать со всем обществом. Надо использовать Школу, чтобы передавать и распространять ценности демократии. Надо использовать СМИ, которые должны рекламировать нечто большее, чем просто право на покупку последней марки духов или последней модели автомобиля. Надо участвовать в гражданских инициативах — это коллективная ответственность. Не надо создавать что-то новое. Надо, чтобы система работала. А ее можно создавать только снизу; это непросто, но это необходимо делать — воспитывать гражданина. Чтобы в стране были не только хорошие юристы или инженеры, а воспитывать людей, которые верят в свободу, верят в свое общество.

Вопрос об уполномоченном. Спросите Лукина, он сегодня тоже будет выступать. Я давно его знаю. Это человек очень ответственный в отношении прав человека. Когда я был комиссаром, он мне помогал. Когда я писал отчеты о России, не только о людях в местах лишения свободы, он говорил мне об образовании, о здравоохранении, о пенсионном обеспечении. Я думаю, что он все хорошо понимает и чувствует. Из своего опыта могу сказать, что вам повезло — в России очень хороший уполномоченный.

Теперь, что касается государства и человека: по-моему, я уже ответил на этот вопрос в своем выступлении. Для меня человек — основная ценность, неоспоримая. Не может государство игнорировать человека. Люди и есть государство. Например, я не готов жертвовать своей свободой или свободой любого из вас во имя некоего абстрактного понятия, которым является государство, обращающее власть в свою пользу. Мы не должны упускать из вида фактор личности. Если есть личность, то будет и правовое государство. И оно будет уважать право на жизнь, не будет смертной казни т. д. Если мы это недопонимаем, значит, что-то где-то не работает.

Игорь Ковалев, помощник депутата Государственной думы РФ, Республика Кабардино-Балкария:

— Сегодня в Европе часто говорят о так называемой концепции нового поколения прав человека. Это права, связанные с однополыми браками, с эвтаназией, клонированием и т. д. Скажите, возникновение нового поколения прав — это попытка переосмысления традиционных прав или их появление связано с обществом потребления?

Наталья Палева, старший преподаватель Самарского государственного университета:

— Когда слушаешь вас, складывается впечатление, что демократические ценности будут возможны после того, как будет побежден терроризм. Сейчас распространяется теория, что демократия будет экономической, что страны будут становиться демократическими в первую очередь потому, что им это выгодно с экономической точки зрения.

Юрий Сенокосов, директор издательских программ Московской школы политических исследований:

— Небольшой комментарий о ценностях. Этот термин недавнего происхождения, он появился в 40-е годы XIX века и потом широко вошел в культуру под влиянием Ницше с его стремлением к «переоценке всех ценностей». Я бы дал такое его определение: ценность — это наше отношение к идеалу. Не сам идеал, а именно отношение к

нему, поскольку ценность немыслима без морали, причем абсолютной, и в этом проблема. Если мы вспомним, что именно такую мораль с классовых позиций пропагандировали в Советском Союзе, а в Германии — абсолютную мораль чистоты расы и все с этим связанное. И все мы хорошо знаем, чем это закончилось. В XX веке явно перебрали по поводу морали и идеологии, и у людей появилось серьезное недоверие к этим понятиям. И поэтому мы часто слышим: «Ну хватит морали!» или «Хватит идеологии!». На самом деле Альваро Хиль-Роблес ставит серьезную проблему, как бы мы к ней ни относились. Обсуждать ее необходимо, чтобы прояснять эти вещи. Повторю еще раз: ценность — это наше отношение к идеалу. Но отношение к идеалу должно быть относительным. Только тогда мы начнем понимать друг друга.

Альваро Хиль-Роблес:

— Это очень правильное толкование того, что я говорю. Дискуссия необходима. И поскольку меня спросили о правах человека нового поколения, приведу два примера. Понятие «права человека», конечно, эволюционирует.

Остановлюсь вначале на ценности равенства. Все люди равны. Почему мы не относимся к гомосексуалистам как к равным? Почему отказываем им в определенных правах? Почему они не могут заключать брак, как мы? Это важный вопрос. Зародыш этой дискуссии — в принципе равенства. Мы можем сказать, что брак может быть только между мужчиной и женщиной, и точка. Но если взять принцип равенства, то предполагается, что брак — это юридическая форма сожительства людей. И тогда люди одного пола или разных полов могут жить вместе, могут создать семью, воспитывать детей. Это будет нетрадиционная семья, но это тоже семья. Или нет? Это эволюция общества. Почему нужно отрицать право гомосексуалистов на работу? Это ведь все равно что отказывать в этом праве женщинам. Женщины тоже отвоевывали свои права. Почему женщина не может быть авиапилотом? У нас в Испании в этом году женщина впервые закончила академию ВВС и заняла первое место среди выпускников. Почему мы должны ограничивать пространство свободы, дискриминировать человека по половому признаку или по каким-то другим признакам?

Другой пример — о ценности справедливости. Что такое справедливость? Справедливость — это не месть, конечно. Если мы будем думать, что справедливость — это месть, тогда мы разрушаем систему ценностей. Справедливость — это возмещение ущерба индивидууму или обществу, и больше ничего. Я не хочу действовать по принципу «око за око, зуб за зуб». Если справедливость не месть и если главным фактором является личность, я как часть общества должен бороться, чтобы человека не осудили навсегда как преступника. Я должен дать ему возможность вернуться в общество. Есть прощение — шанс на новую жизнь. А если мы его заключили за решетку и забыли о нем или просто убили? В этом и состоит разница между демократическим обществом и обществами недемократическими.

Марина Чернышева, директор автономной некоммерческой организации «Кабардино-Балкария. Мир и мы»:

— Я полностью разделяю вашу обеспокоенность относительно ценностей и прав человека. Скажите, пожалуйста, каким вам видится механизм противостояния бездуховности среди молодежи? Ведь этому нужно как-то противостоять. Нам очень повезло, что мы попали в Школу, потому что это место, где эти вопросы внятно обсуждаются, куда приезжают эксперты вашего уровня. На мой взгляд, нужно внести проблему бездуховности в повестку дня власти, и только тогда что-то изменится.

Роза Байсултанова, председатель комитета Молодежного парламента Чеченской Республики по развитию молодежного движения:

— В Чечне ценят ваш вклад в защиту прав человека. Вы сделали больше, чем обязывала ваша должность комиссара Совета Европы. Спасибо вам большое.

Даниил Гаманов, руководитель проекта ОАО «Новосибирское авиационное производственное объединение им. Чкалова»:

— Вызовы, которые существовали раньше — Вторая мировая война, коммунизм — были внешними. Во всяком случае я так их воспринимаю. Сегодняшние вызовы — иммиграция, терроризм, ограничение прав человека — скорее внутренние. Террористы не ставят целью уничтожение демократии во всем мире. И иммиграция — не враг демократии, а ее порождение. Я считаю, что это кризис демократии внутренний, а не внешний.

Эвелина Карцева, старший референт Общероссийского общественно-политического движения «Выбор России», Алтайский край:

— Мне кажется, что вы подняли очень важный вопрос, и я хочу обратиться не столько к вам, сколько ко всем участникам нашего семинара: задуматься о том, какую мы платим цену за утрату или отсутствие того, о чем вы говорили. У молодежи появилась возможность иметь дорогие машины, выезжать на дорогие курорты, но мы редко задумываемся, чем это может обернуться. Мне, например, наше общество напоминает маленького ребенка, который плачет, и, чтобы он не надоедал родителям и дал им поспать, они окунают соску в сахар и дают ему.

Альваро Хиль-Роблес:

— Вообще-то, я думаю, что в современном обществе много молодежи, у которой значительно больше мозгов, чем у старшего поколения, у которой намного больше здравомыслия и желания делать что-то. Просто молодым людям необходима информация. Говорить же, что молодежь бездуховна и поэтому ею легче манипулировать, я считаю, неправильно. Молодежь смекалиста, хочет работать, хорошо жить, хочет хорошую машину, и ничего плохого в этом нет. Но помимо этого, конечно, нужно знать, что со всем этим делать, нужно понимать, в каком обществе мы живем, для чего живем, как можем научиться жить вместе.

Поэтому я бы не стал говорить, что молодежи надо на ишаке кататься и жить в хижине с протекающей крышей. Но я это понимаю так: если я живу рядом с другими, я должен уважать их свободу, должен быть солидарен с тем, кто меньше зарабатывает, кому трудно. Вот из чего рождается справедливое общество. Я хочу иметь солидарную систему с хорошим здравоохранением, образованием, общественным транспортом и т. д. И не хочу, чтобы бедные становились беднее, а богатые еще богаче. За такое общество и необходимо бороться, не думая, что есть какая-то высшая власть, которая тебе все даст. Ты и есть власть! Ты гражданин, и у тебя есть права и обязанности. Обязанность твоя в том, чтобы защищать ценности демократического общества.

По поводу Чечни. Спасибо за ваши слова. Возможно, это был один из самых трудных периодов в моей жизни. Когда ты видишь, что кто-то замерзает, погибает в развалинах, ест жидкий супчик, потом не можешь спокойно спать. Улетаешь на вертолете в гостиницу, в теплое место и не можешь забыть, что ты видел трагедию народа. Было много ошибок в Чечне. Мы об этом уже говорили. Когда-нибудь надо сесть и оглянуться в прошлое объективно, это нужно, чтобы завоевать будущее.

Что касается внутреннего кризиса демократии, то он есть, конечно. Но кризис это не всегда плохо. Когда у больного наступает кризис, это значит, что начинается выздоровление. Может быть, чтобы демократии укрепиться, надо пройти через трудности. Приведу пример. Как вы помните, несколько лет назад в Испании «Аль-Кайеда» устроила серию взрывов на вокзалах и в поездах, погибло много людей, сотни ранены. Как испанцы реагировали? Я горжусь реакцией моих соотечественников. Миллионы людей вышли на улицы, провели массовые манифестации, и какие они несли транспаранты? «Будем бороться с терроризмом силой закона!», «Мы не хотим чрезвычайного положения!», «Не забирайте у нас свободу и наши права!». Это было очень важно.

Надо объединиться, чтобы преодолеть кризис, чтобы демократия была по-прежнему сильной, чтобы терроризм не отнял свободу. Мы должны бороться с террористами, но не террористическими методами. Это надо помнить, потому что эффективность антитеррористической борьбы не означает отказа от основных прав и от правового государства.

О соске с сахаром. Это очень вкусно, почему бы нет? Когда я был маленький, — а это было давно, — мне тоже давали соску с сахаром и добавляли немножко урухо (это испанская водка), чтобы я крепко спал. Главное, чтобы не все заснули, чтобы нас всех не усыпили такой сосочкой.

Ваха Белхороев, волонтер региональной общественной организации «Новая Ингушетия»:

— Вы обозначили такую глобальную проблему, как терроризм. Меня тоже интересует этот вопрос, так как терроризм в XXI веке стал угрозой всему человечеству. Но я с вами не согласен, когда вы упот-

ребляете термин «исламский терроризм». Хотел бы у вас спросить, существуют ли такие понятия, как «христианский терроризм», «исламский терроризм»? Объясните, пожалуйста, что это такое. Я понимаю, что такое терроризм, но не понимаю, что такое исламский терроризм. Я мусульманин, и, думаю, у нас самая миролюбивая религия.

Диана Исаева, корреспондент газеты «Вышка», Республика Азербайджан:

— Во многих странах подавляют так называемую традиционную оппозицию. А в некоторых бывших советских республиках ее вообще прозвали «нафталиновой». Но свято место пусто не бывает. Могут ли террористические или религиозные организации занять эту нишу?

Валерий Котов, консультант мэра по правовым вопросам администрации Ангарского муниципального образования, Иркутская область:

— Вы осудили Гуантанамо и секретные тюрьмы ЦРУ, но в прессе была информация и о секретных тюрьмах в Европе, и о том, что началось расследование этого факта, а что произошло дальше?

Белла Севостьянова, главный редактор газеты «Шахтинские известия», Ростовская область:

— Вы говорили, что свобода человека, его достоинство это приоритетное благо. Вы начали свое выступление с этих замечательных слов. Какое место среди этих ценностей занимает вера? Бог учит любви к ближнему, а из нее по большому счету произрастает и равенство, и свобода, и справедливость. Может быть, с этого и надо начинать?

Альваро Хиль-Роблес:

— Ну что же, попробую ответить. Последние вопросы и первые более-менее похожи. Вопрос об исламском терроризме. Нет, я тоже не считаю, что ислам является террористической религией. Это глупость. Но, к сожалению, есть группы людей, которые используют философию ислама, законы шариата, чтобы оправдать совершаемые ими преступления, убивая ни в чем не повинных людей. Но это не значит, что надо обвинять весь ислам, я никогда бы этого не сказал. Да, христиане во имя своих идей тоже убивали, вели крестовые походы, придумали термин «еретик» и сжигали еретиков. И неважно, были это католики или протестанты, казнили и сжигали инакомыслящих. Так что нетерпимость, конечно, была. К чему это ведет? «Если ты думаешь не так, как я, и у тебя другая религия, я лишу тебя свободы или жизни». Смысл же терпимости, а точнее, толерантности в том, что я не просто терплю, а признаю и уважаю мнение другого человека. Конечно, при условии, если он не посягает на мою свободу. Я в течение шести лет был комиссаром по правам человека. За закрытыми дверями встречался с представителями монотеистических религий и спрашивал их, какова роль религии и церкви в защите демократических прав и ценностей? И у меня сложилось впечатление, что

для них теократические ценности превыше человека. Поскольку эти ценности якобы несут истину в последней инстанции. Но ведь у людей должно оставаться право на сомнение и быть свободными гражданами. Следовательно, принцип толерантности очень важен. Если нет такого принципа внутри меня, то я заведомо не буду терпеть другие убеждения.

Общество надо убеждать не в том, что религиозные ценности абсолютны, а говорить и рассказывать детям в школе о содержании основных религий — ислама, христианства, иудаизма и т. д. Не поучать ребенка и не навязывать ему доктрину. В школе должны давать информацию, чтобы ребенок не был невеждой. А потом у него будет возможность выбора исповедовать ту или иную религию, и это будет его личное свободное решение. В демократическом обществе очень важно, чтобы оставалось пространство свободы.

К сожалению, сейчас в странах ислама есть круги, которые этого не понимают. Как в свое время в христианстве. Я не знаю, какая эволюция ждет эти круги, но христианство это уже проходило. Для меня ислам — не синоним терроризма, это полная глупость. Террористические группы существуют во всем мире, не только исламские.

Я знаю, что в некоторых странах подавляют оппозицию, об этом нельзя молчать. Мы объясняли правительствам этих стран, что, если у них власть в руках, это не значит, что нужно пересажать всех политических противников. Однако политическая культура развивается, увы, не сразу. Во многих странах думают, что раз в твоих руках власть, то это частная собственность, и тот, кто не с нами, должен сидеть в тюрьме. Это работа — бороться с такими убеждениями.

Что касается лагеря в Гуантанамо. К сожалению, для демократического, европейского общества это позор. Я не раз говорил, что если бы Гуантанамо возникло в России, то на Западе кричали бы: «Гулаг, Гулаг!» Я надеюсь, что недавнее решение Верховного суда США ясно показало, что нарушение прав заключенных в Гуантанамо это постыдная вещь, и такого быть не должно. И это показывает, кстати, что наши общества готовы и могут защищать права людей, в том числе и подозреваемых в терроризме.

Иными словами, у нас у всех есть проблемы, но они преодолеваются совместной работой. А те, у кого есть разум и желание видеть эти проблемы, должны отвоевывать пространство свободы, чтобы покончить с нарушениями прав человека. Информации, по-моему, вполне достаточно и в Совете Европы, и в отчетах Европейского парламента. Но, поверьте, что бы ни делалось в институтах и какие бы решения ни принимались, они никогда не будут достаточными, если мы как граждане не будем давить на правительства и противостоять политическим силам, которые хотят отнять у нас свободу. Эту битву мы должны вести постоянно.

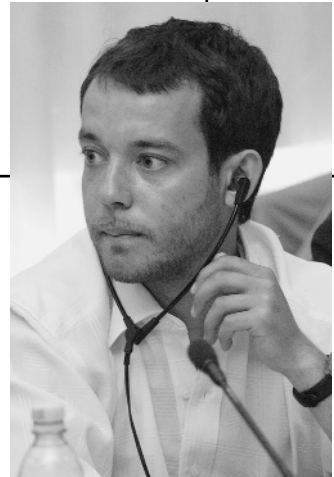
Заметки с семинара

Июньский семинар Школы принес массу новых впечатлений и идей. Общее ощущение, которое осталось — ощущение некоей двойственности. Не «двойных стандартов», а именно двойственности, диалектичности — нет одной правды, одной истории, «правильного» пути.

Зарубежные эксперты говорили, в частности, в своих выступлениях о демократии и свободе, независимых СМИ, приоритете прав человека. С этим сложно спорить, но содержательно это нас мало продвигает. Можно долго рассуждать, например, о независимом суде, но от этого не становится понятнее, как и кто может обеспечить в России его появление в условиях борьбы интересов различных субъектов влияния и недостаточной активности местных сообществ.

Остро обсуждалось (как зарубежными, так и русскими экспертами) противоречие между интересами и доверием в международных отношениях. В последнее время нередко можно услышать о приоритете интересов над ценностями, что во внешней политике не может существовать никаких принципов, кроме права сильного и принципа отстаивания национальных интересов. Директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав Иноземцев говорил в этой связи о кризисе универсальной доктрины прав человека, Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин — о «розовых бантиках» идей и аккумуляции реальной власти в недоступных для граждан местах, редактор международного отдела газеты *Файненшл Таймс* Квентин Пил — о возможности отката проекта глобализации.

Действительно, мы видим сегодня кризис ООН, рост государственного протекционизма, начало нового витка гонки вооружений после вторжения

*Александр Шепилов,
заместитель начальника
Управления по делам
молодежи Новосибирской
области*

США в Ирак и многие другие издержки нынешнего мирового порядка. Государства стремятся не оказаться в числе проигравших на мировой шахматной доске, в результате чего верх в международных отношениях одерживает концепция жесткой конкуренции, где многие средства хороши. И в противовес этому — выступление депутата парламента Швеции Урбана Алины о том, что его страна заинтересована в сильных соседях и доверительных отношениях, потому что от этого она сама получит существенно больше выгод.

Бывший комиссар Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблес сосредоточился на проблемах демократии и на кризисе ценностей в демократических обществах, где, по его словам, права и свободы, принципы солидарности испытывают постоянное давление реалий общества потребления, проблем иммиграции, угрозы терроризма. «Надо постоянно напоминать и правительству, и обществу, как трудно завоевать свободу и как просто ее потерять. Демократия — сильная система, но ее надо защищать», — сказал он.

Дух демократических ценностей родился после Второй мировой войны. Осознание общей угрозы было тогда настолько остро, что интересы отдельных стран отступили перед интересами более высокого порядка — так появилась ООН. Но сейчас наступил кризис прежде всего из-за того, что ушло осознание важности взаимного доверия, оно сменилось приматом интересов и личных целей. Грань, за которой совершается этот переход, предельно тонка. Примерно об этом говорил директор издательских программ Школы Юрий Сенокосов: «Ку-

да-то мы провалились — из-за недоверия друг к другу, к государству, начав объяснять поступки людей какими-то непреложными законами, животными инстинктами». Ведь есть вещи, которые явно не вытекают из формализованного знания об окружающем нас предметном мире: любовь, дружба, красота, добро. «Мы перестали понимать простые слова, такие как свобода, личная ответственность, достоинство», — сказал Ю. Сенокосов.

По-новому зазвучала для меня на семинаре тема отношений со странами СНГ. Я поймал себя на ощущении, что до сих пор отношусь к ним как к недавним республикам СССР. И так же к ним относится значительная часть россиян. Во время выступления посла Литвы в РФ Римантаса Шидлаускаса я остро осознал, что до вхождения в состав СССР Литва была независимым государством. Здесь важно именно **осознание** этого факта, поскольку мне это было, конечно, известно, но подсознательно воспроизводился старый советский стереотип. А смена стереотипа означает совершенно иной взгляд на взаимоотношения с «соседями». Вместе с тем я вспомнил советские фильмы «Мимино», «Кавказская пленница» и др. Отношения, показанные там, — это действительно существовавшая реальность, а не продукт советской пропаганды. Отношения между гражданами одной страны, а не просто дружелюбными и гостеприимными соседями. Поэтому вопрос о том, насколько существующая геополитическая ситуация в СНГ является сегодня следствием исторической и культурной традиции, а насколько продуктом политических технологий, остается для меня открытым. В связи с этой проблема-

тикой очень актуально прозвучало выступление главного редактора журнала «*Отечественные записки*» Никиты Соколова, посвященное образу отечественной истории и идее исторической судьбы. Соколов говорил об истории как о совокупности целесобразных людских поступков, совершенных в прошлом, у которой нет и не может быть законов. «Эффективно то общество, которое допускает свободную конкуренцию проектов будущего, — считает Соколов, — но для этого должно быть известно разнообразие исторических проектов прошлого».

Александр Аузан обсуждал перспективы модернизации нашей страны. Несмотря на экономический рост, существует ряд серьезных проблем: недостаточные даже для поддержания равновесия вложения в основные средства, уход из страны прямых инвестиций и приход краткосрочных портфельных, слабый человеческий капитал, социальное неравенство. Эксперт говорил о необходимости обновления государственных институтов, поскольку их нынешнее состояние сдерживает модернизацию экономики. Единственный шанс проведения успешных реформ в России Аузан связывает с возникновением влиятельных групп интересов среди чиновников, крупного бизнеса, гражданского общества, действительно, а не фиктивно заинтересованных в модернизации.

Ректор Российской экономической школы Сергей Гуриев говорил о проблемах образования. Он считает, что дело не в недостатках существующей системы образования, а в ее принци-

пиальной неэффективности и несоответствии задачам модернизации страны и развития инновационной экономики. Для преодоления технологического и институционального разрыва с ведущими университетами мира явно недостаточно простой веры на слово преподавателям или выпускникам американских вузов российского происхождения — потребителям российского образования нужны доказательства. Гуриев призывает к созданию параллельной альтернативной системы образования. В принципе, это происходит уже сейчас в виде огромного рынка дополнительных образовательных услуг, на котором те, кто хочет содержательно и профессионально расти, судорожно восполняют пробелы в образовании.

Из «круглого стола» председателя совета директоров группы компаний «Каскол» Сергея Недорослева для меня наиболее важной оказалась идея «сжатия времени». На уровне слов это является сегодня общим местом, но в жизни мы ведем себя по-другому. Слушая его, я вспомнил про большое количество книг, стоящих у меня на полках, про записи с разнообразных тренингов, которые приношу домой с намерением перечитать. Это все хорошие книги, и хорошие тренинги, и интересные идеи, но если я повторно трачу время на них, то тем самым отбрасываю себя в прошлое, и мне уже не хватает времени на то, чтобы найти и освоить какую-то свежую информацию. Умение быть современным стоит, в том числе, и в удержании баланса между прошлым и будущим, который и есть настоящее.

Из выступлений на семинарае

- # Эксперты всегда говорят одно и то же, но каждый раз по-разному.
- # Пока вы тоже можете участвовать в критике.
- # Не хотел брать слова. Довели.
- # Ваше выступление всех взволновало: многие забыли как их зовут, а многие — о чем хотели спросить.
- # Вы говорите о тех вещах, которые не входят в вашу компетенцию. Это очень приятно.
- # Я как политик маленький, но действующий.
- # Если у вас нет телевизора — это не значит, что вы интеллигент.
- # Если у вас нет телевизора, откуда у вас такие мысли?
- # После Лужкова мы поехали в Киев, и нам отказались продавать минералку.
- # Как бы ни относиться к нашим руководителям, но они как бы не идиоты.
- # Меня беспокоят проблемы, которые могут у вас еще возникнуть.
- # Пока мы здесь сидим, мы масса, а когда умрем, тогда мы из себя что-то представляем.
- # Коррупция стала тотальной: от роддома и до кладбища.
- # По взяткам мы на хорошем месте, но есть куда еще расти.
- # Сегодня интерес элиты — тырить нефтяные деньги. С уважением отношусь к этому интересу.
- # Я не то чтобы умный, но понимаю с первого раза.
- # Если ты сказал, что парламент не будет работать, это значит, что ты наплевал в фамильную библию.
- # Он не ученый, а руководитель. Ему не думать, а решать надо.
- # Запад, прежде чем полюбить Россию, требует от нее некоторые совершенные формы.
- # Вы пришли в нашу страну и решили: взяток не давать, — таким образом, вы культуру нашей страны не принимаете.
- # Мы непобедимы, но об этом пока еще никто не знает.
- # Россия на полпути от портрета Ленина к иконе Божьей матери.
- # Культуру закрыть невозможно, а терпеть приходится.
- # Россия пошла против ветра.
- # В Китае население горит все огнем, а у нас тихо.
- # У нас своя демократия, и Запад нас критикует за то, что им завидно. И вообще, как сказал наш вчерашний гость, «что вы здесь услышали — забудьте».

Записала
Людмила Савочкина

Общественный контроль над спецслужбами

Механизмы общественного контроля над спецслужбами давно придуманы: это работа профильных парламентских комитетов, парламентские комиссии, создаваемые по специальным поводам, контроль над бюджетом спецслужб и публичность работы тех правоохранительных органов, которым по закону поручено расследовать преступления сотрудников. Уникальность российской ситуации в том, что все эти механизмы формально существуют, но не работают.

Андрей Солдатов,
главный редактор *Agentura.Ru*,
обозреватель «Новой газеты»

Парламентский контроль

Сегодня парламентский контроль над спецслужбами есть в 19 государствах мира*, Россия в этот список не входит.

Предполагалось, что задачу контроля над спецслужбами со стороны Государственной думы РФ должен выполнять Комитет по безопасности. Еще недавно комитет действительно пытался вмешиваться в деятельность наших силовиков, когда те слишком выходили за рамки закона. В составе комитета, например, были такие депутаты, как Юрий Щекочихин и Александр Гуров, которые руководили комиссией по борьбе с коррупцией.

Однако после декабрьских выборов в Госдуму 2003 года роль думского Комитета по безопасности кардинально изменилась. Председателем комитета был назначен член «Единой России», бывший заместитель министра внутренних дел Владимир Васильев (который был оставлен руководить комитетом и после выборов 2007 года). То есть министерский принцип подчиненности сохранился и в парламенте: спикер — бывший министр внутренних дел, глава

* В этот список входят: Аргентина, Австралия, Бельгия, Великобритания, Канада, Германия, Израиль, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Румыния, Словакия, США, Хорватия, Швеция, Южная Африка и Южная Корея. Источник: *Open Side of Secrecy. Britain's Intelligence and Security Committee. Anthony Glees, Philip H.J. Davies and John N.L. Morrison / Social Affairs Unit 2006 London.*

Комитета по безопасности — его бывший зам.

В результате Комитет по безопасности превратился в самый безопасный комитет Государственной думы. Свое место в истории Васильев заслужил в октябре 2002 года, когда от лица властей рассказывал нам, что же происходит на Дубровке. Это именно он в восемь утра 26 октября в день штурма здания культурного центра сообщил, что штабу не дали нормально начать операцию, так как несколько заложников попытались сбежать. Поэтому штурм были **ВЫНУЖДЕНЫ** начать. То есть заложники сами спровоцировали штурм, не оставив другого выхода. Именно Васильев на следующий день заверил, что ни один заложник не погиб из-за применения спецсредств. Хотя вскоре стала известна цифра погибших: 129 человек.

В интервью «Новой газете» в мае 2008 года Владимир Васильев откровенно признал, что в России нет парламентского контроля над спецслужбами, объяснив, что сегодня не прописан доступ к государственной тайне лиц, работающих на выборных должностях, в том числе депутатов, а «контролировать такую деятельность должны люди, которые не нанесут вреда»*.

Парламентские комиссии

Считается, что комиссии, создаваемые парламентами для расследования деятельности спецслужб в конкретных ситуациях, — это инструмент, к которому общество прибегает в крайних случаях, когда затронуты интересы большинства его представителей.

Когда случился «Норд-Ост», некоторые депутаты решили было, что обстоятельства захвата заложников в центре столицы нуждаются в расследовании. Но идея настоящей парламентской комиссии тогда сразу же провалилась, поскольку две якобы оп-

позиционные фракции — СПС и Яблоко — так и не смогли друг с другом договориться. В результате была создана только общественная комиссия СПС с неясным статусом и полномочиями. Как следствие, эта комиссия лишь допросила нескольких врачей, спасателей и журналистов. Представителей спецслужб депутаты опрашивать не стали. Отчет комиссии составил 18 страниц. В виде депутатского запроса Бориса Немцова он был передан в Московскую прокуратуру, где и был похоронен.

Тем временем Президент РФ В. Путин присвоил очередные генеральские звания разработчикам штурма ДК, в том числе начальнику московского ФСБ, допустившего теракт, а директор ФСБ Николай Патрушев получил звание Героя России.

Спустя два года, после Бесланской трагедии, парламент все-таки решился на проведение собственного расследования. Однако комиссия по Беслану возникла исключительно из-за опасения прогнозируемого восстания населения Северной Осетии, что могло привести к второй войне в Северокавказском регионе. Вот хронология событий:

7 сентября 2004 года Владимир Путин на специальной пресс-конференции для иностранных журналистов, отвечая на вопрос о необходимости проведения открытого расследования, заявил, что по трагедии в Беслане будет достаточно проведения внутреннего расследования. Отвечая на вопрос о парламентском расследовании, он добавил, что «такое расследование может стать очередным “политическим шоу”».

Правда, никто в тот момент не предупредил президента о массовых митингах с требованиями отставки Президента Северной Осетии Александра Дзасохова, которые прошли во Владикавказе. Поскольку Путин не согласился убрать Дзасохова, пришлось

* Владимир Васильев. Закон о гостайне устарел // Новая газета. 5 мая 2008 г.

срочно корректировать позицию по расследованию.

Уже 10 сентября стало известно, что Путин поддержал идею создания комиссии Совета Федерации по расследованию теракта в Беслане и даст поручение правоохранительным органам и Генпрокуратуре предоставить « всю необходимую информацию и документы для ее работы ». Но желание ограничить расследование узким кругом подконтрольных Кремлю сенаторов ситуацию исправить не могло. Пришлось добавить тяжелую артиллерию. 16 сентября спикер Госдумы Борис Грызлов заявил, что Госдума создаст свою комиссию по расследованию обстоятельств теракта в Беслане. А спустя всего четыре дня было принято решение создать совместную комиссию Госдумы и Совета Федерации.

20 сентября парламентская комиссия была сформирована. В нее вошли 11 сенаторов и 10 депутатов. Возглавил комиссию вице-спикер Совета Федерации Александр Торшин — паркетный госчиновник, плавно перешедший из номенклатуры ЦК (работал в аппарате ЦК КПСС по связям с общественно-политическими организациями) в Правительство РФ, где отвечал за связи с Верховным Советом, потом в Центробанк, а затем на должность зам. руководителя аппарата правительства. В Совет Федерации его выбрали от Республики Марий Эл. Понятно, что этот опытный аппаратчик, который карьеру сделал, не покидая Старой площади, никогда не имел отношения к проблемам борьбы с террором. Под стать председателю отобрали и членов комиссии: из 10 депутатов 7 — члены «Единой России». В общем, от такой комиссии было сложно ожидать реального анализа преступных просчетов власти и спецслужб.

В отличие от США, где выводы комиссии 9/11 прямо повлияли на реформу разведсообщества, в России реформы спецслужб шли сами по себе, а

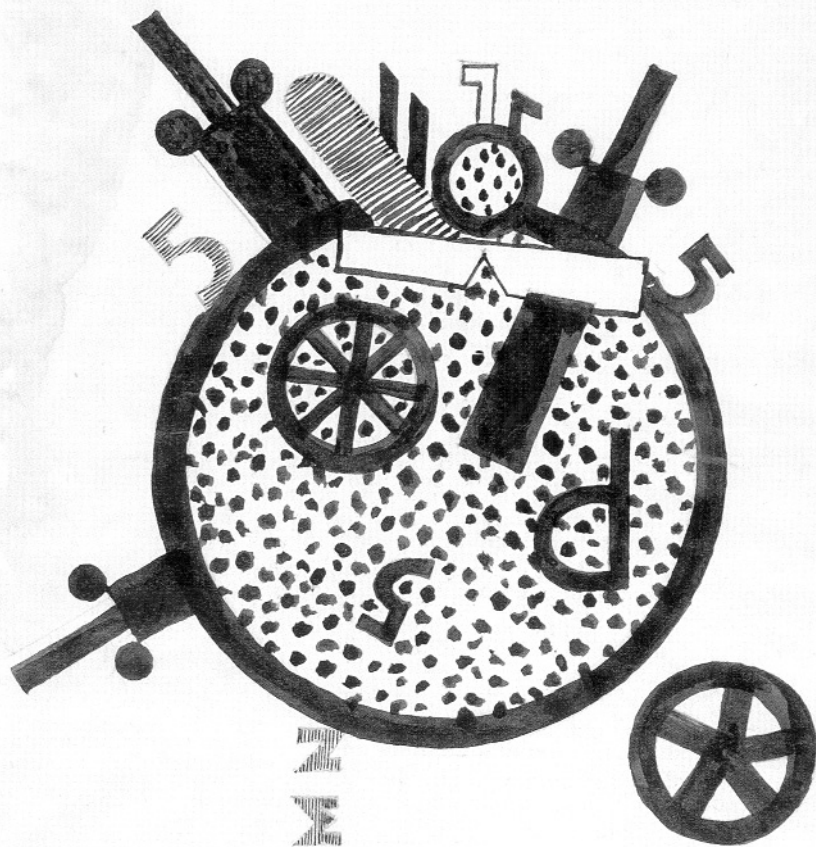
комиссия работала сама по себе, и ее главной целью, похоже, стало успокоить возмущенных бездействием властей беслановцев.

Мнения комиссии не спросили даже при обсуждении законопроекта «О противодействии терроризму» в октябре 2004 года, хотя этот новый закон, принятый по бесланской трагедии, кардинально менял правила организации антитеррористических штабов и сферы ответственности спецслужб в случае теракта.

Общественный совет

В августе 2006 года Владимир Путин выступил с инициативой, которая формально, то есть на законных основаниях, должна была способствовать общественному контролю над спецслужбами: указом от 04.08.2006 года при министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах было предписано создание Общественных советов (ОС).

14 мая 2007 года стало известно, что Общественный совет сформирован при ФСБ. Однако его состав сразу продемонстрировал, что этот ОС не будет иметь ничего общего с контрольной функцией. В состав ОС при ФСБ, созданного руководством самой же ФСБ, вошли 15 человек, в том числе шесть членов Общественной палаты при Президенте РФ, член Совета ветеранов ФСБ Александр Ермолаев, президент Общероссийского национального военного фонда Алексей Моляев и настоятель храма Софии премудрости Божьей на Лубянке о. Александр. Одна из задач совета, согласно заявлению ЦОС ФСБ: «общественный контроль за деятельностью органов безопасности в части, касающейся соблюдения ими конституционных прав и свобод граждан РФ». Таким образом, предполагается, что эти 15 человек без специального аппарата помощников, консультантов и экспертов, бюджета, в конце концов,

Ласло Мохой-Надь. Набросок к "Большому колесу ощущения". 1920-1921

должны надзирать за огромной спецслужбой, у которой только региональных управлений почти сто, есть свои войска, свой спецназ и даже авиация. Впрочем, вскоре настоящее предназначение ОС прояснилось: во время первой же публичной дискуссии об Общественном совете (на радиостанции «Эхо Москвы» 20 мая 2007 года, передача «Ищем выход») заместитель руководителя Совета Андрей Пржедомский, отставной офицер ФСБ и член Общественной палаты, прямо сказал, что задачей Общественного совета является улучшение имиджа спецслужбы.

Контроль над расследованием преступлений

Сотрудники спецслужб тоже люди и тоже совершают преступления. Однако спецслужба, спасая честь мундира, никогда не позволит расследовать действия собственного сотрудника без участия в этом своего подразделения, обычно эту роль выполняет служба собственной безопасности. Если оперативник МВД вышел на преступную группу, в которой «засветились» сотрудники органов, он обязан поставить в известность руководство спецслужбы.

Даже для задержания предполагаемого преступника в погонах создаются совместные оперативные группы. Например, в 1998 году брат прапорщика Службы внешней разведки Александра Рабомызого, застрелившего накануне из «Вальтера» сослуживца по СВР, помимо сотрудников ОВД и управления угрозыска ГУВД Москвы, выезжала и группа из Центра собственной безопасности СВР. В 2000 году за кражу кабеля правительственной связи из бункера под зданием МГУ сотрудников Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ) задерживали, кроме оперов из местного ОВД, еще и люди из Управления собственной безопасности ФАПСИ. Если же сотрудник был задержан за незначительное преступление, то в двух случаях из трех его отдадут родному ведомству.

Например, в 1997 году сотрудник Федеральной службы охраны (ФСО) Александр Астраханцев, будучи пьяным, ударил соседа по вагону метро газовым пистолетом по голове. Хулигана, как и положено, сначала задержали милиционеры, а потом передали представителям ФСО. В 2002 году лейтенант ФАПСИ Алексей Кочетков пошел к соседу и выстрелил ему в голову из газового пистолета. Дома его задержали сотрудники местного ОВД, которые передали Кочеткова руководству спецслужбы.

Эпоха создания служб собственной безопасности внутри силовых ведомств началась в 90-е годы, когда на волне создания новых структур удалось убедить президента, что лучше всего спецслужбу будет контролировать только она сама. Генералы смогли передохнуть после тяжелых словий советского периода, когда контроль над их ведомствами был несравнимо жестче: КГБ контролировал МВД и ГРУ, а за чистотой рядов чекистов следило специальное управление в прокуратуре и органы партийного контроля.

В результате некоторые спецслужбы, например ФАПСИ и ГРУ, смогли сузить даже полномочия прокурорского надзора. Согласно приказу генпрокурора Устинова от 25 апреля 2000 года, прокуроры могут «в ходе надзорных мероприятий в органах внешней разведки Министерства обороны РФ и Федерального агентства правительственной связи и информации... изучать только те оперативно-служебные документы, которые заведены в связи с обеспечением собственной безопасности указанных органов».

Контрразведка тоже не смогла удержаться от соблазна и последовала за коллегами. Служба собственной безопасности у предшественника ФСБ — Министерства безопасности — появилась в 1992 году. Сейчас она называется УСБ (Управление собственной безопасности).

Создавая подразделения собственной безопасности, силовые ведомства в первую очередь хотели оградить себя от внешнего контроля, а проблему преступности в своих рядах надеялись решить, набирая в эти структуры самые проверенные кадры. За скобками остался вопрос: что делать, если преступником окажется сотрудник самого УСБ? Видимо, поэтому и здесь не удалось избежать коррупционных скандалов.

Причем очень многие из них затрагивают именно Управление собственной безопасности ФСБ. Возглавлявший в начале 2000-х УСБ Владимир Анисимов был отправлен в отставку в 2005 году уже с должности замдиректора ФСБ, причем СМИ писали, что причиной стала нечистоплотность генерала. Сергей Шишин, который руководил этим управлением после Анисимова, возвысился до заместителя директора ФСБ, но был уволен осенью 2006 года и тоже в связи с обвинениями в коррупции — по делу о контрабанде мебели компанией «Три кита». Его наследник на посту начальника УСБ ФСБ Александр Купряжкин чуть

не потерял свою должность вместе с Шишиным из-за того же скандала. Таким образом, три начальника Управления собственной безопасности ФСБ, возглавлявшие эту структуру при Владимире Путине один за другим, оказались людьми с подмоченной репутацией. Правда, судя по принятым законодателями мерам, это могут быть последние скандалы в органах. Засекречивание информации о преступлениях сотрудников спецслужб началось в 2000-е годы. Вначале из сводок преступлений ГУВД Москвы стали исчезать указания на ведомственную принадлежность задержанных сотрудников спецслужб. Но большая часть правонарушений, совершенных сотрудниками спецслужб, остается скрытой от всех из-за другого порочного приема: увольнять проштрафившихся сотрудников задним числом. Очень удобно для сохранения чести мундира: в уголовных делах вместо военнослужащих ФСБ, ФСО и других фигурируют «временно неработающие». В 2006 году засекречивание ведомственной принадлежности преступников в погонах закрепили законодательно. 11 февраля 2006 года Владимир Путин утвердил новый «Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне». В старом перечне было 87 пунктов, в новом стало 113. При этом в нашем случае важны пункты 90-92. Вот как они формулируются. Пункт 90: «Сведения, раскрывающие принадлежность конкретных лиц к кадровому составу органов внешней разведки России»; пункт 91: «Сведения, раскрывающие принадлежность конкретных лиц к кадровому составу органов контрразведки»; пункт 92: «Сведения, раскрывающие принадлежность конкретных лиц к кадровому составу подразделений по борьбе с организованной преступностью, специальным оперативным подразделениям». Эти

пункты окончательно легализовали засекречивание картины преступлений внутри спецслужб.

В этом мы убедились на собственном опыте, когда весной этого года готовили материал о преступности среди сотрудников спецслужб для «Новой газеты»*, направили официальный запрос в Главную военную прокуратуру с просьбой предоставить статистику по уголовным делам, расследованным ГВП, по которым в качестве обвиняемых проходили военнослужащие ФСБ, ФСО и СВР. При этом мы не требовали раскрывать их фамилии или рассказывать об обстоятельствах дел, а просили назвать только характер преступлений и их количество. В ответ пришло письмо от помощника главного военного прокурора Михаила Яненко, который указал, что «запрашиваемая информация в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 4 Закона о гостайне и пп. 90–92 Перечня сведений, отнесенных к гостайне (те самые пункты. — Прим. А. С.)... составляет государственную тайну, в связи с чем предоставлена быть не может».

Мы также обратились с запросом и в Московский окружной военный суд, попросив дать статистику по приговорам суда в отношении сотрудников спецслужб. На это председатель суда генерал-лейтенант юстиции Александр Безнасюк ответил «Новой», что «интересующие вас статистические данные о судимости в Московском военном округе военнослужащих ФСБ, ФСО и СВР являются сведениями, имеющими гриф “Совершенно секретно”». Генерал Безнасюк пояснил, что «в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами, регулирующими порядок ведения секретного делопроизводства, сотрудники суда, допущенные к пользованию указанными материалами, не вправе разглашать их лицам, не имеющим соответствующей формы допуска».

* Соккрытие покажет. Преступность в органах безопасности: механизм расследований и сокрытие данных // Новая газета. 7 мая 2007.

Культура и будущее России

Когда мы говорим «культура», привычно подразумеваем сферу искусства, народное творчество, музейное и библиотечное дело. Однако на самом деле культура — гораздо более широкое понятие. Следует говорить о поведенческой культуре и культуре потребления, о политической и правовой культуре, культуре межличностного общения, об этических нормах, культуре деловых отношений, культуре сочетания индивидуального и коллективного, культуре производства, технологической культуре, культуре взаимоотношений человека и государства, общества и власти. Фактически, культура — всеобъемлющее явление. Она проникает во все сферы жизни общества. Этот феномен охватывает все, что создано руками и умом человека, что появилось в процессе эволюции. Язык, бытующие в обществе идеи, традиции, материальные предметы, которые окружают нас, — все это проявления культуры.

В своей публичной лекции, прочитанной в апреле 2007 года в Санкт-Петербурге, известный генетик, академик РАН Сергей Инге-Вечтомов отметил, что одним из важнейших выводов из теории эволюции в XX веке стало положение о том, что человек как биологический вид практически закончил свою эволюцию, поскольку естественный отбор в человеческом обществе утратил роль основного фактора, ответственного за образование новых форм и выбраковку вредных мутаций. Эволюция человека происходит в социальной сфере, и решающая роль в этом процессе принадлежит механизму, который называют «сигнальной наследственностью», она же — негенетическая преемственность или просто **культура**. Основой сигнальной наследственности служит обучение и передача опыта следующим поколениям. Этот механизм известен и у животных, но только у человека он достиг подлинного совершенства.

Ученые достаточно давно установили, что нет интеллектуального неравенства, связанного с национальной или даже с расовой принадлежностью индиви-

*Игорь Харичев,
генеральный директор АНО
«Редакция журнала
«Знание — сила»*

Казимир Малевич. Частичное затмение. 1914

дов, — все зависит от социально-культурного развития: от воспитания и образования человека. (Любопытный пример: в 1938 году французская научная экспедиция обнаружила в Парагвае очень древнее и примитивное племя, которое при виде пришельцев разбежалось, оставив у костра полуторагодовалую девочку. Антропологи подобрали ее, привезли в Париж, и она, по сути родившаяся в каменном веке, выросла настоящей парижанкой, абсолютно адаптированной к европейскому образу жизни, владеющей тремя языками.)

Можно говорить о культуре применительно к человечеству и о культуре отдельных народов. Национальные особенности связаны с культурными отличиями. Именно они определяют повседневную ткань жизни разных народов. А значит, и непохожесть того, как «устроено» будничное существование жителей Китая и, например, Бразилии, жителей Дании и Пакистана.

Культура определяет менталитет народа — систему приоритетов и ценностей. Кроме того, культура воспроизводит саму себя, прежде всего в тех сферах, которые непосредственно связаны с человеческим существованием, повседневной жизнью, и потому является воплощением консерватизма. Именно по этой причине изменение менталитета — трудный и длительный процесс.

Несмотря на различия между народами, порой весьма значительные, существует и то, что объединяет отдельные народы. К примеру, обычаи и традиции народов Западной Европы очень разнятся между собой, но есть многое, что объединяет их культуры — законопослушность, высокая поведенческая культура, такие отношения между государством и гражданином, при которых во главу всего ставится человек. И многое другое. Именно это позволяет говорить о западной цивилизации, к которой, впрочем, относится и Северная Америка.

Поскольку в Западной Европе и в Северной Америке распространены разные христианские конфессии — католицизм, различные формы протестантизма, включая англиканство, — можно говорить об определяющей роли христианства и, соответственно, о христианской цивилизации. Хотя, строго говоря, она должна охватывать большее число стран, чем западная цивилизация. (Самюэль Хантингтон ввел понятие иудео-христианской цивилизации, имея в виду, что ее основа — Ветхий Завет. Но хотя этическая основа христианской цивилизации позаимствована у евреев, еврейскую цивилизацию целесообразнее считать самостоятельной.) Кроме того, можно говорить о мусульманской, индуистской, китайской, буддийской и ряде других цивилизаций. За каждой из них — своя история, свои культурные особенности и отличия.

Культура, будучи всеобъемлющим, фундаментальным явлением, диктует нашу жизнь на бытовом уровне. Но не только на бытовом. **Культура определяет экономику и политику.** Именно так, а не наоборот. (Примечательно, что Михаил Ходорковский в письме, опубликованном в «Новой газете» № 43 от 10–13 мая 2007 года, отметил: «Ведь мы живем в очень конкурентном мире, а современная конкуренция идет именно в области культуры (в широком смысле этого слова). Экономика же и уж тем более политика — лишь производные от конкурентоспособности культуры».)

Западная цивилизация, обеспечившая бурное развитие науки, начиная с XVII века, добившаяся в XIX–XX веках наибольших успехов в экономике, промышленном производстве, целиком зиждется на особом типе культуры, исторически возникшем в Средние века. За последние столетия он пережил социальную модернизацию. Современную западноевропейскую или западную культуру отличают приоритет рационального мышления, индивидуализм, ориентация на соци-

альный успех, приверженность к демократическим ценностям: свободе слова, свободе личности и т. д.

Развитие западной цивилизации неразрывно связано со становлением либеральной демократии, основные постулаты которой уже привычны нам: все люди рождаются равными и свободными; никто не имеет права отнимать у человека жизнь и свободу; общество должно быть устроено таким образом, чтобы никто не был стеснен в осуществлении этих неотъемлемых прав человека.

Индустриальный подъем в Англии, начавшийся еще в XVIII столетии, показал, что свобода личности и равенство всех перед законом не только оправданны морально, но и чрезвычайно полезны для общества. В массовом сознании все прочнее укоренились убеждения, что права и свободы личности неприкосновенны.

Толерантность — отличительная черта западной культуры: безоговорочное признание наличия разных мнений, умение считаться с чужим мнением, готовность к диалогу, веротерпимость, отрицание за кем бы то ни было монополии на истину. Толерантность — крайне важное качество для постиндустриального общества.

Увы, наши культурные традиции не совместимы с западноевропейскими. Фактически Россия в этом смысле пока не является частью европейской цивилизации. Не может наша страна считаться и частью либеральной цивилизации, хотя в значительной степени тяготеет к ней.

Да, Петр Великий «прорубил окно в Европу», заставил бояр брить бороды на европейский манер, внедрил многие передовые технологии. Императрица Екатерина II не только переписывалась с выдающимися деятелями европейского Просвещения и позволяла некоторые смелые по тем временам дискуссии, она заявила, например, в первом пункте Наказа Комиссии по уложению: «Россия есть держава европейская». Петр I и Екатерина II пытались добиться признания России частью Европы, но при этом не считали нужным освоение европейских ценностей подавляющей частью населения. Крестьяне оставались рабами, а каким может быть отношение к свободам, к частной собственности у рабов?

Нынешняя власть тоже боролась и продолжает бороться за признание России страной, с которой необходимо считаться. Но и она не сделала ничего для изменения состояния общества, для его реальной европеизации. Речь вовсе не идет о превращении россиян в подобие англичан и немцев — такое попросту невозможно. Речь идет о том, чтобы европейские ценности стали восприниматься таковыми значительной частью россиян.

Последние два-три года в нашем политологическом сообществе не стихают крайне оживленные дискуссии по поводу различных проектов модернизации страны. Суть большинства дискуссий: принесут ли успех предлагаемые «рецепты лечения системных болезней»? Способен ли тот или иной проект преобразований сделать Россию «современной страной, развитой во всех отношениях»? Можно ли осуществить модернизацию, не меняя основ нынешней власти, когда в России имеет место «срачивание экономической и политической сфер и монополизация власти в этих сферах», что «серьезно уменьшает модернизацион-

ный потенциал государства)? Или наша далекая от идеальной, переживающая «масштабный кризис доверия внутри политической и управленческой элиты, утрату доверия всех ко всем» политическая система, которая не может обеспечить модернизации, и потому ее необходимо изменить — только так удастся добиться успеха? (Цитаты позаимствованы из письменных и устных выступлений Л. Шевцовой, А. Миграняна, А. Чадаева.)

Стоит подчеркнуть: в многочисленных очных и заочных обсуждениях нашего нынешнего со-

стояния и перспектив российской государственности речь идет о принципиальной осуществимости и результативности различных проектов модернизации. Но уместно поставить вопрос о возможности осуществления какой-либо модернизации в принципе.

Ответ на данный вопрос не требует рассуждений о наличии доброй воли у президента для трансформации нынешней политической системы. Он лежит в иной плоскости: в современной России не может быть правового демократического государства и цивилизованной рыночной экономики, поскольку нет соответствующей культуры.

Вполне закономерен вопрос: а как же Япония? Как же Южная Корея? Как им удалось добиться впечатляющих экономических успехов при всей специфике их культуры? Ответ таков: этим странам удалось органично интегрировать западные ценности в свою культуру. (Нам бы их трудолюбие и аккуратность, их умение концентрировать усилия на решении конкретных задач!) У нас же этого не получилось. Как совместить, например, наш правовой нигилизм и уважение к Закону, бытующее в Западной Европе?

Мы имеем то, что позволяет нам иметь наша культура. И если мы хотим изменений, необходимо менять культуру.

Мы строим рыночную экономику и демократическое государство, по крайней мере такая цель неоднократно провозглашалась Владимиром Путиным в президентских посланиях и других выступлениях. Но как тогда объяснить следующий факт: по данным «Левада-центра», около 65 % опрошенных не знают, что скрывается за словосочетанием «либеральная демократия». Да и сами слова «либерализм», «демократия» многими воспринимаются отрицательно и совершенно неправильно. Как можно участвовать в строительстве новой России, не понимая, что именно строится?

Отрадно, что в своем последнем Президентском послании 2007 года В. В. Путин впервые упомянул культуру. Но внимание к ней не может простирается только на отечественное кино и театры, литературу, культуру народов России, библиотеки. Недопустимо пренебрегать многими другими составляющими культуры, прежде всего — уважением к Закону, а кроме того: политической, правовой и поведенческой культурой, культурой взаимоотношений человека и государства, общества и власти.

*Государство должно опираться
на негосударственные структуры,
передавать им некоторые функции и,
конечно же – в сфере культуры*

Как можно помочь изменению нашей культуры, и, соответственно, становлению демократического государства и гражданского общества? Для этого надо заниматься просветительством. Всерьез и последовательно. Для этого нужны серьезные просветительские программы. Пока что ни одно правительство, работавшее после августа 1991 года, не озаботилось темой, которой всерьез уделяли внимание в послевоенной Германии. Тогда западных немцев просвещали с помощью интересных фильмов, увлекательных радиопередач и брошюр — им рассказывали об основах демократии и цивилизованной рыночной экономики. (То же самое происходило и в послевоенной Японии.) Теперь главным средством информации стало телевидение. Но просветительством в России оно заниматься не собирается. По крайней мере, без выделения на это соответствующих финансовых средств. А средства могут быть только бюджетными, поскольку ни один меценат не осилит расходов по подготовке циклов телепередач и их трансляции в эфир. **Просветительство должно стать заботой государства.**

Власть обязана заниматься просветительством. Это ее долг перед обществом. Однако, судя по нашему телевидению, российская власть не только не уделяет этому внимание, но и поощряет обратный процесс. (Достаточно посмотреть, скажем, что идет с 19 до 22 часов по бесплатным британским телеканалам, чтобы убедиться, что там нет не только насилия и оглуляющих передач, но государственный канал Би-би-си в этот промежуток времени показывает просветительские фильмы в сфере науки и искусства. Причем это интересные фильмы, снятые талантливыми людьми за государственные деньги.)

Федеральной власти необходимо сформулировать приоритеты государственной политики в сфере культуры, трактуя ее как всеобъемлющую задачу. Исходя из этого, следует принять государственную программу интенсивной просветительской деятельности с привлечением телевидения, радио, печатных СМИ, книгоиздательских структур. Для ее осуществления следует привлечь лучшие творческие силы. Кроме того, осуществлять программу целесообразно, опираясь на различные некоммерческие и общественные организации, на творческие союзы. Государство должно привыкнуть опираться на негосударственные структуры, передавать им некоторые функции, разгружая себя. Фактически, это должно происходить во многих сферах деятельности, и, конечно же — в сфере культуры.

Для России не существует иного выхода, как только взять курс на вхождение в европейскую цивилизацию — не формальное, а фактическое. При этом, как показывает опыт многих народов, не существует опасности потери нашей самобытности. Конечно, изменение культуры — дело непростое и долгое. Но других вариантов становления по-настоящему демократического государства, цивилизованной рыночной экономики нет.

Впрочем, существует принципиально другой подход. Можно считать, что наша культура не требует изменений. Да, она такова, что мы

Василий Кандинский. Импровизация. 1910

с давних пор ставили и продолжаем ставить государство выше человека, позволяем власти не обращать внимание на общество, не уважаем Закон. Да, мы спокойно относимся к ненадежности деловых партнеров, к хамству на дорогах и в офисах, к вытоптаным газонам, грязи на тротуарах, запущенным подъездам. Поэтому всё у нас имеет свою специфику: демократия, рыночная экономика, гражданское общество. Отсюда необходимость эпитетов. Демократия — суверенная. Держава — энергетическая. Гражданское общество — специфическое, контролируемое государством, а не наоборот.

На мой взгляд, это тупиковый путь. Мы вполне можем провозгласить, что нашим национальным особенностям отвечает велосипед с квадратными колесами. Вот только ездить на нем не получится. Перспективнее держать курс на западноевропейскую культуру. Этому примеру сейчас следуют многие страны. Нам стоит быть в их числе. Тогда появятся основания говорить о великом будущем России.

*Александр Аузан,
президент Института
национального проекта
«Общественный договор»*

Коалиции для будущего

Два года назад группа независимых экономистов, которая последний год называется группой «Сигма», начала свою работу, о результатах которой я хочу рассказать. Тогда мы решили, что, независимо от того, кого изберут Президентом России и какое будет правительство, отвечать на главный вопрос — о будущем страны и путях движения к нему — в любом случае придется.

Примерно год назад мы осознали, что несмотря на различие сфер профессиональной экономической деятельности членов группы, у нас довольно близкие взгляды, а свой подход к оценке будущего страны* мы осознанно противопоставили плану развития России до 2020 года, который готовило Правительство Российской Федерации и министерство экономики. Он известен под названием «Концепция долгосрочного развития», или «Россия-2020». Первоначальный вариант этого плана, а точнее, программы, нас категорически не устраивал, хотя он был разработан нашими друзьями-экономистами, в частности прекрасным макроэкономистом, заместителем министра экономики Андреем Белоусовым. У нас возникли другие представления на пути развития России. Это противостояние взглядов не закончилось, однако сдвиг в концепции правительственной программы произошел. Если в проекте плана говорилось, что главное — это инвестиции и инновации, то в начале 2008 года кандидат в президенты Д. Медведев озвучил формулу четырех «и»: институты, инфраструктура, инвестиции и инновации. Подчеркну, первые два «и» как раз и выражают наше видение условий движения вперед.

Изложу позицию группы «Сигма» коротко.

Первое. «Ключ к возможностям будущего лежит в изменении институтов», тех формальных и неформальных правил, в рамках которых мы живем. Не в количестве денег, не в железе, которое мы всегда можем закупить, а в институтах, ибо это в нынеш-

* См.: *Коалиции для будущего. Стратегии развития страны: Коллектив экономистов «СИГМА». М.: ООО «Изд-во "Промышленник России"», 2007. 112 с. (Прим. ред.)*

них условиях — основное лимитирующее звено.

Второе. «Модернизация экономики сдерживается немодернизованностью государства». В наихудшем состоянии у нас находятся государственные институты. Каким образом и в какой последовательности их можно преобразовать и возможно ли это вообще?

И третье. «Если мы хотим изменений, мы должны проанализировать реальную картину групп интересов России». К этому выводу мы пришли после анализа всех программ, который сделали за два года. Прежде чем разрабатывать свой план, не дурно посмотреть, что произошло с предыдущими программами — с программой Г. Грефа, например, что получилось, а что нет в этой программе? Выявилось: там, где были группы интересов и они действительно стремились что-то продвинуть, там удавалось достичь результата. А где не было таких групп во все или они были пассивны, произошло ухудшение ситуации либо не случилось никаких изменений. Отсюда вывод: надо ориентироваться не на число людей, которое входит в ту или иную группу, как это любят делать социологи, а на нечто иное.

Когда социологи говорят: «60 % населения России этого не хочет» или «хочет этого», я отвечаю: «Мы экономисты, мы вынуждены считаться с тем, какие переговорные силы у этих групп, каковы их возможности воздействия на ситуацию, кроме перекрытия федерального шоссе?» Причем это могут быть не обязательно элитные группы. Возникает вопрос: *что* это за группы интересов? Опыт модернизации, который мы изучали, показывает, что все страны, которые добились в ней серьезных результатов, достигали их после того, как у них сформировались так называемые большие коалиции разнообразных общественных сил.

Приведу простой пример. У нас любят говорить, как формировался «Новый курс» Рузвельта, который действительно привел США в новое состояние. Почему ему это удалось? Потому что в Америке в 30-е годы образовались очень пестрые коалиции интересов, куда входили буржуазия Новой Англии, либералы больших городов, цветные избиратели, католические польско-итальянские меньшинства, профсоюзы, которые Рузвельт фактически легализовал (в 20-е годы они считались криминальными организациями), и др. Благодаря этой пестрой коалиции, создав систему так называемого великого компромисса, США из довольно заурядной, второразрядной страны превратились в ту державу, которую мы теперь привыкли воспринимать с большим пиететом.

Нечто подобное происходило и в других странах, в том числе в послевоенной Германии, где в 50-е годы возникает большая коалиция различных групп интересов, а затем начинается немецкое экономическое чудо. Японское экономическое чудо также было результатом возникновения большой коалиции.

Модернизацию России сдерживает нынешнее состояние формальных и неформальных правил; государство находится в худшем состоянии, чем экономика, его нужно модернизировать. Если мы не учтем интересы разных групп населения, не сформируем большую коалицию общего дела, то вряд ли куда-нибудь продвинемся.

Теперь об этом подробнее.

Стратегия вообще это траектория движения от нынешнего состояния к желаемому. Поэтому сначала нужно понять, в чем реальные проблемы страны. Потом определиться с очень непростыми вопросами: чего мы хотим и кто хочет? И затем уже говорить о тех путях, которые пролегают от одной точки к другой, и при этом оценивать,

насколько вероятно движение страны по тому или иному пути. Хочу сразу сказать, что вероятность движения по тому пути, по которому мы хотели бы, чтобы пошла Россия, пока не очень высокая, хотя она немножко подросла в последнее время.

Итак, в чем наши нынешние проблемы? В общем-то Россия в экономике никогда не выглядела так хорошо, как сейчас. Рост ВВП дошел до 8 % в год, хотя экономисты этого не ожидали. Реальные доходы населения уже 4 года растут с учетом инфляции на 11 процентов в год! Инвестиции с 2002 года имеют положительный баланс, то есть приток капитала в Россию превышает его отток за рубеж. Есть богатое государство, которое вроде бы может многое. Но если все так хорошо, почему экономисты испытывают тревогу, причем все, независимо от взглядов и направлений. Что внутри этого позолоченного ореха?

Рост. Нужно понять, на чем этот рост основан, каково его качество. Неверно, что он происходит за счет нефти и газа. Мы подсчитали: 5 процентных пунктов роста из 8 не связаны с нефтью и газом. Это не очень высокий показатель, но ведь две трети от общего роста все-таки базируется на несырьевых источниках. Проблема не здесь кроется. Проблема — в основном капитале. Советский Союз оказался непрочной империей, но он делал поразительно долговечное оборудование. Оно давно должно было выбыть, но оно работает сверх всех сроков. Ожидали техногенных катастроф в 2003 году. Не случилось... Нельзя сказать, что не происходит сбоев, но все работает. Только этот рост стоит не то чтобы на песке, а на ржавчине. О том, что происходит с подземными коммуникациями, например, страшно подумать! Идет ли замена? Да, идет, но темп ее явно недостаточен. Так называемые нормы накопления низки. Часть дохо-

дов, которая тратится на вложения, составляет 19–20 %, то есть примерно каждый пятый рубль. А сколько нужно просто на то, чтобы восстанавливать нынешнее оборудование? 25 %! А для того чтобы расти — 30 %! А чтобы выходить на инновации — 35 %! У государства при всем его богатстве не хватает денег, чтобы обеспечить такие показатели. Сотен миллиардов долларов не хватит. И тут возможны разные решения. Согласно концепции долгосрочного развития России до 2020 года, 90 % вложений ожидаются от частного капитала и только 10 % — от государства. А дальше возможны варианты. Можно, например, создавать такие режимы, при которых бизнес принуждается к вложениям. Эти режимы могут нам нравиться или не нравиться, но рассматривать это приходится.

Второй момент — реальные доходы населения. Да, они растут. Только неравенство тоже растет. И поразительная вещь: на правительственной комиссии по оценке эффективности деятельности федеральных и региональных органов власти как-то выступал от Министерства социального развития заместитель министра, который представлял план деятельности Министерства на 2008 год. Я задал ему вопрос: «Посмотрите, у вас все показатели идут по плану, а один показатель, самый существенный — так называемый коэффициент фондов, разрыв в доходах 10 процентов наиболее и наименее имущих слоев населения должен идти вниз, а он у вас идет вверх. И там такая звездочка — просьба к комиссии скорректировать плановые показатели. А почему, объясните». Замминистра говорит: «Видите ли, мы вкладываем все больше и больше федеральных средств в преодоление неравенства, но мы не можем сказать, сколько вложат субъекты Федерации». Я спрашиваю: «А вам не ка-

жется, что чем больше вы вкладываете, тем больше растет неравенство?» Тут же меня поддержали другие экономисты, потому что если система устроена так, что деньги для бедных вы не можете доставить до адресата, их по дороге на всех уровнях бюрократии растаскивают, а потом немножко достается лишь низам среднего класса, а к более бедным уже ничего не доходит, то разрыв между бедными и богатыми растет. Больше денег бросите — больше будет разрыв. Сделаете это национальной задачей — в следующем списке «Форбса» будет уже не 101 российский миллиардер, а 151, причем их число вырастет именно на борьбе с бедностью! То есть задача автоматически не решается.

Инвестиции. Надо смотреть, какие капиталы уходят, а какие приходят. Уходят от нас так называемые прямые инвестиции. Мы рабочие места создаем за границей — во Франции, в США, в Нидерландах. Российский капитал создает. А приходят к нам портфельные инвестиции, краткосрочные, спекулятивные, либо, в значительной мере, займы госкомпаний. А почему прямые инвестиции туда отдаем? Потому что там правила другие и по-другому работают. Туда капитал сам ползет под всеми преградами на границе, потому что та система правил устраивает инвестора, а наша нет. Здесь возможна спекулятивная игра, и она будет нарастать, особенно при нынешнем кризисе мировых финансов.

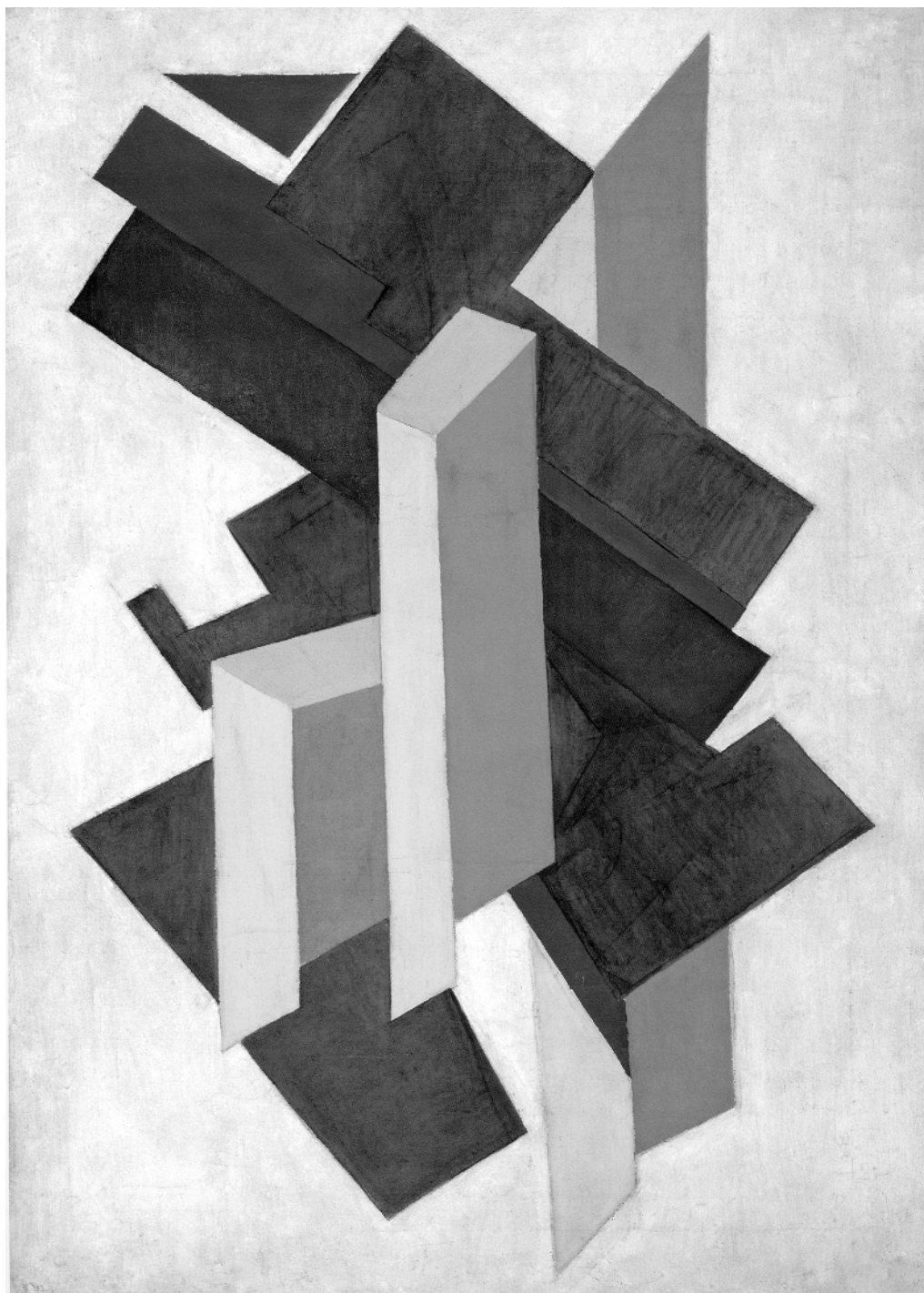
Есть еще одна печальная вещь. Стыдно сказать, но в России очень плох человеческий капитал. Когда начинаем говорить о новых производствах, выясняется: что-то можно легко развивать, скажем, компании сотовой связи процветают, торговые сети тоже... Но как только вы начинаете создавать серьез-

ное машиностроительное производство, оказывается, что знаменитых умных и образованных российских кадров больше нет. Навыки квалифицированных рабочих не передавались от

Модернизацию России сдерживает нынешнее состояние формальных и неформальных правил; государство находится в худшем состоянии, чем экономика...

одних поколений к другим — прервана эта связь. Поэтому деньги — не вопрос. Вопрос — в правилах и в людях. Причем, скажем, образованию и здравоохранению дают денег, они говорят, что мало, но это раз в 10 больше, чем 7 лет назад. А улучшилось качество человеческого капитала за это время? Нет. Та же история, что и в борьбе с бедностью: по нынешним правилам, чем больше станете раздавать денег, тем хуже у вас будет человеческий капитал. Потому что производство человеческого капитала вообще очень сложная вещь.

Теперь про государственное участие. Мы вроде бы озаботились тем, что растет число чиновников. Но беда не в этом, а в том, что эффективность их деятельности низка. Когда мы сопоставили увеличение их числа с производством общественных благ, например с количеством оборудованных дорог в Российской Федерации, выяснилось, что в 2004 году на километр оборудованной федеральной дороги приходилось три чиновника, а в 2007 году — четыре. И не только потому, что выросла масса чиновников, а еще и потому, что упало количество обустроенных дорог. К сожалению, это относится к очень многим сферам государственной деятельности. Это миф, что мы имеем мощное государство, которое всюду в чем-то помогает и делает это хорошо. Деспособность

Ольга Розанова. Супрематизм. 1916

государства очень низка. Качество управления падает катастрофически, это вынужден был признать президент Путин перед своим уходом. Ухудшается качество персонала в чиновничьем аппарате. С человеком ниже директора департамента просто не о чем поговорить. Он не понимает, о чем речь.

Это все проблемы, которые не очень понятно, как решать, потому что их решение зависит и от того, что мы хотим иметь в результате. Как должен формироваться желаемый образ нашего будущего? На основе каких критериев? Мы попытались в этом разобраться: откуда берутся, на каких реальных основаниях базируются разные образы будущего страны, на основе статистических, географических и многих других параметров выяснить главное в ее отличии от других стран.

Первое: у нас в недрах — вся таблица Менделеева. И прежде всего — для нынешнего мира это особо важно — есть самые разные источники энергии. Следовательно, можно говорить о будущем России как великой энергетической державы. Мне не нравится эта цель, но в принципе можно строить социальное государство, основанное на экспорте энергетической продукции.

Второе. Россия по территории — самая большая страна мира. И это, между прочим, определяет кое-что, потому что все наши региональные проблемы оказываются в сумме проблемами мировыми, хочешь-не хочешь. Даже если Россия начнет вести себя очень скромно, то по сумме региональных проблем она все равно будет заниматься проблемами мировыми. Отсюда идея — может, все-таки возродить военно-политическую мощь, в оборонно-промышленный комплекс вложиться, он у нас вроде бы есть, и тогда нам будут не за энергию платить — тоже обратная сторона уважения.

Еще что в России есть исключительное? На чем можно строить образ будущего? Вообще-то в России население есть. И у этого населения имеются некоторые специфические черты. Сейчас очень модны кросскультурные исследования. Их делают социологи, социопсихологи, экономисты, этнологи. И есть несколько методик, которые позволяют определять особые ценностные установки, а в связи с этим — что в стране могут и что не могут делать. У российского населения есть, в этом смысле, специфические свойства, на основе которых за последние 100 лет были получены заметные результаты. Например, в конце XIX — начале XX века и в 50-60-е годы XX века, когда Россия дважды выходила на передовые рубежи не только в науке, но и в культуре. Есть способность к креативности! Причем она жестко не связана с экономическим состоянием страны и уровнем образованности, с уровнем дохода на душу населения. Мы сейчас ведем по этому поводу дискуссии с замечательным экономистом академиком Полтеровичем. Виктор Меерович считает, что Россия должна проводить имитирующую модернизацию, как это делали Южная Корея, Ирландия. А я на это отвечаю: «Мы уже 100 лет заимствуем опыт автомобильной промышленности. Но почему-то в космосе прорыв получился, а хороший автомобиль сделать не можем. Есть вещи, которые в силу ценностей, традиционных способов поведения российское население делает более успешно, а какие-то менее успешно. Работа по стандарту, соблюдение инструкций — это не сильная сторона российского населения. И это надо учитывать». Поэтому я не говорю, какой образ будущего должен быть принят за основу, потому что не буду скрывать: мне кажется, нам нужно было бы попробовать идти по дру-

гому пути. Но это очень долгий и трудный путь, потому что человеческий капитал разрушен. Тот, кто говорит, что мы сможем через три года успешно заниматься наукой, по-моему, немного не прав. Может быть, через 20 лет мы снова добьемся успехов в фундаментальной науке, но начинать-то надо с начальной школы, как это сделали англичане в 70-е годы, когда поняли, что отстают от всех, и вложили большие средства в начальную школу. А эффект — через 20 лет. Прорыв, скажем, в генетике, чего не ожидали от Соединенного Королевства.

Поэтому, возможно, существуют еще какие-то образы будущего, но я в данном случае хочу остановиться на стратегии и на том, как стратегия строится. Допустим, перед нами проблемы, которые сейчас являются ключевыми, и точки, на которые мы хотели бы выйти. Курс-то должен прокладываться с учетом того, куда мы плывем и откуда. Потому что если просто говорить о желаемом будущем, не предлагая решения современных проблем, значит, ограничиться публичными лекциями. Выработать из этого какие-нибудь документы правительства, расчеты невозможно. Если вы занимаетесь расчетами, то там обязательно возникнет вопрос: а каков критерий оптимизации? Что вы максимизируете, к чему стремитесь? Исходя из этих соображений, мы описали 4 возможных варианта стратегии развития России.

Начну с **самого простого** — **инерционный вариант**. Мы движемся, как двигались. Это означает, что мы не делаем выбора, а сохраняем главное завоевание путинской эпохи — стабильность. Кстати, делать это все дороже. Я думаю, что стабильность уходит. Нынешний взлет инфляции и стоящее за этим падение качества управления, а также проблема скрытого роста социальных напряжений показывают, что стабильность уходит. В принципе,

можно пытаться ее возвращать, но все более и более трудными усилиями.

Второй вариант — мобилизация. Мы не имеем в виду ничего военного, мы имеем в виду то, что, в общем-то, последние два года просто бьет в глаза. «А давайте сделаем прорывной проект в нанотехнологиях! Все, создаем корпорацию “НаноТех”». «А вот еще олимпиада предстоит — делаем “ОлимпСтрой”». «Слушайте, дороги же можно строить с применением государственных и не только государственных денег! Сейчас сделаем — Госкорпорация по дорожному строительству». Я излагаю это со смешком, но, по сути-то, с очень большой опаской. Ведь за этим какая идея стоит? У нас есть средства и у нас есть проблема, у нас есть точки роста. Мы действительно можем вложить деньги в топливно-энергетический комплекс, в оборонный комплекс и получить определенные результаты. И результаты, очень привлекательные для многих групп интересов. Это реальный вариант. Это стратегия, которая как раз и была основой первого варианта «Россия-2020», осеннего.

Третий вариант мы назвали «рантье». На политическом поле его сейчас не видно. Но как только начнется какая-нибудь публичная конкуренция, он обязательно появится, как это было, например, на выборах 2003 года. Суть: давайте перераспределим деньги для решения проблем неравенства, бедности, тем самым накачаем спрос и создадим базу для отечественной промышленности, которая будет конкурировать с импортом потребительских товаров.

Наконец, **четвертый вариант — это модернизация**, когда через преобразование институтов Россия выходит на инновационный путь. На наш взгляд, произойдет это не скоро, вряд ли к 2020 году. Мы в расчетах не согласны с правительственным оптимизмом. Так

быстро эта цель не достижима, но мы хотя бы движемся в ту сторону.

А теперь — как же определить, какой вариант реален политически? Да, мы можем посчитать плюсы и минусы каждого варианта. Но надо учитывать соотношение сил между разными группами интересов, знать, кто за каким интересом стоит. Первый такой расчет мы сделали в мае 2007 года, и рейтинг вероятности вариантов развития выглядел в то время так:

— инерционный вариант — 50 % вероятности;

— варианты мобилизации и «рантье» — по 20 %;

— вариант модернизации — 10 %.

Однако уже в феврале 2008 года мы вынуждены были пересчитать рейтинг, потому что вариант «рантье» явно ушел — раз нет публичной конкуренции, зачем людям обещать, что у них все будет замечательно? А вариант мобилизации стал опережать инерционный. Почему? Потому что как в большом бизнесе, так и среди высшего чиновничества все больше самых разных групп рассчитывает на создание очередной госкорпорации. Это же так привлекательно!

Но беда не в том, что создаются госкорпорации. Где-то это необходимо и полезно, скажем, усилия государства, направленные на строительство инфраструктуры — дороги, оптоволокно, космическая связь и т. д., — мы всецело поддерживаем. Но вопрос в том, как это делать? Ведь госкорпорации — это же «черные дыры». Туда средства передаются, и никаких инструментов контроля над ними нет, вообще никаких! Один из влиятельных российских министров Дмитрий Николаевич Козак говорил на правительственной комиссии: «Я отвечаю, как министр, за

три «закрытые» госкорпорации, я отвечаю за результаты их работы, но у меня ни одного инструмента воздействия на них и контроля над ними нет». Ну, ладно, у министра нет, это

*Модернизацию государства
нужно начинать с размораживания
общественного влияния и деятельности
малого и среднего бизнеса*

его проблемы. Но у нас с вами тоже их нет, ни у кого нет. Это раздел жирного государственного бюджета влиятельными группами промышленности и бюрократии. Поэтому этот вариант наиболее вероятен. А вариант инерции уходит в небытие, потому что поддерживать стабильность становится все дороже. С другой стороны, похоже, появился спрос и на вариант модернизации, вероятность которого оценивается теперь в 15 %.

В каком состоянии сейчас находится российская власть и как она эволюционирует? Она пока не решила проблему-2008, проблему трансформации общества. В чем эта проблема состояла? На мой взгляд, по результатам первого и второго сроки президента Путина довольно сильно различаются. Первый срок был результативным — и в законодательстве, и в преодолении феодализма регионов, и в снижении административных барьеров для бизнеса. Правда, мы помним, чем закончился первый срок: делом ЮКОСа. В течение второго срока не было ни одной удачной реформы, шло только самоукрепление политического режима. В итоге институты российского государства практически не действуют. Рейтинги доверия населения это очень хорошо показывают: доверие к суду, Государственной думе, правительству — это исчезающе малая

величина. Высокий рейтинг президента Путина? Да. Но я полагаю, что это не рейтинг президента как института, это личный рейтинг гаранта всей системы.

В стране уже второй раз завершается раздел России. После первого этапа, в конце 90-х осталось примерно 30 % неподделанных активов. На новом круге прежние олигархи несколько отодвинулись, но новым можно «делить», только отнимая что-то у других, вести тяжелые, очень дорогие конкурентные войны. Да, можно эффективно эксплуатировать существующие активы, но тогда нужна другая система правил, в том числе и для защиты от рейдерства, которое в последнее время стало обычным инструментом приобретения собственности. А для этого нужен независимый суд, который не управляется ни одной группой и готов защитить законные права любого собственника.

Далее — средний класс, в том числе представленный средним и малым бизнесом. Ему суд тем более нужен, потому что он не может решить тот или иной вопрос персонально с чиновником или с бизнесменом. Богатые — могут, средний класс — нет. Ему нужен суд, потому что хозяйственных и иных споров возникает много, а суд в своем нынешнем состоянии свои функции выполнять не может. Для небогатых групп населения страшная проблема, по всем социологическим опросам, это произвол милиции.

В чем суть проекта группы «Сигма» по модернизации общественной жизни? Мы предлагаем следующую последовательность действий.

Шаг первый. Модернизация институтов как реакция на запрос пользователей государства, то есть групп интересов в обществе и в бизнесе. В нынешнем состоянии политического режима их активность «заморожена». Если мы говорим о модернизации государства,

то ее нужно начинать, на наш взгляд, с размораживания общественного влияния и деятельности малого и среднего бизнеса. Как? Путем либерализации гражданского некоммерческого законодательства и устранения административных барьеров для малого и среднего бизнеса. Подготовлен перевернутый нами с ног на голову, как считают чиновники, закон, который мы называем законом «О защите прав потребителей государства», но законопроект называется формально «О стандартах и регламентах осуществления государственных и муниципальных функций и услуг в Российской Федерации». Ведь если не обозначены свойства услуг, технология их представления и ответственность чиновничества, то потребитель не может ни требовать чего-то, ни использовать судебные процедуры в ситуациях конфликта с властью.

Второй шаг. Формирование запроса на стандарты деятельности и мониторинг со стороны институтов гражданского общества и бизнеса за соблюдением этих стандартов. Затем начинаются преобразования, и начинаются они, естественно, с судебного аппарата, а закончатся, скорее всего, восстановлением законодательной власти, преодолением государственного монополизма в этой сфере, что очень сложно и очень долго.

И третий шаг — реформирование школьного образования, потому что поворот к инновационному развитию идет через образование, через школу. Я бы был авантюристом, если бы сказал, что мы сегодня можем реформировать школу. Чтобы это сделать, нужна очень широкая коалиция разных интересов. Нужно местное самоуправление, которое у нас не работает. Откуда у нас была хорошая русская гимназия? Земское самоуправление работало! Вряд ли мы раньше, чем через 2-3 года подойдем к началу работы со школой. А там — ключи от российского будущего.

Непризнанные....

Каждый день мы слышим это определение в различных сочетаниях: «непризнанные государства», «непризнанные территории», «непризнанные образования». О самих этих понятиях, терминах, правомерности их употребления идет спор. Но намного сложнее проблема отношения к тому, что стоит за ними, со стороны мирового сообщества и каждой отдельной страны. Ниже публикуются мнения двух экспертов, отражающие их взгляды на проблемы легитимности самопровозглашенных территорий, которые не только существенно осложняют ситуацию в мире, но и приводят к прямым вооруженным конфликтам.

Осторожнее в терминологии, гибче в политике

Много лет я занимаюсь постсоветским пространством, и у меня особый интерес к непризнанным территориям из-за того, что я в первую очередь испанка, но одновременно каталонка и островитянка. Все эти идентичности, которые существуют во мне, определяют мой особый взгляд на обсуждаемую проблему. Это субъективный взгляд, основанный на моем личном профессиональном опыте.

Во-первых, по поводу терминологии. Считаю, что с нею нужно быть осторожными. Я сама в какой-то момент использовала термин «непризнанные государства», использовала и термин «непризнанные территории». Но самое подходящее определение для территорий, появившихся после крушения Советского Союза и объявивших, по сути, о своем государственном статусе, который, однако, оспаривается, — это выражение, которое по-испански звучит хорошо, но не знаю, как по-русски... Суть — это шлюпка, потерявшаяся при «кораблекрушении» империи. Мне кажется, что этот образ отражает положение граждан, которые — парадоксально — хотели независимости и одновременно были сторонниками советского государства. Отношу к этому ряду четыре известные территории — Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию, Нагорный Карабах, но выделяю последний как особый случай. Потому что

*Пилар Бонет,
корреспондент газеты
«Эль Паис» в Москве*

это проблема соперничества двух государств — Азербайджана и Армении. Москва гарантировала безопасность названных территорий, но не гарантировала решение конфликтов. В 1990-х годах эти конфликты были «замороженными», они не сильно эволюционировали, а Москва выступала в качестве главного арбитра, хотя никогда не контролировала элиту этих пространств, это не были марионетки Москвы.

Тот факт, что Россия стала единственным крупным игроком в этих государствах, не был предопределен как некая неизбежность. Украина, например, имела возможность играть большую роль в Приднестровье. Элита Приднестровья обратилась к Украине в 1991-м или в 1992 году, желая стать ее частью. Она имела исторические аргументы в пользу этого: Молдавская автономная республика состояла в составе Украины с 1924 по 1940 год. Но Украина сказала «нет», хотя украинцы — это треть населения Приднестровья. Почему отказала? Потому что в 1954 году Украина получила Крым, который для нее, видимо, важнее, чем судьба этнических украинцев в Приднестровье, хотя Украина и выдала им свои паспорта.

Во всех этих территориях есть свои институты, система законов, выборы, то есть без этого они не мыслят своего существования. Даже в Приднестровье, когда шла речь о создании Конституции, укрепляющей власть президента (в 2000 году), люди голосовали и соблюдали все процедуры. Везде мы наблюдаем щепетильное, маниакальное пристрастие к проведению референдумов, плебисцитов в доказательство того, что все делается по закону.

Из названных четырех образований три имеют явно выраженную этническую составляющую. Но в Приднестровье этой этнической идентичности не было, поэтому там попытались ее создать, искали разные модели.

Кишинев и Приднестровье и сегодня пытаются найти решение проблемы своих взаимоотношений — что получится непонятно. Если бы такое решение было найдено, это было бы хорошо не только для них, но и для других. Россия была бы довольна, если можно было бы получить гарантии их неприсоединения к НАТО. Вопрос — в доверии. Про названные самопровозглашенные образования, кажется, можно было бы сказать, что они закрыты, но это не было бы полной правдой. Потому что, с одной стороны, они изолированы и сохраняют пережитки прошлого, но, с другой стороны, люди, которые там живут, имеют, как правило, несколько паспортов, что дает им возможность принимать участие в разных реальностях, которые влияют на их идентичность. В Приднестровье я встречалась с людьми, которые имеют по 5 паспортов — украинский, российский, молдавский, болгарский и паспорт Приднестровья.

После 90-х годов, когда эпоха Ельцина закончилась и началась эпоха Путина, на ситуацию в исследуемых территориях влияют три главных

фактора. Прежде всего — признание независимости Косово многими западными странами, которое открывает перед «непризнанными» новые перспективы, расширяет границы дозволенного.

Второй фактор, который влияет на ситуацию в период Путина и после него, — это расширение НАТО, которое Москва формально интерпретирует как угрозу ее безопасности.

Но мне кажется, что в основном она озабочена исключением России из европейского пространства. Эта рефлексия намного болезненнее, чем тема реальной угрозы.

*Расширение НАТО приводит
к конкуренции между Западом и Россией
на европейском пространстве,
а непризнанные государства стали
частью возникшей головоломки*

Когда кончилась «холодная война», мы говорили, что теперь Европа действительно простирается от Лиссабона до Владивостока. Так понимаемая новая Европа могла создать более широкие рамки для разрешения конфликтов. Однако расширение НАТО приводит к конкуренции между Западом и Россией на европейском пространстве, а непризнанные государства стали частью возникшей головоломки. Их территории фактически провоцируют эту конкуренцию.

Третий фактор, который влияет на ситуацию в связи с непризнанными территориями, — это осознание Россией себя как сильного и экономически мощного государства, о чем в стране постоянно говорят в последнее время. Хотя если ты такой сильный, то надо ли так настойчиво убеждать в этом других?

Так или иначе, непризнанные территориальные образования — инструмент в маленькой «холодной войне» между Россией и Западом. Я согласна с тем, что на Западе не видели эти территории как субъекты серьезной международной политики, не слушали их аргументов. И они в свою очередь тоже были невняты в объяснении своих аргументов, своей идентичности. Кажется, что иногда они сами этим пренебрегают. Но поскольку они живут под крылом России, они не чувствуют большой необходимости в этом, и Запад не чувствовал большой необходимости понимать их, поскольку ситуация была заморожена.

Хочу, однако, быть позитивной и думаю, что эти территории могли бы стать площадками для сотрудничества между Россией и Западом в поисках адекватных решений, которое учитывали бы все интересы. Этого не сделать одним махом, нужна цепь разных шагов, растянутая во времени. Если бы удалось создать пространство доверия, разрешение конфликтов могло бы стать примером нового диалога, сотрудничества в Европе. Боюсь только, что ни Россия, ни Евросоюз пока не созрели для начала нового сотрудничества.

*Сергей Маркедонов,
заведующий отделом проблем
межнациональных отношений
Института политического
и военного анализа*

Де-факто государства – общее и особенное

Я буду говорить о **де-факто государствах** постсоветского пространства. На мой взгляд, им, как самостоятельному субъекту исследования в данной проблеме, не слишком повезло по двум основным причинам.

Первую причину можно назвать политико-пропагандистской.

Те государства, которые рассматривают эти территории как свои части, как свои исконные территории, ведут большую пропагандистскую работу, чтобы представить эти образования как «черные дыры», как что-то несостоятельное, как средоточие криминала и т. д. На фоне такой пропагандистской работы появляются и соответствующие публикации. В качестве примера сошлюсь на труд известного профессора Джорджтаунского университета Чарльза Кинга под названием *Non state states* — «Негосударственные государства», или «Государства, которые не являются государством». И второй момент — то, что данные образования рассматривают сейчас исключительно в контексте Косово.

Хочу, однако, обратить внимание вот на какой момент. Приднестровье заявило о своей независимости в сентябре 1990 года, когда существовал Советский Союз и еще не произошло даже первого провозглашения независимости Косово. Оно прозвучало в 1991 году, когда только Албания признала Косово. Южная Осетия подняла свой статус от автономной области до республики в составе Грузии тоже в 1991 году, когда проблема Косово не стояла в повестке дня как европейская и тем более мировая. Это была югославская или, максимум, балканская проблема. Абхазскую проблематику ООН стала обсуждать в 1992–1993 годах. Я напомним, что Абхазия рассматривается ООН как сторона конфликта, и здесь работала миссия наблюдателей. Косово попало в европейскую и мировую повестку дня в 1997–1999 годах, когда прошла военная операция НАТО. То же самое касается и На-

горного Карабаха. Первая резолюция СБ ООН по НКР датируется 30 апреля 1993 года после кельбаджарской операции, когда Армения открыто показала свою вовлеченность в конфликт. Таким образом, еще существовал Советский Союз, когда отчетливо звучали декларации, связанные с провозглашением независимости де-факто государств, формировалась их идентичность, происходили конфликты...

Остановлюсь на трех аспектах проблемы.

Первый — вопрос терминологии, почему я использую понятие «де-факто государства», второй — причины их появления. Третий вопрос — общее и особенное в де-факто государствах.

Обычно данные образования называют самопровозглашенными. Мне этот термин кажется некорректным. Во-первых, вообще все государства когда-то сами себя провозгласили, о чем говорят многие исторические примеры.

14 июля 1776 года 13 колоний Великобритании в Северной Америке самопровозгласили государство США и свою независимость от Великобритании, которая много лет не признавала независимость этого государства. Нидерландская Республика также побыла в этом состоянии. Но Последний яркий пример — Китай. Напомню, что до 1971 года в Организации Объединенных Наций Китай представлял Тайвань, а материковый Китай не был признан. Наконец, о Советском Союзе. В Соединенных Штатах до 1933 года послом был Борис Бахметьев — посол Временного правительства России. Соединенные Штаты не имели дипломатических отношений с Советским Союзом.

Второй момент, почему термин «самопровозглашенный» не кажется

мне справедливым и корректным. Между провозглашением независимости и выстраиванием институтов государственной власти, о чем говорил Пилар Бонет, — большая разница. Эти институты могут быть не признаны мировым сообществом, но гражданами вполне признаются. На «излете» Советского Союза была масса случаев самопровозглашения различных республик. Возьмем Карачаево-Черкесию. Там, если память мне не изменяет, в 1990–1991 годах было провозглашено 5 республик: Республика Карачай, Черкесская Республика, Республика Абаза и две казачьих республики — Баталпашинская и Урупско-Зеленчукская. Где они теперь? А ведь Урупско—Зеленчукская Республика просуществовала целых полгода. В 1996 году была провозглашена Республика Балкария. В Дагестане была провозглашена Казачья Нагайская Республика. Даже, между прочим, Уральская Республика провозглашалась в 1993 году, Донская Республика — в ноябре 2001-го. Где все эти государственные образования? Они не существуют. Между самопровозглашением и реальной самостоятельностью, формированием некоего субъекта политики большая дистанция. Потому самопровозглашение — не очень состоятельный термин.

Далее — понятие «непризнанный». Вроде бы здесь все логично: они не признаны мировым сообществом. Но, во-первых, они признаны собственным населением, для которого они легитимны. Те законодательные акты, которые там издаются, населением выполняются, элементы государственного принуждения тоже применяются.

Еще один важный момент. Абхазию ООН не признает как государство, но

Экстер. Конструктивный натюрморт. 1920–1921

стороной конфликта ее считает. Южная Осетия не рассматривается в ООН как сторона конфликта, но в ОБСЕ рассматривается. Там действует миссия ОБСЕ, и она считает Осетию стороной конфликта. Более того, сам Тбилиси считал до появления «альтернативного правительства» Южную

Осетию стороной конфликта: ведь подпись Грузии под Дагомыскими соглашениями 1992 года о прекращении огня стоит.

Азербайджанская сторона в мае 1994 года подписала документ о прекращении огня с Нагорным Карабахом. Подпись Самвела Бабаяна, коман-

дующего армией Нагорно—Карабахской Республики, там стоит. Только после президентских выборов в сентябре 1996 года в Армении все отношения по Карабаху перешли в формат Ереван—Баку, то есть до этого переговоры с Карабахом велись, минская группа посредников приезжала в Карабах, в том числе и американцы, тот же Метью Брайза — куратор кавказской политики США.

В западной литературе используется такой термин «breakaway republics», то есть республики, которые, так сказать, оторвались от основных территорий. Но не факт, что произойдет обратное присоединение, это еще нерешенный вопрос. Не так давно господин Солана, который много говорит о том, что Косово — это unit case (особый случай), сказал, что самоопределение Косово — это последний акт в драме югославского распада. Я готов согласиться с ним и добавить, что это самоопределение республик де-факто, то есть пока судьба четырех государств, обсуждаемых нами, не решена, мы не можем говорить о том, что раздел Советского Союза завершился окончательно.

Почему я говорю «де-факто государства», а не территории? У них есть атрибуты, выборы. Пилар Бонет говорила про референдумы. В Приднестровье — их было семь, конституция там менялась три раза. В Карабахе Конституция была принята в 2006 году, состоялось два референдума. В Южной Осетии было несколько референдумов, в Абхазии были не просто выборы, а смена власти, причем без убийств и насилия. Можно даже считать, что в 2004 году в Абхазии произошла своя «цветная революция», по-

тому что Кремль ставил на одного кандидата, а победил совсем другой. Таким образом, на мой взгляд, по вышеописанным причинам термин «де-факто государство» наиболее приемлем.

*Национализм, наложенный
на территориальную основу, и породил то,
что мы сегодня видим в де-факто
государствах*

Второй аспект: причина появления этих образований. Здесь, конечно, всегда возникает вопрос, который знаменитый французский историк Марк Блок называл «идолом племени историков»: с какого момента все началось? От журналистов я слышу о 500-летней карабахской войне, о 400-летнем противостоянии абхазов и грузин. Не надо искать причины конфликта в донационалистической эпохе и переносить националистические представления в аграрное общество, которое существовало в XVIII—XIX веках. Самый частый вопрос, который мне задают журналисты и в кулуарах, и открыто — чей же все-таки Карабах? Мои студенты говорят: «Наверное, на этот вопрос очень трудно ответить корректно». На самом деле, легко: Карабах это не армянская и не азербайджанская земля. Это до 1823 года земля Карабахского ханства, а потом часть Елизаветпольской губернии Российской империи. Вот верный ответ. Потому что Карабахское ханство находилось в донационалистической эпохе, когда люди боролись друг с другом не как армяне и азербайджанцы — они себя осмысливали не в этих категориях, а как поданные Карабахского ханства.

Очень любопытно пишет о проблеме наций немецкий кавказовед Йорк Бобровски. Он доказывает, что в начале XX

века сама концепция наций утвердилась в этом регионе лишь на территории кавказских городов. За городской чертой она переставала действовать. Поэтому первые армяно-азербайджанские столкновения происходят именно в городах — Баку, Гяндже, Шуше. Только с процессом модернизации и урбанизации появился национализм, появился националистический дискурс и родилось представление об исконной территории.

Таким образом, можно говорить о том, что тот же карабахский и другие конфликты формируются во время рождения первых республик в Закавказье. Не так давно отмечались даты их образования: Грузия провозгласила независимость 26 мая, Армения и Азербайджан — 27 мая 1918 года. Что интересно — грузинский Национальный совет заявил о своей государственности во Дворце царского наместника на Головинском проспекте Тифлиса — теперь это проспект Руставели Тбилиси. А где заявил о своей независимости Азербайджан? В том же самом Тифлисе, в гостинице «Заря». И столицей Азербайджана 4 месяца была Гянджа — до сентября 1918 года в Баку хозяйничали дашнаки. То есть представление о национальной территории определилось только в XX веке. Поэтому давайте расслабимся и не будем говорить о 400–500-летней вражде между народами. Тем более что народы вообще конфликтовать не могут: у них нет права субъектности. Могут конфликтовать элиты, государства, группы, партии.

Используя образ Киссинджера, можно сказать: дайте мне тот телефон, по которому можно позвонить и попросить, чтобы подошел и поговорил со мной народ. Поэтому между народами нет вражды, как и дружбы — не бывает их между теми, кто не имеет субъек-

тности. Субъектность формируется определенной — политической, интеллектуальной, бизнес-элитой. Поэтому с рождением национализма появилось разное представление о том, что есть национальные территории.

Пришли к власти большевики и привнесли такой фактор, как этнизация политики. В 1924 году известный литовский большевик Иосиф Варейкис назвал Советский Союз коммунальной квартирой. Блестящий образ, который был использован через 70 лет профессором университета Беркли Юрием Слезкиным. Советский Союз планировал свою политику для формирования этнических различий на территориальной основе. Появлялась так называемая этническая собственность на землю. Если Грузия, то здесь грузины, если Абхазия, то здесь абхазы, если это Азербайджан, то здесь должны быть первыми азербайджанцы, а если это Армения, то, естественно, только армяне и никто больше. Проанализируйте переписи советских лет с 1959 по 1989 год. Вы везде увидите — от союзных республик до автономий — этническую гомогенизацию и фактическое формирование квазигосударств. Как только Советский Союз начал рушиться и коммунизм уже никого не вдохновлял, формула товарища Сталина — «социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура» — применительно к республикам потерпела фиаско: форма и содержание совпали мгновенно на национальной основе.

Естественно, главный вызов, который возник, — это легитимность государства, понимаемая не как легальность той или иной процедуры, а как доверие к государству. Если первый Президент Грузии Звиад Гамсахурдия зая-

вил о Грузии как о государстве для грузин, то понятно, что абхазам в этой Грузии нечего делать. Если народный фронт Азербайджана выходил с речевками вроде «Без евреев и армян проживет Азербайджан», то понятно, что это вызвало недовольство в определенных слоях населения, привело к серьезному конфликту с армянами. А из Армении в 1989 году было выдвинуто 200 тысяч азербайджанцев. Собственно говоря, национализм, наложенный на территориальную основу, и породил то, что мы сегодня видим в де-факто государствах.

Эти государства разные. Прежде всего, Пилар об этом отчасти сказала, есть разное отношение к России, хотя бы по простой причине: Россия имеет границы с Абхазией и Южной Осетией, но с Приднестровьем и Карабахом не имеет. Более того, есть продолжение Абхазии и Южной Осетии внутри России. Есть Северная Осетия. Есть Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. Абхазия же является единственным черкесским государством, которое не признано в мире, но оно таковым является. Черкесский мир внутри России — очень важный фактор. С ним очень сложные исторические отношения. А Приднестровье и Нагорный Карабах несколько вдали от России. Дума в мартовском 2008 года заявлении обрисовала возможные контуры политики в отношении Абхазии и Южной Осетии, по Приднестровью они не очень ясны.

Пилар затронула очень важную проблему взаимоотношений непризнанных образований с Западом. Но ведь Запад разный — есть США, есть Европейский союз. Европейский союз

рассматривает Абхазию, Приднестровье как часть Европы. После приема в ЕС в 2007 году Румынии и Болгарии, Евросоюз считает Черноморье, куда включает все кавказские государства

За годы существования «самопрозглашенных территорий» сформировались уже два поколения, которые не представляют себе жизнь в составе прежних государств

(хотя Азербайджан выходит к другому морю, Армения вообще ни к какому не выходит) Черноморским регионом Европы. И уже Европа говорит о себе как о региональном акторе, который здесь всерьез и надолго. Американцы же этот Черноморский регион включают в проект «The Great Middle East» — Большой Ближний Восток — и отводят ему скромную роль тыловой зоны. Если для американцев это скромная геополитическая игра, для Европы это уже границы, это уже часть Европы, которую нужно как-то интегрировать и стабилизировать. Разные подходы. И столь же разные подходы у де-факто государств к Европе и США.

В заключение хочу сказать, что де-факто государства показали себя, как минимум, самостоятельными субъектами. У каждого из них есть собственные устремления, собственные представления об идентичности, и надеяться на быстрое решение их проблем, я думаю, не стоит. За годы существования «самопрозглашенных территорий» сформировались уже два поколения, которые не очень представляют себе жизнь в составе прежних государств. Сегодня определенного ответа на вопрос — либо национальное самоопределение, либо реинтеграция — не существует.

*Наталья Палеева,
кандидат политических наук,
старший преподаватель
Самарского государственного
университета*

Толерантность в полиэтничном регионе: случай Республики Татарстан

Тема толерантного отношения к тем или иным категориям населения, социальным или этническим группам, звучит в современном российском контексте довольно остро. Подавляющее большинство исследователей, так или иначе затрагивающих проблемы национализма, уделяет вопросам толерантности существенное внимание. Рассматривая эту тему с разных сторон, российские и зарубежные исследователи выявляют как объекты интолерантного отношения, так и стратегии включения в общество тех или иных «пришлых» этнических групп.

В этой статье я попытаюсь представить и проанализировать результаты, полученные в ходе недавнего массового опроса жителей Республики Татарстан об их отношении к мигрантам и бездомным. Опрос проводился в период с ноября по декабрь 2007 года научно-исследовательским и аналитическим отделами Научно-исследовательского республиканского центра социально-психологической помощи населению.

Однако, прежде чем перейти непосредственно к исследованию, несколько слов о содержании столь распространенного термина, как «толерантность». Множество словарей и иных публикаций, трактуя его совершенно по-разному, — начиная от фактического синонима «терпимости»* (способности мириться с чужим мнением и снисходительно относиться к чужим поступкам) и заканчивая предположением, что данное явление должно пониматься исключительно в категориях политического плюрализма, — сходятся в одном: «толерантность» есть безусловное признание чужой культуры, мнения, поведения. На фоне этого признания и должно развиваться взаимодействие между людьми, культурами, этническими группами.

* *Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: научно-публицистический вестник. М., 2001. С. 8–18.*

Соглашаясь с обоснованностью такого подхода, можно лишь добавить, что, кроме признания чужой и «пришлой» культуры, немаловажным показателем толерантности, особенно в контексте изучения межэтнических взаимоотношений, выступает готовность делиться с «другими» собственную территорию. То есть — готовность к совместному проживанию на одной земле. Именно эти категории и будут считаться основополагающими при оценке уровня толерантности в Республике Татарстан.

«Язык вражды», распространённый в медиапространстве, довольно быстро находит отражение в представлениях и установках общества

Мониторинг толерантности на всем пространстве Российской Федерации проводится регулярно. Политологи и социологи, выясняя настроения граждан по тем или иным вопросам, связанным с адаптацией в России выходцев из ближнего и дальнего зарубежья, довольно часто приходят к неутешительным выводам. Уровень толерантного отношения к упомянутым группам сейчас, как и в 1990-е годы, довольно низок. Мигрантов/вынужденных переселенцев/беженцев (большой разницы для опрашиваемых, как правило, не существует), по свидетельству исследований, проведенных в московском, ленинградском, самарском, воронежском и новосибирском регионах, зачастую обвиняют во всевозможных социальных бедах или игнорируют вовсе*.

Такая ситуация характерна не только для столичного, но и для целого ряда других регионов; например, мониторинги, осуществленные в Свердловской области, показывают, что, понимая под «мигрантами», в том числе, и возвращающихся на родину уроженцев России, далеко не все жители региона признают их равными себе. Более того, отношение к ним лишь немногим лучше отношения к переселенцам из стран СНГ. Неоднократно отмечается, что они претендуют на рабочие места, предназначенные коренным жителям, занимаются наркоторговлей, проституцией, наконец, делают опасным пребывание в вечернее время в некоторых районах города**.

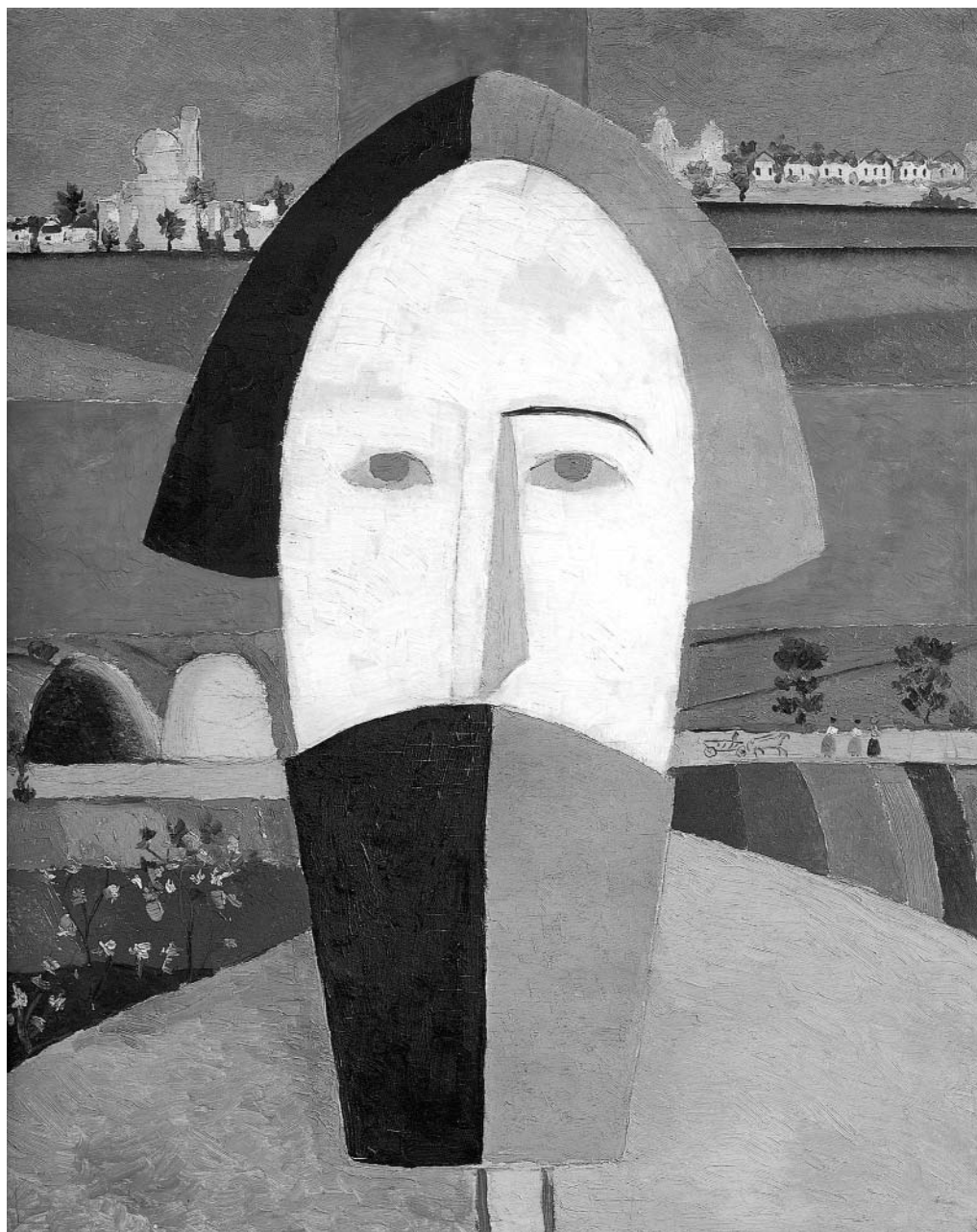
Схожая картина наблюдается и в столицах, где, согласно данным, регулярно получаемым «Левада-центром», помимо утверждения, что переселенцы отбирают у «коренного» населения работу, представляя довольно дешевую рабочую силу и снижая общий уровень зарплаты

* См. исследования центра «Гратис» по Московской области: http://www.psy-gratis.ru/old_site/monit_opis.htm. По другим регионам см. материалы Центра экспертной журналистики:

http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=559&c_id=6633;

http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=559&c_id=6632.

** Толерантность и миграционные процессы в Свердловской области // <http://www.tolz.ru/library/?de=0&id=37>.

Казимир Малевич. Голова крестьянина. 1928-1929

в регионе, признается полезным и даже необходимым введение определенных ограничений на их въезд в регион*.

Иркутские исследователи, разрабатывая проблему этнического неприятия и свидетельствуя о весьма высоком его уровне в Прибайкалье (что, очевидно, не в последнюю очередь объясняется близостью

---

* *Толерантность против ксенофобий / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Институт социологии РАН, 2005. С. 81–82.*

такого соседа, как Китай), поднимают активно обсуждаемую в современной политологии тему влияния языка СМИ на уровень толерантности в регионе. При этом они показывают, что «язык вражды», распространенный в медиапространстве, довольно быстро находит отражение в представлениях и установках общества*.

Приведенные выше в качестве примеров исследования позволяют более ярко показать особенности межэтнического взаимодействия на территории Казани и сопредельных городов Татарстана**.

Первое, что обращает на себя внимание, — довольно толерантное, на первый взгляд, отношение жителей республики к мигрантам и схожим с ними по статусу и общественному восприятию бездомным. Чуть меньше половины жителей региона испытывают к ним сочувствие и жалость, отчасти признавая, что при определенных социальных условиях они вполне смогут если и не стать полноценными членами общества, то, по меньшей мере, активно включиться в социальную жизнь. Более того, граждане готовы поддерживать приехавших материально: милостыня, одежда и продукты, им выделяемые, для 64,8 % населения считаются нормальным явлением.

Все это не может не свидетельствовать о том, что отношение к мигрантам на территории республики кажется вполне толерантным. Их готовы поддерживать и жалеть. Следуя логике исследования, далее было бы логично предположить, что мигрантов готовы «принять», а их статус едва ли не приближается к статусу «своих». Однако, вопреки таким предположениям, вторая часть нашей исследовательской работы опровергает первую.

Хорошо понимая, что мигранты далеко не однородное сообщество, состоящее из представителей как ближнего, так и дальнего зарубежья, в следующей серии вопросов мы сознательно разделили эти категории, предложив респондентам самостоятельно определить, к какой из перечисленных групп они проявляют большее сочувствие. Далее следовали вопросы, посвященные предложению конкретных дел,

---

* См.: *Язык вражды против общества* // <http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/9451335>; *О толерантности и противодействии нетерпимости и экстремизму в российском обществе. Результаты работы Общественной палаты Российской Федерации* // <http://www.oprf.ru/publications/documents/resolutions/1572>; Сафьянников А.М. «Русская сила»: попытка издания иллюстрированного «национал-патриотического» журнала в Иркутске // <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/596F181>.

** Число респондентов, принявших участие в опросе, составило 500 человек. Ареал исследования включал Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Зеленодольск, Лаишевский район. Состав респондентов: 37,6% — мужчины, 62,4% — женщины. Возраст: 18–24 года — 41,2%; 25–34 года — 18,4%; 35–44 года — 17,5%; 45–54 года — 16,9%; 55–64 года — 5,1%; 65 лет и старше — 0,9%. Образование: среднее — 19,5%; средне-специальное — 20,5%; незаконченное высшее — 25,0%; высшее — 35,0%. Ежемесячный доход на одного человека в семье: менее 3 000 рублей — 13,3%; 3 000–5 000 рублей — 34,9%; 5 000–7 000 рублей — 26,3%; 7 000–10 000 рублей — 12,8%; 10 000–15 000 рублей — 6,9%; более 15 000 рублей — 5,8%. Национальный состав: русские — 38,3%; татары — 50,2%; другие национальности — 11,5%. Опрос жителей проводился по типу выборки «снежный ком».

необходимых для того, чтобы с успехом включить «приезжих» в региональное сообщество.

Опровергая гипотезу о безоговорочно толерантном отношении к приехавшим людям, полученные результаты показали, что далеко не все группы мигрантов, по мнению опрошенных, заслуживают помощи и сочувствия. Больше всего на подобное отношение, с точки зрения жителей республики, могут претендовать мигранты и вынужденные переселенцы из маленьких городов и деревень Российской Федерации. Оказывать им посильную помощь готовы порядка 30 % от числа опрошенных. Далее с большим отрывом следуют представители стран ближнего зарубежья и СНГ. Лицам из указанных регионов, не являющимся бывшими соотечественниками, готово представить помощь всего около 7 %, а мигрантам из дальнего зарубежья — всего 2,8 % респондентов. Несколько иное отношение у респондентов к бывшим соотечественникам, некогда и / или поныне гражданам Российской Федерации, оказавшимся в силу различных причин за пределами государства. Процент согласных оказать им помощь, способствуя обустройству на новом месте, приближается к 50 % от числа всех опрошенных.

При этом различия в ответах между представителями различных этнических групп (главным образом русскими и татарами), проживающих в регионе, не наблюдалось. Предположение, что мусульмане, в силу исповедуемой ими религии, будут значительно «терпимее» относиться к своим единоверцам из стран СНГ и дальнего зарубежья, не оправдалось. К последней категории мигрантов с одинаковой степенью приятия относятся все проживающие на территории региона этносы.

Группа вопросов, касающихся необходимых и возможных мер, способствующих полноценной интеграции приезжих в общество, дала результаты, которые, с одной стороны, оказались самыми непредсказуемыми, а с другой стороны — примитивными в смысле полученных идей. Подавляющее большинство респондентов (среди них преимущественно люди старше 35 лет) полагает, что главным инициатором всего комплекса поддерживающих мероприятий должно стать «государство», под которым понимается, не разделяясь, федеральная, региональная и муниципальная власть. Как-либо собственных предложений по конкретной помощи мигрантам, вынужденным переселенцам или беженцам, участники опроса не дают. При этом они четко представляют, чего делать ни при каких условиях нельзя. Жители республики, к примеру, выступают против какой-либо денежной помощи приехавшим, полагая, что это «ущемит в материальном плане и без того не богатое коренное население». Данная позиция принципиальна в отношении мигрантов из дальнего и ближнего зарубежья. Отношение же к бывшим соотечественникам чуть более терпимое, но столь же категоричное. По мнению подавляющего большинства опрошенных, если и оказывать им материальную помощь, то «нормировано», не

забывая, что приоритетом в финансировании из государственных фондов всегда остаются граждане России. Недопустимой мерой по отношению к прибывшим считается и упрощение мер по получению гражданства Российской Федерации. Не делая разницы между «бывшими своими» и прочими мигрантами, опрошенные нами высказывались как минимум за сохранение прежних правил обретения гражданства. При этом они полагали, что такая мера не только уменьшит поток приезжающих, но и поможет сохранить нечто, что многими именуется весьма абстрактным термином «национальное достоинство».

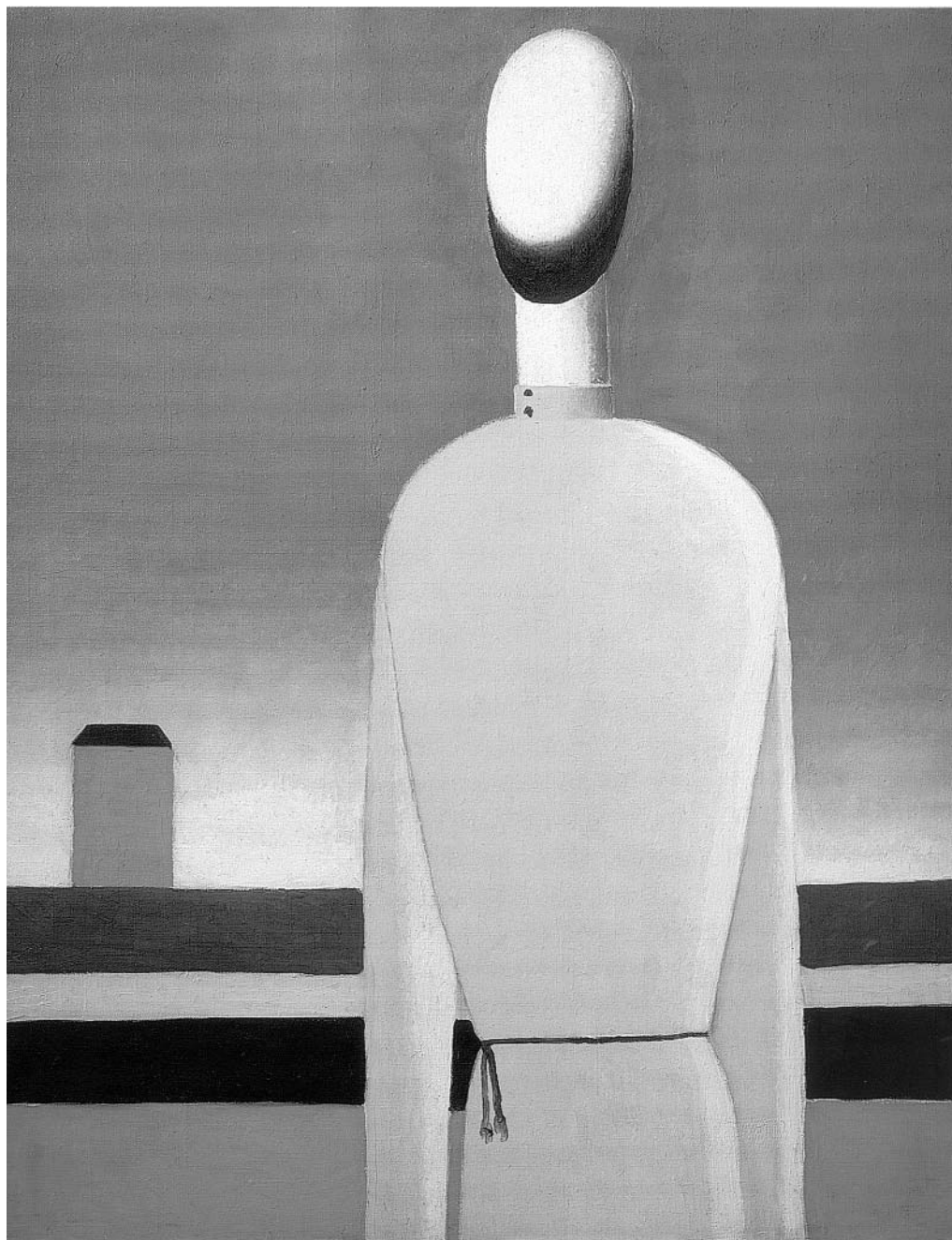
Мода на толерантность, весьма распространенная сейчас в Татарстане, и привела к столь впечатляющей демонстрации миролюбия

Больше всего противоречий обнаружил третий блок вопросов, посвященный взаимоотношениям двух анализируемых категорий граждан и возникающим в ходе их выстраивания проблемам. Необходимо отметить, что здесь, в отличие от первых двух блоков, содержалось некоторое количество «ловушек»: среди вопросов были такие, в которых мы исподволь возвращались к предыдущим разделам, повторно проясняя отношение опрашиваемых к приезжим.

Говоря о проблемах, которые провоцируются приезжими, респонденты, прежде однозначно отвечавшие, что не испытывают к прибывшим в регион людям практически никаких негативных чувств, в подавляющем большинстве отмечали, что главной проблемой, обусловленной притоком граждан из других стран (за исключением русских), является проблема распространения наркотиков. Мигранты, «наживаясь на коренных жителях», якобы торгуют наркотиками, превращая в инвалидов целое поколение. Допустить при этом, что наркоторговлей способны заниматься и граждане своей страны, респонденты не готовы. Торгуя на рынках некачественными товарами и продуктами, распространяя антисанитарию и болезни, мигранты становятся потенциально «опасными» для общества, представляя очевидную угрозу спокойствию и так называемой стабильности. Именно из-за мигрантов, полагают респонденты, растет преступность, повышаются цены на жилье, снижается средний уровень заработной платы.

Более того, мигрантов часто упрекают в том, что своим компактным проживанием они создают угрозу «нашему» сообществу, точнее — угрожают целостности «нашего» региона и всего государства. Создавая «национальные общины», приезжие не только организуют «государство в государстве» (так считают 29% опрошенных) с собственными порядками, но и провоцируют иные национальные группы действовать по их образцу.

Перечень «претензий» к мигрантам можно продолжать довольно долго. Он обширен и, в зависимости от социально-экономической

Казимир Малевич. Сложное предчувствие. 1932

ситуации, дополняется теми или иными конструктами. Так, например, в период заметного повышения цен на продукты питания всем без исключения мигрантам вменялось в вину, что они, торгуя на рынках, едва ли не первыми повышают цены, одновременно не пуская за прилавки «местное население».

Все перечисленное, вопреки нашим первоначальным догадкам, свидетельствует о феномене, в психологии именуемом низким уровнем типологической коммуникативной толерантности, которую отличает вполне определенное отношение человека к собирательным типам личности или группам людей, будь то представители этнической группы, социального слоя или даже профессии*. В тех случаях, когда человек вычленяет ту или иную культуру, нацию, страту по негативному признаку, складывается ситуация, которую можно назвать «конструированием мифа». Со временем конкретные негативные черты настолько укореняются в сознании граждан, что все дальнейшие события и взаимодействия с участием представителей дискриминируемой нации / социальной группы происходят под влиянием этих стереотипов.

Как правило, последствия низкого уровня общественной толерантности обнаруживаются в неминуемом формировании социоцентрической культуры. Чем дольше общество пребывает в интолерантном состоянии, тем устойчивее становится тип культуры, особенностями которого выступают растворение личности в коллективном «Мы». Это такая общность, с которой индивид не только начинает полностью идентифицировать себя, но которая время от времени навязывает ему некие «общепринятые» установки и стратегии поведения**. Принадлежность к «Мы» избавляет индивида от ответственности за самостоятельный поиск решений. Кроме того, во всех без исключения негативных событиях, происходящих в его ближайшем окружении, регионе или в стране в целом, тот же индивид постоянно ищет следы враждебных ему «других». Каких бед можно от них ожидать, не слишком понятно, но опасаться стоит заранее, на всякий случай. Закрепляемый таким способом «образ врага» становится завершающим этапом укоренения социоцентрической культуры.

Перспективы развития общества, обремененного культурой данного типа, предсказуемы и просты. В зависимости от того, участвовала ли в формировании упомянутого «образа врага» государственная власть, она либо продолжит использовать его в собственных интересах, либо постарается быстро его присвоить с целью дальнейшего воздействия на общество. В таком государстве продолжится развитие деструктивной социальной резистентности, основанной на постулате «все враги — даже друзья». Из социального контекста будут постепенно исчезать любые позитивные конструкты, используемые по отношению к той или иной отличной от нашей национальности. Утверждение в обществе социоцентрической культуры обрекает на неудачу все попытки повысить уровень толерантности населения.

Весьма показательны ответы наших респондентов на вопросы, касающиеся взаимодействия с мигрантами на рынке труда. Около

* См., например: www.azps.ru.

** Ризрдон Б. Толерантность — дорога к миру. М., 2001. С. 16-19.

77,5% жителей Татарстана отмечают, что приехавшие не мешают им в трудоустройстве, так как они заполняют те ниши, в которых местное население не хочет работать. 21,4 % жителей готовы допустить их в сферу торговли продуктами и потребительскими товарами, полагая, что именно они способны привозить в города недорогую продукцию. Сфера качественного и дешевого ремонта квартир также признается вполне подходящей для их занятости. Более того, 64,7 % респондентов отмечают, что мигранты вправе занимать любые вакансии, соответствующие уровню их квалификации, а работать на низкооплачиваемых местах им предлагают лишь 8,3 % от общего числа опрошенных. Схожая картина наблюдается и в отношении места проживания приезжих людей. Лишь 3,8 % предлагает им вернуться обратно. За исключением 16,7 %, затруднившихся с ответом, остальные готовы принять приезжающих, хотя и на определенных условиях, если они не будут претендовать на проживание в столице или крупных городах республики.

В целом полученные нами данные можно объяснить с нескольких позиций. С одной стороны, можно предположить, что общество Республики Татарстан, в целом не слишком толерантное и настороженно воспринимающее «пришельцев», с недавних пор благодаря позитивному воздействию средств массовой информации довольно активно восприняло модное понятие «толерантность». Именно мода на толерантность, весьма распространенная сейчас, и привела к столь впечатляющей демонстрации миролюбия.

С другой стороны, не исключено, что интересующее нас общество и раньше было толерантным, но в последнее время оно все чаще сталкивается с активным насаждением конструкта «Мы», прививающего разнородному, по сути своей, социуму ощущение некоей гипертрофированной «общности». Для цементирования созданного конструкта необходим «образ врага», который с легкостью можно формировать на основе негативных интерпретаций проблемы мигрантов. Заставить граждан тотально отнести всех приехавших к категории «врагов» официальной пропаганде «Мы», конечно, не удастся, но некоторые распространенные стереотипы, о которых упоминалось выше, все же прививаются.

Наша исследовательская группа остановилась на распутье, окончательную ясность в поднятые вопросы внести так и не удалось. Поскольку уровень толерантности в Республике Татарстан, как было сказано, определить однозначно очень трудно, по прошествии нескольких месяцев мы разработали более подробную анкету и сделали повторный запрос в профильное республиканское министерство с просьбой поддержать следующий этап мониторинга толерантности. Ответ, к сожалению, пока так и не был нами получен. По-видимому, власти республики решили, что интолерантного отношения к приезжим в регионе просто нет, а те незначительные, с их точки зрения, эпизоды снижения толерантности — нормальное явление, присущее многонациональным территориям.

Авторитет без кавычек, или чистота взгляда

АВТОРИТЕТ. Обязательной составляющей личностного А. является высокая ценность индивида для окружающих и как источника значимой для них информации, и как позитивно референтного лица, чье мнение рассматривается в качестве важного ориентира, необходимого для обоснованного принятия решения. (**Социальная психология.** Словарь / Под. ред. М. Ю. Кондратьева.)

Максим Трудолубов,
комментатор газеты
«Ведомости»

У кого бы спросить, почему в сегодняшней России не у кого спросить, что происходит? Точнее, спросить есть у кого, а получить публичный ответ трудно. На вопросы анкеты «Россия-2020», использованной при подготовке доклада к Петербургскому экономическому форуму, ответили 58 из 100 отобранных организаторами ведущих предпринимателей, менеджеров, ученых и экспертов. У каждого из них есть аргументированный взгляд на состояние общества и будущее страны. Но даже те, кто согласился ответить на вопросы, не желали, чтобы их высказывания публиковались за их подписью. Отдельные цитаты было разрешено приводить только анонимно. Результаты опроса опубликованы (Сергей Гуриев, Игорь Федюкин. «Все проблемы — внутри»// *Ведомости*. 9 июня 2008 г.), у нас есть коллективное мнение «продвинутой» части элиты о состоянии страны, о ее ключевых проблемах и возможностях. Но носитель этого мнения — не конкретный человек, к которому хотелось бы прийти с новыми вопросами. Это некоторое число связанных между собой людей, ни один из которых не желает открыто выступать в личном качестве.

Выступать в личном качестве им мешают деловые и корпоративные интересы. Каждому журналисту известно: если хочешь хоть в чем-то разобраться, узнай, каковы настоящие интересы собеседника. Тогда будет понятно, почему он говорит так или иначе. Банкир не расскажет вам, когда в его банке закончатся деньги. Министр финансов не предупредит о всплеске инфляции, ведь он обязан говорить, что

инфляция будет низкой, ему по должности полагается сдерживать инфляционные ожидания. Действующий политик не даст предостережения о возможном кризисе. Он даст руку на отсечение, что кризиса не будет, ведь поддержание стабильности или видимости стабильности — его работа. Банкиры и министры — вполне компетентные люди, но они не могут быть носителями авторитетного мнения, существенного за пределами своей профессиональной и корпоративной среды. И так, те, кто знает, не говорят. Те, кто говорят, мало что знают.

Где вообще важны авторитеты и откуда они берутся? Мнение — это доверительная услуга, примерно как медицинская помощь или ремонт автомобилей. Поскольку не каждый из нас врач, механик или биржевой аналитик, нужна база для доверия, иначе мы рискуем получить неверный диагноз. Наши риски велики, если мы не можем определить, где заканчивается компетентное мнение аналитика и начинаются его обязанности сотрудника инвестиционного банка, работающего на бизнес компании. Обмануть покупателя легко и в серых зонах, где плохо работает закон и поток информации ограничен. Здесь авторитет — носитель тайного знания, которое не с чем сравнить. Такой авторитет легко может оказаться фиктивным. Поэтому так опасны «эксклюзивные» сделки — покупки автомобилей, квартир и компаний с неясной судьбой.

Итак, рынок и свободный поток информации — на стороне покупателя. Интернет позволяет сравнивать мнения и тем самым создавать авторитеты: те, чьи рекомендации выдерживают проверку практикой и временем, набирают вес. Те блоггеры, которых больше читают, становятся популярнее. Это понятно, но опять-таки не слишком помогает разобраться в главном. Прочтение реальности — доверительная

услуга самого высокого уровня. Одних только «журналистских» критериев — компетентности и независимости — мало, чтобы оценить весомость мнения по поводу места страны в истории и нынешнего состояния общества.

Когда мы говорим о людях, обладающих широко признанным авторитетом в обществе, вспоминаются 80-е годы. Вспоминаются Дмитрий Лихачев и Андрей Сахаров. Это люди, которым в то время хотелось задать накопившиеся вопросы и выслушать ответы. Что было в них такого, чего нет в нынешних публичных интеллектуалах? Была признанная компетентность, была выстраданная независимость («Независимость — признак интеллигентности», — писал Лихачев) — но что еще?

Они не обладали властью и состоянием, не сообщали новостей, а формировали взгляд, вводили неписанные этические правила и стандарты поведения. «Моральный авторитет в обществе — не носитель профессионального знания, не проводник новой информации, а носитель правильного высказывания», — говорит директор «Левада-центра» Лев Гудков. Даже носителями традиции их можно назвать только условно — они могут и нарушать традиции, и создавать их, поскольку часто идут против общественного течения.

Стать другим

Чтобы приобрести чистоту взгляда и в советское время, и сейчас, и здесь, и в любой другой стране, нужны особые качества и особый опыт. Чтобы не принимать за чистую монету сообщения прессы, чтобы ставить под вопрос основные послышки времени, нужна огромная сила воли и отстраненность, как правило связанная с «другой» системой ценностей. Выработать чистоту взгляда одним помогают идеологические убеждения, не навязанные сре-

дой, другим — опыт противостояния преследованиям, третьим — национальное происхождение, иногда возраст. Лихачев прошел лагеря. Сахаров отказался от привилегий и комфорта ведущего советского ученого ради малоизвестных соотечественникам принципов. Но эта позиция создала уникальную оптику для незамутненного взгляда на ситуацию. «Мое положение давало мне возможность знать и видеть

многое, заставляло чувствовать свою ответственность, и в то же время я мог смотреть на всю эту извращенную систему со стороны», — писал Сахаров в предисловии к вышедшему в 1974 году в Нью-Йорке сборнику *Sakharov Speaks* («Сахаров говорит»).

Если такие «другие» люди есть и голос их слышен, то общество развивается и о нем можно говорить не только как о политической единице. Когда мы говорим, что в том или ином обществе люди осмысленно относятся к своей истории, помнят традиции, мы на самом деле говорим лишь о небольшой части общества. Речь не о политических лидерах, а о тех, кто задают темы общественного разговора, как об этом писал Ортега-и-Гассет в книге «Бесхребетная Испания». Эти значимые в обществе (и отличающиеся от него) люди помнят историю, создают традиции и задают стандарты качества дискуссии и поведения. Сам по себе разговор в «бесхребетном» обществе не сложится и стандарты поведения не сформируются.

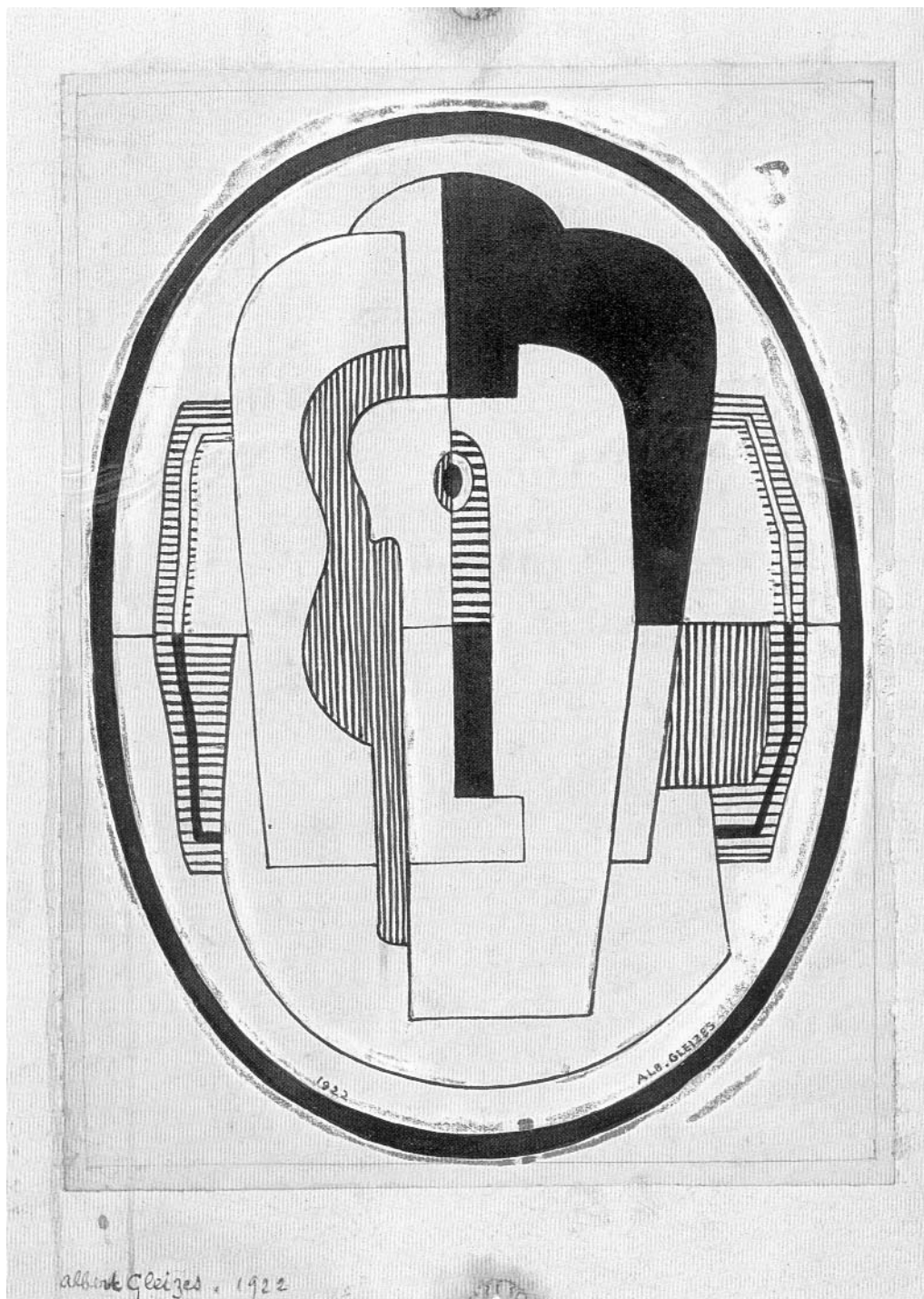
Но, может быть, неформальное интеллектуальное лидерство в современном обществе вообще невозможно? Идеологии как таковые в мире в целом теряют влияние. Может быть общественный авторитет — вообще вымерший вид. «В век великих идеологических

проектов интеллектуалы играли роль попечителей, критиков и свидетелей. Они стремились направлять колесо истории в нужное русло или, бросившись под него, принести себя в жертву. Но

*Общественно значимые фигуры скорее
вырастут среди тех, кто занят
не обогащением любой ценой,
а развитием бизнеса с соблюдением
правил честной игры*

сейчас, когда колеса истории больше нет, их место заняли «эксперты», знатоки и блоггеры», — пишет Тони Джудт в одном из эссе в книге «Переоценка: размышления о забытом XX веке» (Reappraisals: Reflections on the Forgotten 20th Century by Tony Judt).

Возникновение сетевых сообществ и сетевых авторитетов, в том числе популярных блоггеров, — часть общемирового процесса. Но сеть — только носитель, а не генератор общественного напряжения. У России в этой области свои сложности и свои возможности. Инаковость в советское время могла реализоваться в неучастии. Можно было демонстративно спуститься по социальной лестнице, став частью «поколения дворников и сторожей». Можно было, сохранив сравнительно высокий статус, занять позицию воздержавшегося и тем самым не уронить неформальный авторитет. В современной России спуск по социальной лестнице давно не воспринимается как благородный жест. Ниша дворников и сторожей занята теми, для кого это серьезная работа, возможность закрепиться и выжить в большом городе. Из этой среды теперь вряд ли выйдет новый Виктор Цой. А при подъеме на социальном лифте, как правило, трудно сохранить позицию благородного воздержавшегося. Она — признак того,

Альбер Глез. Композиция. 1922

что ты ни на кого не работаешь. Если ты свободен, то ты не востребован. Выгоднее быть проводником чьих-то интересов. Независимость — символ того ужасного времени, когда свободы было много, а денег и собственности — мало. Результат почти 20-летнего бегства от независимости — привычный поиск заказчика за каждым высказыванием.

Вспомним еще раз о качествах «других»: убеждения, национальность, возраст. Идеологические убеждения, альтернативные официальным, не повод для уважения. Национальное происхождение, альтернативное «титульному» — повод для недоверия и опасений. Что касается возраста как фактора, создающего базу для авторитетного суждения об обществе, то и здесь не все в порядке. Лидеры в гонке за материальным успехом — в большинстве 40-летние (см. «золотую сотню» российского издания журнала *Forbes*). Даже в семьях старшее поколение часто не воспринимается как источник премудрости. В целом, инаковость в новой российской системе координат — свойство, вызывающее подозрения.

Снять кавычки

Конечно, иллюзий за это время разрушено множество, и доверие к самой возможности бескорыстного высказывания подорвано основательно. Самое главное неприятное открытие постсоветского времени — осознание несправедливости мира и убеждение в том, что за любой «авторитетной» позицией стоят связи, слепая удача или неправедность, — создало мощную основу для неприятия любого авторитета и появления «авторитетов» криминальных. Материальное неравенство, разбросавшее людей далеко друг от друга, не могло не нанести обществу глубокой травмы. Ценности, пользовавшиеся доверием в 80-е годы, пере-

жили девальвацию более глубокую, чем национальная валюта.

С тех пор климат изменился: в желаниях и планах сделаны поправки на рыночную и (политически) авторитарную реальность, исчезли эйфория и надежды на чудо. Но появилось трезвое понимание, как ориентироваться на рынке и добиваться успеха в новой России. Эта ситуация создает людей, которые что-то из себя представляют, сами чего-то добились. Их авторитет формируется благодаря способностям, знаниям и достижениям — пока только на уровне профессиональных сообществ и отдельных социальных групп. Общий для всех единый авторитет вряд ли сейчас возможен хотя бы в силу сильной раздробленности общества.

Это так, но основа для нового понимания инаковости уже заложена. Если взять деловое сообщество как одно из самых оформленных, то здесь «другой» — это тот, чей бизнес в значительной степени создан с нуля, то есть не основан на бывших государственных сырьевых предприятиях и ведется с соблюдением правил из неписаного кодекса «честной игры». Большинство предпринимателей этой когорты молчат просто потому, что еще молоды и заняты собственным бизнесом, а публичность может мешать делу.

Публичность становится возможной при переходе в новое качество. Тогда и голос звучит по-другому. «Важно понимание того, как работает общество, как устроены конфликты интересов, — говорит в интервью еженедельнику «Пятница» Дмитрий Зимин, основатель компании «Вымпелком», ушедший в благотворительность, — почему общество, лишенное свобод, закрывает для себя возможность лидерства в области высоких технологий» (Инстинкт просвещения // «Пятница». 6 июня 2008 г.). Зимин первым из основателей крупных и значимых россий-

ских компаний полностью отошел от дел и сконцентрировался на просветительской и издательской деятельности. Еще один путь к публичности — действовать через парламент — крайне редко выглядит убедительно, поскольку предприниматели становятся депутатами в основном для того, чтобы «решать вопросы». Редкий пример не только лоббистского отношения к парламентской работе — Сергей Петров, депутат Госдумы от «Справедливой России», основатель компании «Рольф» (см. его интервью «Чиновники давно богаче олигархов» // Ведомости. 24 июня 2008 г.).

Убедительные публицистические выступления такого рода крайне редки в современной России, и убедительны они часто в тех случаях, когда исходят от представителя бизнеса, по-настоящему ушедшего в общественную деятельность. Высказывание о состоянии нынешнего российского общества и государства звучит особенно весомо из уст человека, доказавшего свою состоятельность в рыночной реальности и сохранившего при этом внутреннюю цельность. Это и есть база новой инаковости, а значит, и общественного авторитета в постсоветской России.

Речь, конечно, не о всяком предпринимательстве. Выходцы из чиновничьего и околосударственного коррупционного бизнеса не помогут обществу в понимании его проблем, поскольку сами являются проблемой и могут быть «авторитетами» только в кавычках. Как и все общество, бизнес неоднороден. Здесь сосуществуют носители разных, иногда противоположных, ценностных установок. Общественно значимые фигуры скорее вырастут среди тех, кто занят не обогащением любой ценой, а развитием бизнеса с соблюдением правил честной игры.

Девальвированные ценности конца 80-х: свобода, независимость, откры-

тость, честность могут снова войти в общественный оборот только на новом уровне, благодаря новым людям. Возможно, что этими людьми будут не только общественно активные бизнесмены, но и профессионалы гуманитарной сферы — ученые, публицисты, писатели. Важна, конечно, не цеховая принадлежность, а, если угодно, чистота пути. Сахаров смог поставить под сомнение советскую систему после того, как благодаря собственному таланту и работоспособности, достиг вершины в одной из немногих по-настоящему живых и конкурентных областей жизни в СССР — в фундаментальной и прикладной науке. Он достиг успеха внутри системы прежде, чем выйти за ее пределы.

Сегодняшняя академическая среда не обладает авторитетом советской академии, критерии успеха здесь не ясны, академические регалии девальвированы некомпетентностью и коррупцией. Эта среда также неоднородна с точки зрения стандартов качества — здесь сосуществуют старые институты, давно потерявшие связь с реальностью, и «острова» современной науки, интегрированной в мировую. Люди, добивающиеся успеха в науке, скорее оказываются за границей, чем в России. Традиционная среда для выращивания авторитетов — наук в России сегодня в этом качестве не работает.

Другие «институты независимости» — пресса и публицистика тоже неоднородны с точки зрения стандартов качества. На одном рынке сосуществуют издания, признающие ценность независимого мнения, и те, где можно за деньги опубликовать все, что угодно. И это тоже будет «точка зрения». Как только ценность стандартов качества будет признана, можно будет и в этой среде, и во всех прочих пройти чистым путем — подняться к успеху внутри системы, а потом выйти из игры и взглянуть на ситуацию по-другому.

Трансформация Запада

Что представляет собой современный Запад, то есть США, с одной стороны, и Европейский союз — с другой? За последние десять лет он довольно сильно изменился. Это уже не тот Запад, который существовал в 90-е годы. Тогда это был убежденный в своей бесспорной правоте, самоуверенный Запад. Сегодня у ЕС и США разные повестки дня и разные представления о том, к чему они стремятся и чем хотят стать в будущем.

Десять лет назад настроения были такие: мы можем делать все, что захотим, потому что нет никого в мире, кто может в чем-то воспрепятствовать нам. Международный закон — это западный закон, и все дипломатические конвенции — это западные конвенции. Запад до сих пор в какой-то степени остается наиболее значимой и мощной реальностью в мире: 85 % всех мировых военных затрат — это его затраты.

Но этот период подходит к концу, и достаточно быстро. Во что сейчас превращается Запад? Каков вектор его трансформации? Если он станет менее самоуверенным, то другие страны, включая Россию, могут воспользоваться этим, как поступают уже китайцы.

В 90-е годы атлантический альянс пал жертвой двух проявлений высокомерия. С одной стороны, надежды на однополярный мир, который стремился создать. А с другой — того, что называют обычно европейским космополитизмом, который был сильно подогрет расширением Евросоюза.

Когда я говорю об однополярном мире, я вспоминаю нашумевшее эссе Френсиса Фукуямы «Конец истории» (1989). После 1989 года и после распада советской империи в девяносто первом казалось, что международный либерализм действительно одержал верх. Но никто не предполагал, что этому триумфу будет брошен вызов из-за пределов западного мира. Никто не предполагал, что Китай или Индия могут стать серьезными факторами исторического разви-

*Кристофер Коукер,
профессор
Лондонской школы экономики*

тия. В начале 90-х единственной незападной страной, которая могла составить конкуренцию традиционному Западу, была Япония. Но там началась рецессия, и довольно серьезная.

Во всех частях света были интеллектуалы, которые имели совсем иное представление о будущем, чем Фукуяма, и рассуждали они о перспективах исламского мира. Они считали, что начинается новый круг истории, когда исламские ценности будут противостоять западным ценностям, и стали говорить о значении, которое будет иметь восточная культура. Какое-то время на Западе игнорировали эти рассуждения, как будто они не существовали, полагая, что либерализм и США победили навеки. До какой-то степени это было связано с революцией в военной сфере. Считалось, что США никто не способен победить, во всяком случае обычным оружием. Отсюда уверенность американцев, что они непобедимы в войне, которая ведется обычными средствами. Начавшаяся после событий 11 сентября 2001 года война в Ираке является, на мой взгляд, следствием именно такой их уверенности.

Но в этой войне участвовал и Евросоюз, и, конечно, это не просто проявление международного либерализма. Йошка Фишер, министр иностранных дел ФРГ, как-то объяснял в Рейхстаге, по какой причине немцы вновь участвуют в войне на Балканах. На самом деле, сказал он, это не война, а мирная политика, то есть борьба за мир, а не военные действия. И это тоже проявление высокомерия, но уже европейского. Хотя известно, что ООН не одобрила эту войну, и нет никакого международного закона, который признал бы ее законной.

Тони Блэр, который был тоже сторонником этой войны, часто произносил великолепные речи о внешней политике Великобритании. Будучи премьер-министром, в 1997 году в интервью журналу «Экономист» он сказал, что на протяжении веков Британия было предназначено вести все нации за собой. Поэтому сущность ее внешней политики состоит в защите ценностей свободы, демократии, ответственности за других, справедливости. То есть не интересы, а ценности лежат в основе внешней политики западных стран.

Почему мы на Западе видим положение вещей таким образом? Мы немало сделали в 90-е годы для того, чтобы убедить ООН поменять отношение к возможности вмешательства в дела других государств. В 1995 году было принято решение, что допустимо вмешиваться в дела иностранных государств, если речь идет о защите жертв геноцида. Потом решили, что преступления против человечности и этнические чистки как бы лишают государство права на суверенитет, поэтому можно вмешиваться в такие ситуации, чтобы их урегулировать. Это была первая фаза, назовем ее так, когда Запад двигался на гребне исторической волны. И вот теперь начинается вторая фаза. Те, кто пытается находить в истории некие поворотные точки, подобно Френсису Фукуяме, считают, что 1989 год был великим годом, поскольку наступил конец «холодной войны». Тогда пала Берлинская стена и

Восточная Европа выскользнула из объятий Советского Союза. Фукуяма и многие представители Запада тогда считали, что это был великий исторический момент.

Но, по моему мнению, был еще другой год, который также имел огромное значение в истории, во всяком случае не меньшее, чем 1989-й. Это был 1979

год, отмеченный двумя событиями. Первое — революция в Иране, в результате которой к власти пришло фундаменталистское правительство. По воздействию на мир она была

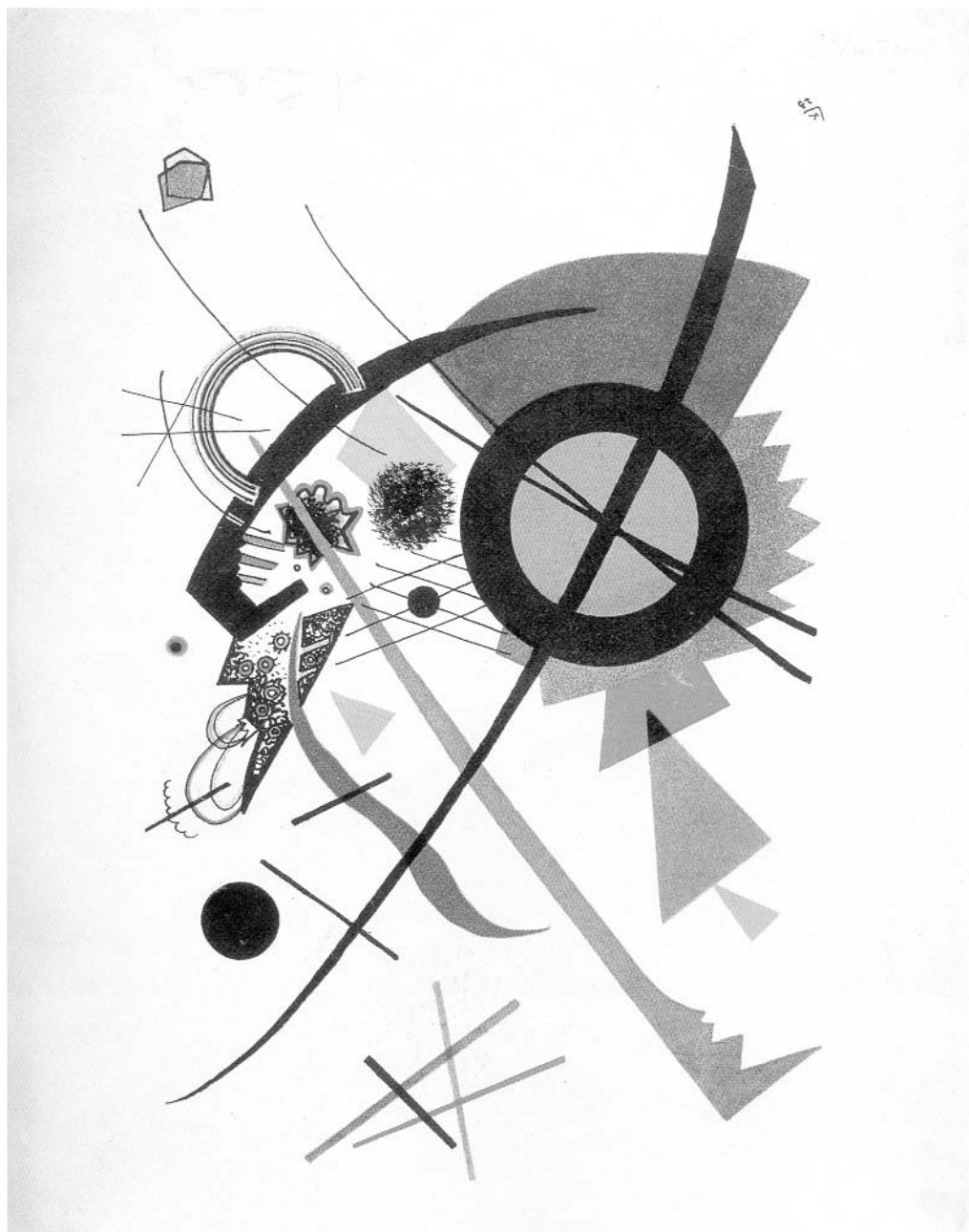
В 1995 году было принято решение, что допустимо вмешиваться в дела иностранных государств, если речь идет о защите жертв геноцида

подобна революции в России в 1917 году, когда к власти пришли большевики. Иранская революция стала неким символом, маяком для исламских фундаменталистских групп и движений в мире, как ленинское движение породило своих последователей в других странах. И второе событие, которое произошло в 1979 году, — начало Дэн Сяопином политики модернизации китайской экономики, что привело к удивительному росту страны. Китай скоро станет новой супердержавой, мне кажется, это вопрос пяти или десяти лет.

Каковы последствия этих и многих других существенных перемен в политико-экономическом дизайне мира? Запад по-прежнему лидирует в различных областях, но соотношение сил меняется. Причина заключается в том, что он просто уже не может позволить себе большего. Гегемония США слишком дорого обходится, а американский национальный долг и так сегодня достигает приблизительно 3 триллионов долларов. Один из претендентов на пост президента США Джон Маккейн говорил: мы делаем историю, а не реагируем на исторические события. На самом деле, это далеко не так: сегодня США вынуждены считаться с историческими реальностями, поскольку затраты, которые необходимы, чтобы «делать историю», им уже просто не по карману.

Когда я приезжаю в США для участия в конференциях и по поводу того, как реагировать на подъем Китая, на возрастание его роли, то узнаю, что с 2006 года в Китае проводятся семинары, на которых рассматривается тема упадка Америки. Китайцы, разумеется, очень практичные люди. Несмотря на то что они не против упадка США, они не хотят, чтобы закат этой сверхдержавы произошел сейчас. Им хотелось бы отодвинуть его, потому что, если США вдруг перестанут быть гегемоном, Китай окажется в затруднительном положении, ибо сегодня он все еще не способен принять эстафету. Китай восходит к вершинам могущества, делая все возможное, чтобы этого не замечали, в отличие от России, которая действует так, чтобы все, что она делает, было заметно, не всегда имея для этого должной основы. Возможно, это присуще российской истории.

Василий Кандинский. Фиолетовый. 1923

Что касается Европейского союза, то он также изменился. После его расширения, после вступления в него Польши, Венгрии, Болгарии, Чехии возникла так называемая среда благоприятствования, которая позволяла нам расширяться, и никто нас не останавливал, в том числе и Россия. В 90-х годах она не препятствовала расширению ЕС. Сегодня ситуация изменилась. Россия вернулась на международную арену, вернулась с собственными взглядами, в том числе и по вопро-

су расширения Европейского союза. По словам Дмитрия Тренина, сейчас Россия начинает создавать свою собственную «солнечную систему» с центром в Москве, естественно выступающую конкурентом Европейского союза. И одна из организаций, которая видит себя в качестве такого конкурента, это Шанхайская организация сотрудничества, которая возникла в 2001 году. Среди ее основных членов Россия и Китай. Лично я не считаю, что Шанхайская организация станет конкурентом ЕС или НАТО, как и не думаю, что она станет «НАТО Востока». Хотя очевидно, что появилась новая форма организации, которая предлагает государствам-участникам новый формат отношений и перспективы на будущее.

Одна из проблем, стоящих сегодня перед Западом и перед Европейским союзом, состоит в разработке нормальных деловых и рабочих отношений с Россией...

Так или иначе, «западная эпоха» подходит к концу, однако это по-прежнему не отражается на характере международных организаций. Возьмем, например, Международный валютный фонд — одну из важнейших экономических организаций мира. Большинство голосов в нем принадлежат США. Поэтому трудно говорить о каких-то изменениях его устава. Или поставим вопрос по-другому. Три государства-члена НАТО имеют больше голосов в МВФ, чем Россия, Индия и Китай, вместе взятые. Как вы думаете, это США, Франция, Великобритания? Вовсе нет. Это Бельгия, Нидерланды и Италия. Это историческая случайность, которая имела определенный смысл, когда МВФ только создавался.

Другими словами, мы на Западе встретились с дилеммой. Наблюдается закатная фаза Запада, о чем не было речи еще десять лет назад. Совершенно очевидно, что нам следует каким-то образом решать создавшиеся проблемы посредством, возможно, альянсов с такими странами, как Китай, Бразилия, Индия и Россия. Будут ли такие альянсы созданы? К сожалению, исторический опыт говорит, что страны предпочитают защищать свои интересы до победного конца. Государства не любят делиться властью. Делиться властью со странами, которые не в полной мере разделяют наши взгляды, это, конечно, очень непростая задача. Так же, как непросто перейти **к языку интересов от языка ценностей**. Способны ли западные страны на подобный шаг?

Один из моментов, который, безусловно, очень меня огорчает, это то, что оба претендента на должность американского президента говорят о том, что США — необычная, совершенно неповторимая в мировой истории держава, которая представляет собой модель развития, и более того, экспортируемую эту модель. Есть замечательная фраза американского философа и писателя Рейнхольда Нибура, который говорил: «Мы, американцы, любим думать, что мы учим человечество.

Мы, американцы, думаем, что мы олицетворяем идеал человеческого существования». Большинство американцев в это верят и сегодня. Когда я читаю лекции в Соединенных Штатах, я говорю американцам: пожалуйста, станьте обычной страной. Идея миссионерства — это идея XIX века, которая не работает и не может работать в XXI веке. Лорда Честертона, который посетил США в 1922 году, на нью-йоркской пресс-конференции спросили, на что можно надеяться в этой стране? Он ответил: я надеюсь, что США войдут в XX век. То есть даже тогда США воспринимались как держава XIX века. Не думаю, что все будет, как нам хотелось бы в XXI веке. Именно из-за власти. Из-за власти, которой Соединенные Штаты наслаждались на протяжении всего XX века и делиться которой им не очень-то хочется. Не хочется им верить в то, что даже обычная страна способна на необычайные вещи. И вопрос состоит в том, способны ли Соединенные Штаты это осознать? Боюсь, что нет. Рональд Рейган как-то сказал — и тут я цитирую менеджера избирательной кампании Хиллари Клинтон, — что Бог поставил Соединенные Штаты в середину глобуса, между Европой и Азией, наподобие сияющего города на холме, чтобы европейцы и азиаты видели, как им нужно жить. Это было напечатано не так давно. Ясно, что американцы никогда не смиряются с тем, что США рядовая страна. И прежде чем они повернутся к реальности, я думаю, должно произойти что-то катастрофическое.

Что же касается Европейского союза, то здесь совсем другая история, и в этой связи несколько слов о России. Три наблюдения. У России сейчас самая маленькая территория с 1690 года. Но в то же время Россия гораздо более европейская страна, чем она была еще несколько десятилетий назад. В свое время президент Путин говорил о ней как о европейской, а не евразийской державе. Но здесь заключается и парадокс. Впервые с XVIII века Россия отстранена от участия в ведении европейских дел по причине того, что она не состоит ни в Европейском союзе, ни в НАТО. А это две организации, которые фактически управляют Европой и которые определяют ее будущее. Хотя, конечно, существует Совет Россия-НАТО, существует диалог ЕС-Россия, общеевропейские встречи на высшем уровне. Но г-н Путин, вероятно, был прав, когда говорил, что это не подлинное партнерство.

На мой взгляд, одна из проблем, стоящих сегодня перед Западом и перед Европейским союзом, состоит как раз в разработке нормальных деловых и рабочих отношений с Россией, ибо в противном случае мы будем иметь дело с новым витком чего-то, что приближается по смыслу к «холодной войне», к новому витку энергетического противостояния. И, только поняв это, мы в состоянии начать подлинное сотрудничество, основанное на конструктивных принципах. В противном случае мы будем говорить на языке прошлого. А если мы будем говорить на языке прошлого, возникнет новая «холодная война».

Глобализация и свобода

Способствует ли глобализация утверждению и развитию свободы или, напротив, препятствует этому? Глобализация — необычайное явление, возникшее в мире в последние двадцать лет. Но надо сказать, что это происходит не в первый раз. В XIX веке тоже происходило нечто подобное при значительном увеличении капиталовложений, экономическом росте, открытии границ. А затем все остановилось — началась Первая мировая война. В настоящее время мы наблюдаем похожее взрывное развитие мировых связей, но оценки этого процесса различаются. Сошлюсь, в частности, на книгу Мартина Вулфа, «Почему глобализация работает?»*, в которой говорится, что, хотя этот термин вызывает мысль о неуправляемом процессе, который не знает границ и который невозможно остановить, это не значит, что глобализация не оказывает огромное положительное влияние. Рецензенты книги Вулфа отмечали его «цивилизованный, оптимистический взгляд на развитие мировой экономики и политическое будущее». Однако многие видят в глобализации инструмент некой злой воли, уничтожающей национальные культуры, навязывающей американские стандарты жизни, убивающей демократические институты, разрушающей окружающую среду и порождающей алчность.

Думаю, что и противники, и сторонники глобализации, будучи пристрастными, ошибаются. Глобализация сегодня — реальность, порожденная прежде всего широким применением новых технологий. Ими определяются, в частности, достаточно низкие тарифы на транспорт и беспрецедентное развитие телекоммуникаций, что способствует самому многообразному общению и сотрудничеству всех наро-

Квентин Пил,
редактор международного
отдела «Файненшл Таймс»
(Великобритания)

* *Wolf M. Why Globalization Works. New Haven and London: Yale Nota Bene, 2005.*

дов. Но это не означает, что глобализацию невозможно остановить. Если начнется мировой экономический кризис, а он, к сожалению, реален, уже существуют признаки сползания в такой кризис, если мы вновь перейдем к интервенционизму и протекционистской политике, я не исключаю, что глобализация остановится.

Но, так или иначе, глобализацию следует считать позитивным процессом. Да, она создает и обостряет конкуренцию, что вызывает повышенное чувство опасности, не все от нее выигрывают. Однако, наряду с этим, мы видим новые очаги процветания в мире.

Например, в Китае значительно снизился уровень бедности. Если двадцать лет назад более 40 % китайцев жили на сумму меньшую, чем один доллар в день, то сейчас этот слой составляет уже 20 %. Можно утверждать, что и в целом в мире глобализация привела к снижению бедности, за исключением Африки, которая была настолько нищим континентом, что не могла испытать ее благоприятное влияние. Вместе с тем, по мере того как новые экономики входят в фазу бурного роста, старые экономики оказываются в достаточно сложной ситуации. В США и в Западной Европе экономическое развитие в последние годы замедлилось, если вообще не остановилось.

Для России глобализация означала экономическую стабилизацию в результате роста цен на энергоресурсы и вхождению на экономический рынок новых игроков. В Европе мы стремимся сократить потребление и уровень загрязнения окружающей среды.

Как глобализация связана со свободой? Очевидно, что она основывается, в числе прочего, на открытых рынках,

открытых границах и свободе торговли. Невозможна мировая экономика без этих факторов. Однако свобода — это нечто большее, чем просто свобода торговли. И пожалуй, ни одно другое слово не является столь популярным в современном мире в качестве лозунга, как свобода. Поэтому постараюсь определить это понятие полнее. Фундаментальная ценность, которая лежит в основе западного общества, — уважение к личной свободе человека. Свободное общество отличается от авторитарного тем, что формы социальной сплоченности и участия в них выбирают сами члены этого общества. Это их добровольный выбор.

Я называю себя либералом и горжусь этим. Но проблема в том, что слово «либерал» стало почти ругательством, хотя в разных странах оно наполняется разным смыслом. Например, в Соединенных Штатах либерал ассоциируется со словом «социалист». Для многих французов это человек правых взглядов. В России, когда либералом называет себя Жириновский, его воспринимают как националиста. То есть фактически мы видим, что это определение утратило свое исходное значение. Ведь изначально слово «либерализм» предполагало стремление к свободе. Известна фраза, приписываемая Вольтеру: «Я не согласен с вами, но я отдам жизнь за ваше право высказать свое мнение». Именно свобода мнений составляла основу создания Европейского союза. Поэтому мы постоянно говорим о приоритете личных прав носителей этих мнений. Этот принцип требует от государства защиты личных свобод граждан без собственного его доминирования. В Великобритании мы страстно защищаем свои права. И самый

эффективный инструмент такой защиты — независимое правосудие. Американцы, как известно, построили свою систему сдержек и противовесов трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной, чтобы ни одна ветвь не могла доминировать над другой, обеспечивая тем самым конституционный баланс между государством и обществом.

Однако проблема с либеральной идеей во многом и в данном случае та же, о которой говорилось выше. Либеральное общество, по определению, беспокоит тех, кто исповедует консервативные взгляды, так как свобода неизбежно таит в себе нечто неизведанное.

Вспомним 1985 год, когда Михаил Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, и последующие события. Распад Советского Союза, однопартийной системы, развал экономики. А остальной мир? Он ведь тоже, подобно России, не оставался неизменным.

В начале 80-х годов на международную арену вышел Китай, что было связано с именем Дэн Сяопина. Нас в Европе поражает этот невероятный пример: страна с самым большим по численности населением в мире устойчиво развивается вот уже на протяжении двадцати лет.

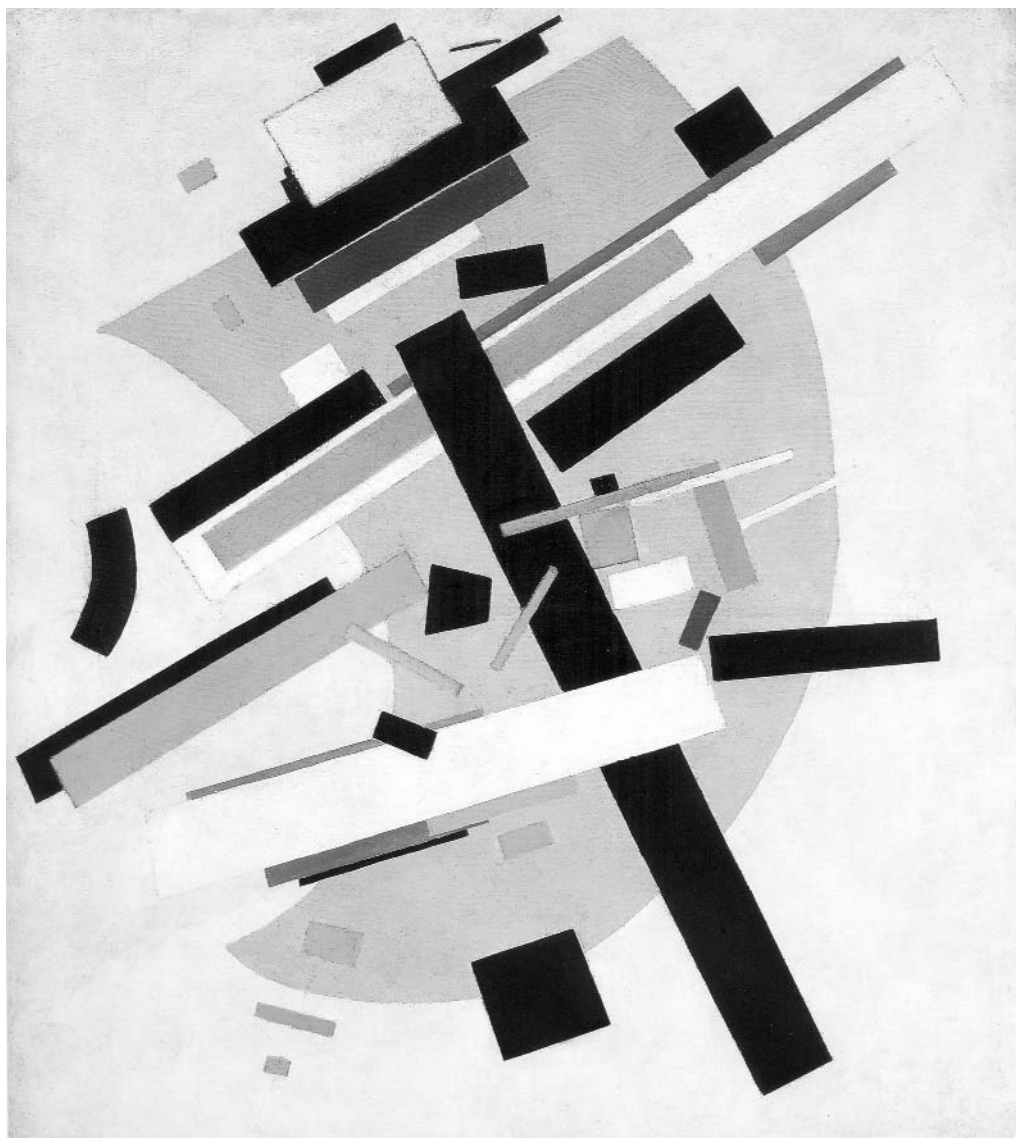
Распад СССР положил конец «холодной войне». В результате противостояние двух систем закончилось не только в Восточной и Западной Европе, но и в Африке, Азии, в Латинской Америке, и изменило структуру мирового порядка. Сперва Португалия и Испания, потом Швеция, Финляндия, Австрия, затем, в 2004 году, страны-участницы

Варшавского договора вступили в Европейский союз. Эти события привели к расширению общей Европы. Новый мировой порядок был в целом сформирован. Назрела необходимость

Свободное общество отличается от авторитарного тем, что формы социальной сплоченности и участия в них выбирают сами члены этого общества

включить такие страны, как Индия, Китай, Бразилия, Германия, в Совет Безопасности ООН и в «Большую восьмерку». И конечно же, чрезвычайно важным стал вопрос о том, какими будут наши отношения с Россией?

Глобализация, несомненно, способствовала позитивным процессам и на территории бывшего Советского Союза, хотя, разумеется, проблемы остались. В СССР, пожалуй, наиболее важной была проблема свободы передвижения, поскольку этой возможностью в то время располагали немногие. Совместными усилиями ее удалось решить. Гласность, или свобода слова, наступила внезапно и дала людям инструменты, которые позволили влиять на политические решения. Повышение цен на нефть способствовало большему богатству. Но неравное распределение этого богатства привело к тому, что выиграли сравнительно немногие, во всяком случае далеко не все население. В стране не сложилась пока независимая судебная система. Известно, что Фемида на изображениях всегда слепа. Правосудие должно быть слепым — в том смысле, что на него ничто и никто не должны влиять.

Казимир Малевич. Супрематизм (*Supremus № 58*). 1916

Для меня очевидно: то, что появилось в России, это лишь начало длительного и сложного процесса перехода к более цивилизованной, демократической системе, обеспечивающей гражданам полноценные, развитые свободы. Беспokoит, однако, меня скорее другое, и касается это опасение не только России, но также Европы и Америки: этот процесс может остановиться.

Например, в Европейском союзе фактически уже произошел откат от принципа свободного передвижения людей в прежнем его понимании. Сейчас, в частности, в Ирландии 250 тысяч иммигрантов из стран Восточной Европы, и это в стране, где население составляет всего 4 миллиона. В Испании также наблюдается огромный приток иммигрантов, которые

приезжают из Латинской Америки, Северной Африки. Нечто подобное происходит и во Франции, Нидерландах... Поэтому создается огромное напряжение внутри Европейского союза. И в этой связи стали говорить: мы не уверены, что Евросоюз поступает правильно, нам не нравится это свободное передвижение людей, свободное передвижение капитала, когда компании закрывают свои предприятия, например, во Франции и переводят их в Польшу. Фундаментальные свободы в Евросоюзе ставятся под сомнение, и люди начинают чувствовать себя неуверенно.

Между тем, как и России, Европе нужна иммиграция. Старееющее население не справляется с многочисленными новыми вызовами. И если мы прекратим иммиграцию, мы просто затормозим экономическое развитие. Вопрос в том, каким образом ее регулировать, решать проблемы, которые она порождает? Мы говорим иммигрантам: сохраняйте вашу культуру, вашу религию, но давайте учиться жить вместе. Французы, в частности, потребовали, чтобы эти люди были более светскими, говорили по-французски, не носили хиджаб, паранджу, но пришли к выводу, что все это не действует. В настоящее время официальная точка зрения сводится к следующему: давайте прекратим приток неквалифицированной рабочей силы и будем приглашать только тех людей, которые уже имеют образование: скажем, физиков или врачей. Но это тоже не решение проблемы, поскольку Европе требуется в основном неквалифицированный труд. Поэтому пока мы идем путем, противоречащим естественным законам развития глобализации и принципам свободы.

В последние годы нередко говорилось о том, что Евросоюз превращается в супердержаву. Но это не так: Европа по-прежнему будет союзом национальных государств, потому что 27 стран слишком разные, чтобы развиваться по одному лекалу. В той же Ирландии, например, родители говорят: мы не хотим, чтобы наши сыновья шли и воевали в какой-то армии и убивали кого-то неизвестно за что. А с другой стороны, должна быть европейская армия. Так что не все так просто. Существуют силы, которые пытаются сейчас проводить политику не то чтобы экстремистскую, но отрицающую то, что породила Америка. Я имею в виду отношение европейцев к событиям в Ираке, а также в Афганистане. В Евросоюзе склонны в этой связи скорее полагаться на так называемую *soft power*, мягкую власть. Многих людей беспокоит утрата их странами суверенитета. Есть мнение, что Брюссель покушается на их идентичность, что они теряют свою национальную идентичность.

Эта ситуация и ведет к той напряженности между странами, которая препятствует дальнейшей интеграции Евросоюза.

Что касается Америки, то там в ходе предвыборной кампании много внимания уделяется протекционизму. Американцы говорят об ограничениях на ввоз дешевых китайских товаров и что необходимо быть осторожными с фондами, поступающими из арабских государств. Владелец портового комплекса Дубаи хотел купить несколько крупных портов в Америке, но конгресс не позволил провести эту сделку просто потому, что этот человек иностранец. По той же причине конгресс не разрешил китайцам ку-

пить американские нефтяные компании. Кандидаты на президентский пост Барак Обама и Джон Маккейн не протекционисты, но конгресс прояв-

Беда в том, что нынешняя американская администрация, да и предыдущие тоже, полагали, что свобода это нечто, что можно просто экспортировать

ляет все больше протекционистских настроений. В США, как и в Европе, столь же остро стоит проблема иммиграции. Огромный приток иммигрантов из Латинской Америки, из Мексики вызывает в США все большее беспокойство. Поэтому есть опасность, что позитивный период глобализации в Америке тоже претерпит некий откат. Но если рост глобальной экономики замедлится, тогда и энергетический рынок тоже начнет сокращаться, что вызовет кризис ориентированных на добычу энергоносителей экономик. Для поддержания стабильности всем нам предстоит добиться баланса между сохранением свобод — экономических, социальных, политических — и нашей безопасностью. Это возможно лишь в том случае, если мы будем держать границы открытыми, способствовать открытой торговле, реализации всех преимуществ глобализации.

Еще одна важная тема касается различия в понимании свободы в США и Европе. Беда в том, что нынешняя американская администрация, да и предыдущие тоже, полагали, что свобода это нечто, что можно просто экспортировать. Что надо путешествовать по всему миру и читать лекции о том, как она важна и как ее добиться.

Или продвигать ее в другие страны силой. Но в Европе мы говорим по-другому: если вы стремитесь к свободе, пожалуйста, приходите к нам. Поэтому мы открыли двери в Евросоюз новым государствам-членам. Если угодно, это и есть тот экспорт свободы, который мне кажется более предпочтительным.

В России существует опасность растущего националистического отката и изоляционизма на этой основе, поскольку в стране пока не сложилась парламентская демократия, рыночная экономика, отсутствуют конкуренция и прозрачная судебная система.

И в заключение несколько замечаний о Китае. Я уже сказал, что рост Китая был наиболее ярким событием за последние 25 лет. Значит ли это, что китайская модель опровергает все то, что я до этого говорил? Ведь, выходит, возможна успешная рыночная экономика и без демократии. Разве не таким является Китай сегодня? За чем будущее — за китайской и российской моделью государственного контролируемого капитала? Я лично убежден, что государственный капитализм является неэффективным, коррумпированным и, в конце концов, не приведет к процветанию народа. Китаю придется адаптироваться к условиям современного развития, в противном случае оно может остановиться, если экономические реформы не сопровождаются политическими. Думаю, это самый большой вызов, который возникает в XXI веке не только перед Китаем.

*Перевод с английского
Марка Дадяна*

Демократия в России: электронный вариант

В 1962 году профессор Джозеф Ликлайдер из Массачусетского технологического института представил обществу доклад «Галактическая сеть» (*Galactic Network*), в котором он описывал принципы работы глобальной компьютерной сети, доступной для всех желающих. Выступление докладчика тогда было названо фантастикой, но уже через десять лет начала функционировать первая компьютерная сеть *ARPnet* — прообраз современного Интернета.

В 1991 году консорциум разработчиков утвердил стандарт WWW (World Wide Web). Всемирная паутина, рожденная в разгар «холодной войны» в недрах военного ведомства США, за десяток лет опутала всю планету, став наиболее демократичным средством массовой коммуникации и создав не только уникальные возможности для поиска и обмена информацией, но и новую этику общения между людьми.

Бурное развитие информационных и коммуникационных технологий, существенно влияющих на все элементы системы массовых коммуникаций, не могло не заинтересовать специалистов, анализирующих возможности Интернета. Как соотносятся друг с другом Интернет и демократия? Можно ли признать «электронную демократию» принципиально новым изобретением человечества? Способствуют ли инновационные коммуникационные технологии демократическому развитию России? На эти и другие вопросы я попытаюсь ответить в этой статье.

Свободное пространство, несвободное от политики

Уже в 1970-е и 1980-е годы преимущества политической коммуникации в Интернете были по достоинству оценены коммуникационным авангардом. В этот период западные средства массовой информации, главным образом телевидение, попали под частичный или полный контроль медиакорпораций, что вызвало всплеск вполне мотивированного пессимизма в интеллектуальной среде. Тогда Ги Эрнест Дебор ввел в научный оборот понятие «общество спектакля», обобщающее основные приметы современной эпохи. Мир, по его словам, вошел в состояние включенной театрализации, в котором «казаться» стало важ-

*Наталья Балакирева,
начальник отдела
мониторинга
и Интернет-технологий
Управления пресс-службы
губернатора Орловской
области,
кандидат политических наук*

нее, чем «быть». Поклоняясь идеям «новой свободы», активные пользователи развившейся в 1990-е годы сети Интернет быстро восприняли важность предлагаемой им независимости, склоняясь к признанию едва ли не мессианской роли нового изобретения. В сущности, «новые» идеи сетевого либерализма, подразумевавшие наличие некоей неформальной идеологии, главным лейтмотивом которой являлось максимальное ограничение вмешательства институтов власти в движение информационных потоков, ничем не отличались от базовых идей либеральной демократии. Но для пользователей сети они приобрели новую привлекательность — популярность «сетевых отношений» ширилась.

Информационная децентрализация естественным образом способствовала дальнейшей романтизации и идеализации всего Интернет-пространства. Примерно с середины 1990-х годов в дискурсе о благах информационного, или, как предпочитают говорить некоторые эксперты, электронного, общества все чаще стало упоминаться такое широко известное сегодня понятие, как «электронная демократия». В редуцированном виде под ней понималось «электронное правительство», а в радикальной версии она вообще трактовалась как принципиально новая модель народовластия.

Последняя, однако, вызывает некоторые сомнения. Действительно ли электронная демократия подразумевает возможность перехода к более передовой модели демократии, где «доступ к информации, возможность непосредственного участия в управлении государственными и негосударственными структурами станет доступным всем гражданам, которые... будут обеспечены неограниченной возможностью политической коммуникации, реализации принципов народовластия»?^{*} Является ли электронная демократия новой моделью демократии вообще? И так ли уж беспомощны объяснительные возможности традиционных концепций демократии?

С другой стороны, уместно ли считать «электронную демократию» новым инструментом политической коммуникации, подразумевающим особый принцип осуществления демократических процедур? В определенной степени — да. Если принять за основу именно это утверждение, становится более ясной и объемность содержания «электронной демократии», подразумевающая осуществление традиционных демократических процедур, но через совершенно конкретную «точку входа» — через Интернет.

Что нам стоит Рунет построить?

Идеи «входа», в действительности, многообразны — от проведения партийных съездов или участия в референдуме о внесении изменений в Конституцию до схода жителей по вопросу выбора управляющей компании по обслуживанию жилья или же голосования на выборах депутатов местного парламента. Ссылаясь на западный опыт,

---

^{*} Грачев М.Н., Мадатов А.С. *Демократия: методология исследования, анализ перспектив.* М., 2004. С. 93.

исследователи нередко высказывают мнение о том, что отказ от услуг представительной власти или сужение круга ее законодательных полномочий не за горами, а переход к решению всех принципиальных социально-политических вопросов непосредственно населением — дело ближайшего десятилетия. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, сошлюсь на такой пример. Впервые эксперимент по голосованию с помощью Интернета был проведен в 2000 году в США, в штате Орегон. Причем, как предсказывают специалисты, в 2012 году Интернет-голосование на выборах будет узаконено в нескольких штатах, и первым из них может стать тот же Орегон*, в котором уже используют для голосования электронную почту**.

Нельзя сказать, что подобного рода попытки в России вообще не предпринимались. Существует, в конце концов, пример создания «Первой интернет-партии» (<http://internet-partia.ru/>), выдвинувшей одной из своих политических целей защиту российского сегмента сети от вмешательства государства, или же более прикладные проекты различных не виртуальных политических структур. Если напрочь воображение и представить себе прообраз будущего коллектора электронных голосов, то можно вспомнить и о системе ГАС «Выборы», первая версия которой была запущена в эксплуатацию в России еще в 1995 году***.

Сегодня в нашей стране уже нет сколько-нибудь заметной партии или неправительственной организации, которая не имела бы собственного сайта, форума или блога. Но многие ли из этих, по сути, Интернет-структур по-настоящему взаимодействуют со своими избирателями? По моему мнению, вполне можно согласиться с высказыванием заместителя генерального директора Интернет-холдинга «Рамблер» И. Засурского: «Политики пока не научились использовать Интернет. Акцент в основном делается на применение “грязных технологий”. Но ни у кого не получилось создать социальный сервис. Одно дело — использовать сайт для размещения “говорящих голов” и статей, в качестве партийной газеты или рекламной площадки, и другое — создать некий социальный проект. Ведь Интернет — это фундамент новой социальной инфраструктуры»****. Несмотря на относительную давность сказанного, полагаю, что на сегодняшний день здесь ничего кардинально не изменилось.

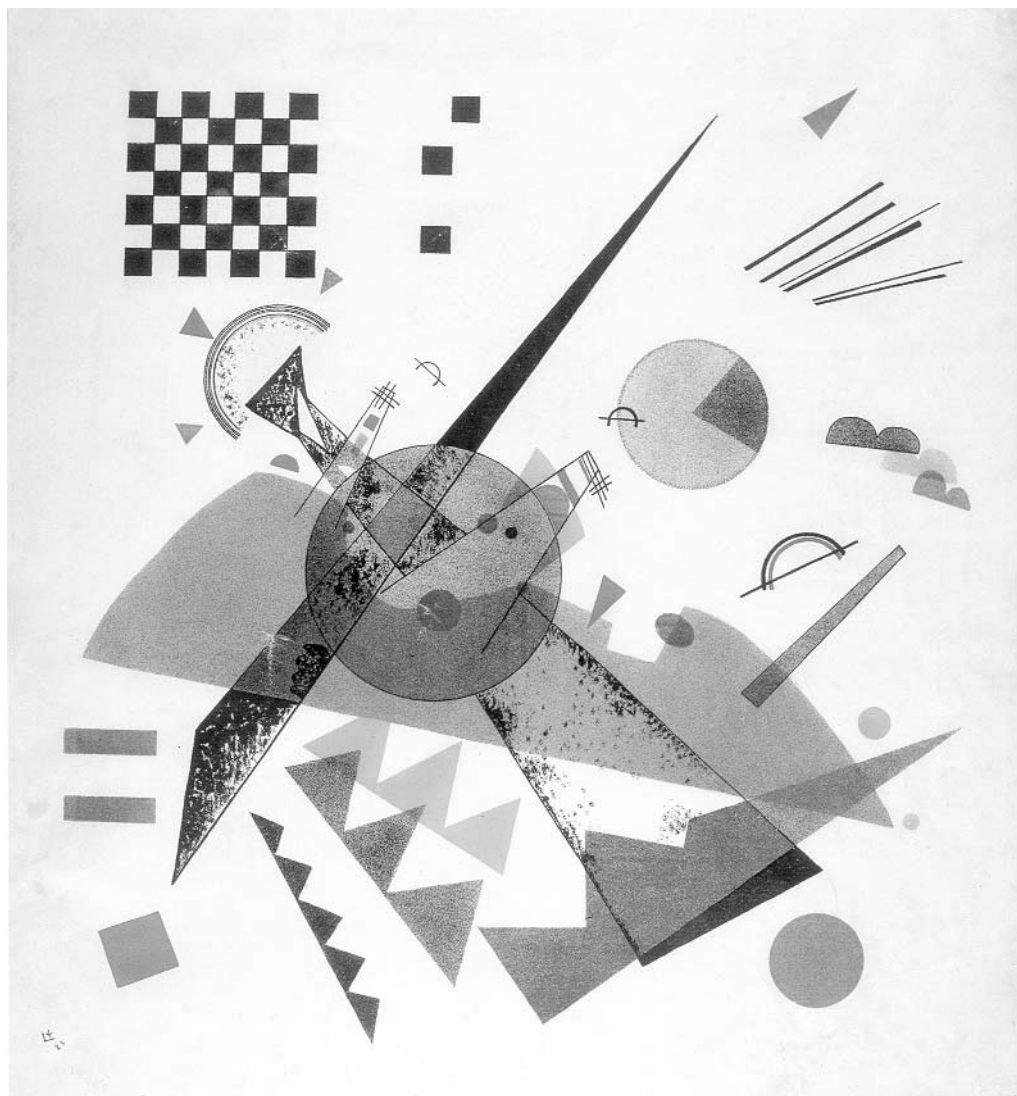
Мнения о трансформации традиционных участников политического процесса — партий, а также печатных средств массовой инфор-

* *Litan R.E. Law and Policy in the Age of Internet // Duke Law Journal. 2001. Vol. 50. No 4. P. 1047.*

** *Выборы через Интернет: время еще не пришло // Мембрана. 21 декабря 2001 г. См.: <http://www.membrana.ru/articles/internet/2001/12/20/133400.html>.*

*** *Система ГАС «Выборы», дополнительно оснащенная сканерами избирательных бюллетеней (СИБ), фактически является аналогом внедряемой в США новой автоматизированной системы голосования с использованием специальных сенсорных экранов (аппаратов прямого электронного голосования), интегрированных в общенациональную компьютерную сеть. См.: Макаров А.Б. Выборы: декларация и действительность // <http://www.zelen.ru/caleydoscop/c142-voting.htm>.*

**** *См.: В сети пахнет выборами // Независимая газета. 20 августа 2003 г.*

Василий Кандинский. Оранжевый. 1923

мации, которые получают шанс на возврат позиций, утраченных ими в эпоху «теледемократии», — нередки, в особенности в научной среде. Однако есть основания считать, что оптимизм такого прогноза, скорее, коренится в самом представлении о классической демократии — признании естественности и необходимости равенства позиций государства и общества как партнеров по политической арене. Но это, как говорится, в идеале. Гораздо более реальным представляется другое утверждение: в России трудно рассчитывать на выравнивание позиций государства и общества в сфере политики по той причине, что у нас государство никогда добровольно не уступало первенства в каких-либо вопросах, прямо или косвенно касающихся политики. Следовательно, в Рунете вполне прогнозируемы новые попытки перехвата роли политического ар-

битра со стороны государственных структур. Хотя они и неоспорны, прежде всего, с точки зрения отсутствующих пока технологических возможностей.

Интернет versus властные элиты?

Следующий вопрос, возможно, даже более существен. Как известно, демократическая система должна функционировать с целью удовлетворения общественных потребностей. На рубеже веков даже в странах с развитой демократией наблюдалась тенденция к расширению роли государства в решении общественных проблем. С одной стороны, индивиды и группы все более нуждаются в постоянном воспроизводстве своих отношений с государством. Характер этих отношений естественным образом претерпевает изменения в связи с развитием институтов гражданского общества. С другой стороны, все более явственным становится кризис, характерный для современных западных демократий и выражающийся в том, что государство, рассматриваемое как пребывающее в постоянном противостоянии с обществом, неспособно решать социальные проблемы населения. В условиях, когда информационная сфера становится одним из важнейших объектов государственного регулирования, что так свойственно для современной России, именно возможности Интернета способны частично удовлетворять потребности жителей страны в формировании публичного пространства.

На сегодняшний день Интернет остается, пожалуй, единственной довольно обширной российской «территорией», на которой национальная идентичность и разговоры о ней полностью или же частично сдают свои позиции перед свободой личности. Цитируя Юргена Хабермаса, охарактеризовавшего публичную сферу как область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение, представляется уместным добавить, что именно Интернет как неотъемлемая часть современного информационного пространства выступает одной из уникальных площадок для беспрепятственной трансляции и ретрансляции общественного мнения, пусть даже не всегда корректного или справедливого. По сути, и государство в лице элитных групп интересов, и Интернет-сообщество уже довольно давно вовлечены в процесс взаимодействия друг с другом.

Хочу остановиться еще на одном моменте. В последнее время все чаще дебатировался вопрос о том, насколько Интернет-СМИ, форумы и блоги способны оказывать влияние на формирование общественного мнения. Он занимает не только социологов и экспертов в медийной сфере, но и политтехнологов, которых интересуют возможности использования подобных инструментов как в предвыборных целях, так и для оказания влияния на политическую ситуацию в стране. Однако, в отличие от ставшего уже хрестоматийным примера США, где блоги оказывают реальное воздействие на политические процессы и порой даже создают политиков, российский истеблишмент пока обеспокоен не столько содержанием такого ресурса (ясные ответы на вопросы «почему и как?»), сколько преимущественно красивой фор-

мой, требуемой для обнародования негативной информации о политическом конкуренте. Одним из ярких примеров такого рода является широко известный сайт www.comprodat.ru, который активно ссылается на одни и те же ресурсы блогосферы при перепечатке материалов.

Замечу, что в формировании маргинального образа Интернет-пространства нередко заинтересованы сами государственные структуры, которые, обладая всевозможными конкурентными преимуществами, до сих пор не в состоянии оседлать «сетового конька». Абсолютно естественно и то, что и властные элиты, и Интернет-сообщество относятся друг к другу с явным предубеждением. Одна сторона опасается неконтролируемого ею процесса поступления информации в уже довольно массовый эфир («новые медиа» все чаще становятся источником информации для «старых» СМИ). А с точки зрения пользователей Интернета, имеется вполне реальная опасность всевозможных санкций со стороны государства. Не является секретом и то, что российская блогосфера в последнее время стала ареной для выяснения отношений между конкурирующими группами интересов. Достаточно вспомнить недавний пример-прецедент, в котором московский банкир А. Лебедев поплатился денежным штрафом за некорректный комментарий на блоге, допущенный им в адрес политического конкурента*.

На деле хваленая активность в российском сегменте Интернета в целом и в блогосфере в частности свидетельствует лишь о том, что содержательные механизмы взаимодействия власти и граждан здесь пока не задействованы. Не случайно даже, казалось бы, лучшие его примеры наталкиваются на обычные российские «рифмы». Достаточно вспомнить об опыте так называемых антикоррупционных сайтов, с помощью которых абсолютно каждый имеет возможность дать информацию о злоупотреблениях в органах власти. Какими могут быть реальные результаты таких Интернет-изысканий? В лучшем случае информация окажется правдивой, в худшем — создаваемый с наилучшими намерениями Интернет-ресурс послужит очередным инструментом в конкурентной борьбе.

Кухонные Интернет-идентичности как союзники модернизирующегося государства

С некоторых пор территория форумов и блогов с успехом заменила традиционное для России кухонное «информационное право», имеющее, однако, такое же отношение к «электронной демократии», как дубинка первобытного человека к компьютеру. И то, и другое, впрочем, есть орудие труда, но на очень удаленных друг от друга этапах исторического развития.

Все камни, которые наше, по большому счету, «первобытное» население держит у себя за пазухой, оно с нескрываемым удовольствием вываливает в Интернет. И это само по себе есть хороший симптом,

---

* Савина Е. Александра Лебедева приговорили заживо // Коммерсант. 24 июня 2008 г.

поскольку лишь активная вовлеченность граждан в демократический процесс может быть одновременно и условием, и выражением свободы, даруемой возможностями Интернета. При этом стоит помнить о том, что сказал американский политолог Б. Барбер: «Прямая или партиципаторная демократия (элементы которой, без сомнения, свойственны демократии электронной. — *Прим. авт.*) требует не просто участия, а гражданской подготовки и гражданской добродетели для эффективного участия в обсуждении и принятии решений. Демократия участия понимается как прямое правление образованных граждан. Граждане — это не просто частные индивиды, действующие в частной сфере, а хорошо информированные общественные граждане, отделившиеся от своих исключительно частных интересов настолько, насколько общественная сфера отдалена от частной. Демократия — это не столько правление народа или правление масс, сколько правление образованных граждан»*.

Скептицизм этого наблюдения, тем не менее, отнюдь не говорит о том, что «камни», о которых упоминалось чуть выше, не стоит собирать или же что надо относиться к ним с высокомерным неприятием, как это зачастую и происходит. Наоборот, «собираем» можно и нужно заниматься, но только тем людям, которые в силу своих профессиональных навыков и природного чутья, подвергая сомнению весь контент, способны отобрать в этой «куче» нередко некорректной информации самое ценное. По большому счету, структуры исполнительной власти должны быть благодарны Интернет-сообществу хотя бы за то, что без особых усилий и финансовых вложений имеют возможность производить замеры настроений наиболее социально активной аудитории. Ведь нередко информация, выкладываемая пользователями в сети, гораздо существеннее для понимания текущей ситуации, нежели та, которую размещают традиционные СМИ.

Не исключено, что в ближайшем будущем вопрос о необходимости не просто информационных замеров «первобытного» материала, но предложения Интернет-сообществу собственного интерактивного продукта на языке, ему понятном, станет для органов власти вопросом, который напрямую затрагивает эффективность государственного и муниципального управления. Речь, конечно, не идет о срочном переходе всех чиновников на язык «Превед Медведа» (хотя почему бы и нет? — лишь бы польза была!). Прежде всего, имеется в виду качественная интерактивная коммуникация посредством официальных ресурсов, таких как «электронное правительство», или же неофициальных, таких как блоги. Если государство осознает эту необходимость, оно, вероятно, станет гораздо конкурентоспособнее в различных общественных сферах. А может быть, и сумеет, опираясь на эту невидимую руку, вести вверенный ей социум в демократическом направлении, постепенно освобождая и себя, и общество от накопившихся предрассудков.

---

* Barber B. *Participatory Democracy* // *Encyclopedia of Democracy*. New York, 1995. Vol. 3. P. 923

*Ирина Прохорова,
главный редактор
издательского дома
«Новое литературное
обозрение»,
соучредитель Фонда
культурных инициатив
(Фонд Михаила Прохорова)*

Познание времени, в котором живем

Прежде чем говорить о наших проектах, которые связаны с постижением современности, скажу несколько слов об издательском доме «НЛО». Название дому дал журнал «Новое литературное обозрение», созданный в 1992 году. Идея создания журнала, а потом и всего издательского дома, поскольку они родились на волне колоссальных социальных перемен, состояла в попытках осмысления того, что с нами происходило в 90-х и в каком обществе мы сегодня живем.

Два года спустя после появления журнала стало развиваться книжное издательство. В настоящее время мы издаем более двадцати серий книг, включая художественную литературу. В 1998 году стал выходить второй журнал — «Неприкосновенный запас». В отличие от «Нового литературного обозрения» в нем публикуются статьи, посвященные общественно-политическим проблемам. А год назад появился журнал «Теория моды». Это новая дисциплина, которая в последние пятнадцать лет развивается чрезвычайно бурно, — в этом издании мы стремимся исследовать историю цивилизации с точки зрения смены стиля, моды в самом широком смысле.

Вокруг каждого журнала сформировались свои книжные серии. К тому же мы ведем культурную, просветительскую работу. Под эгидой журналов «НЛО» и «НЗ» каждый год проводятся научные конференции, организуется большое число презентаций и семинаров. Так что в определенном смысле мы функционируем в виде своеобразного вольного университета. Думаю, это специфика современной российской жизни.

У нас сложился замечательный коллектив, собрание интеллектуалов и индивидуальностей. В редакции идут постоянные дискуссии и рождаются, мне кажется, интересные идеи. На поэтический тезис «умом Россию не понять» мы пытаемся ответить в духе известной литературной шутки, что «давно пора... умом Россию понимать».

В частности, первые два номера «Нового литературного обозрения» за прошлый год, объединив их, мы посвятили исследованию одного года — 1990-го. Попытались взглянуть на нашу недавнюю историю и современность через эту призму. Журнал «НЗ» практически одновременно с «НЛО» также выпустил специальный номер, посвященный современности, анализу событий 1998–2006 годов.

Почему был взят девяностый год? Все помнят, конечно, 1989-й, когда пала Берлинская стена. И естественно, 1991-й: баррикады, распад Советского Союза. Но наша рабочая гипотеза состояла в том, что эти вершинные, почти театральные эффекты — результат развития предшествующих процессов. Однако вначале никто не мог вспомнить, что, собственно, значительного произошло в девяностом году. Все важнейшие события этого года относили либо к более раннему периоду, либо к более позднему. И лишь при внимательном анализе выяснилось, что девяностый год и был, если угодно, поворотным, ключевым годом в том смысле, что хотя все находилось тогда в состоянии некоего зыбкого, если не равновесия, то затишья, а на самом деле и предопределило на уровне индивидуальных воле, случайностей и их сочетаний многое из того, что потом стало разворачиваться на огромном пространстве бывшего Советского Союза и бывших социалистических стран.

Мы сделали два огромных тома — по 800 страниц. Основой проекта стала расширенная хроника, по каждому месяцу, начиная с конца восьмидесят девятого года, — колоссальный материал, собранный по газетам, журна-

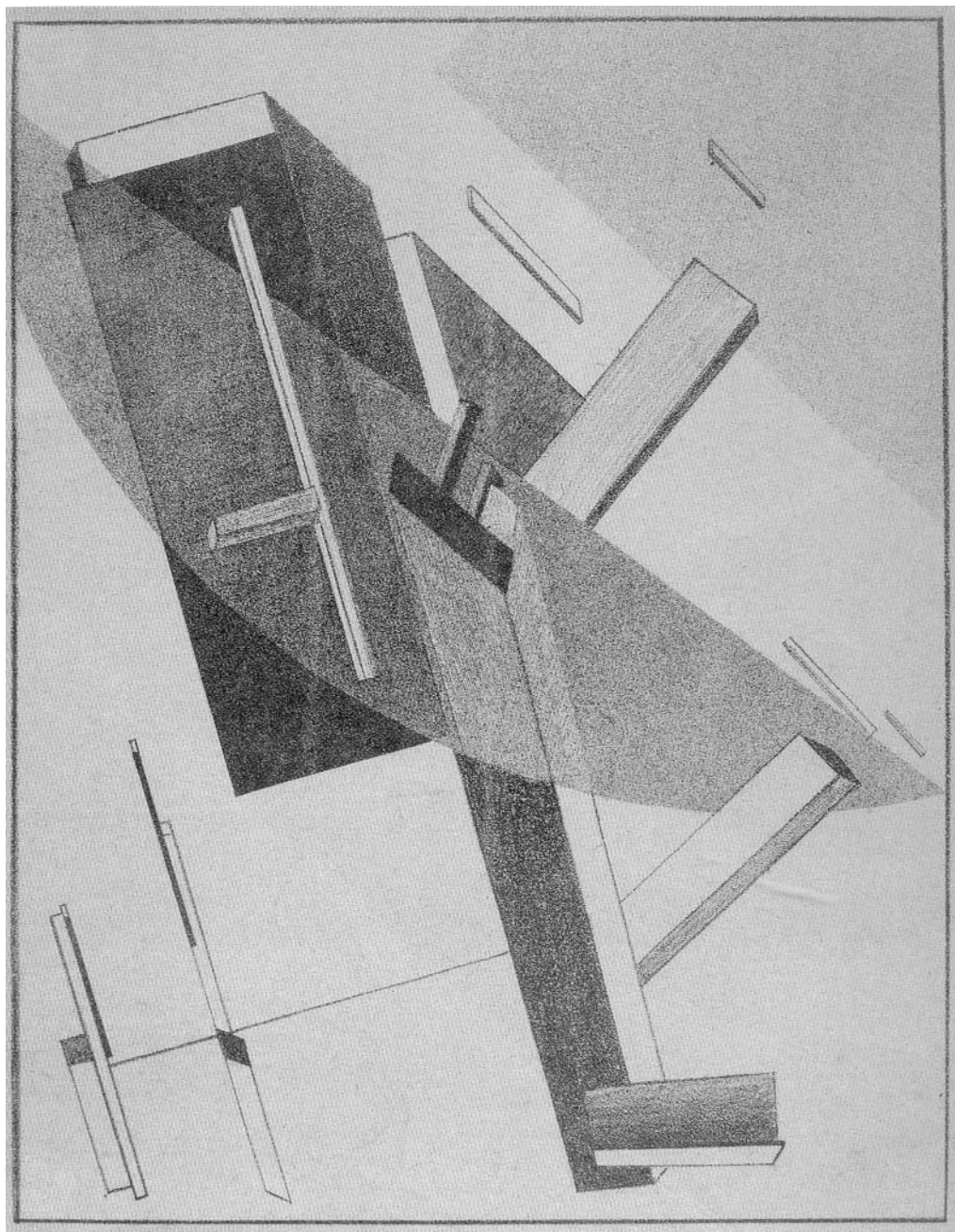
лам, воспоминаниям и т. д. Собирали не только сообщения о политических и общественных событиях (демонстрациях, очередях, штурмовавших пустые прилавки, запечатленных на фо-

Стихийная попытка утверждения личного достоинства, уважения к себе, реально нами не учитывалась при строительстве разных схем — экономических, политических и социальных

тографиях), но и о фактах обыденной жизни: что люди делали, как они одевались, какие странные вещи с ними происходили.

Если «войти» в любой день календаря того года, можно обнаружить самые разнообразные сведения. Но мы еще просили разных авторов, включая зарубежных, прокомментировать происходившее в том году. Люди различных профессий, социального, культурного опыта делились своими наблюдениями, впечатлениями, мнениями.

Часть опубликованных в двухтомнике статей — это размышления о том, **как возможно и возможно ли вообще для историка-интеллектуала исследовать современность и недавнее прошлое**. Согласно нашей традиции, историк начинает заниматься прошлым тогда, когда умирает последний свидетель, и остаются архивные материалы. Вот тогда будто бы только и можно судить объективно о прошлом на основе его анализа. То есть тем самым предполагается, что человек не способен одновременно действовать и мыслить. Что большинство из нас люди немыслящие, которые что-то делают в своей жизни, не осознавая этого, и есть так называемая интеллектуальная, мысля-

Эль Лисицкий. Проект 2В. 1921

щих элита. Идея, что можно одновременно и действовать, и подвергать свои действия рефлексии, мне кажется, до сих пор в нашем общественном сознании не присутствует. В предыдущие эпохи, скажем в XVIII веке, ин-

теллектуалы не разделяли эту позицию. Это появилось в XIX веке и глубоко укоренилось. Отсюда, на мой взгляд, бесконечные претензии нашего интеллектуального сословия к людям деятельным — политикам, биз-

несменам и т.д., которые якобы не способны серьезно думать, что, разумеется, большое заблуждение.

Очень интересный раздел посвящен **национальным элитам и трансформации общественного сознания**. В статьях этого раздела авторы попытались проанализировать, что происходило в отдельных бывших союзных республиках и странах в той или иной ситуации девяностого года. И ответить на вопрос: почему в схожих условиях один и тот же, вроде бы, сценарий породил совершенно разные последствия. Например, что и почему происходило в Болгарии и Польше так, а в Албании по-другому. И здесь же опубликован ряд материалов о том, что происходило с национальными политическими и интеллектуальными элитами. В частности, сравнительный анализ политических процессов в Грузии, Белоруссии и Украине показал, что некоторые явления, которые в них имели место тогда, сейчас начинают воспроизводиться в России. Речь идет о попытках утверждения национальной идентичности через националистические настроения. О стремлении сформировать свою идентичность в рамках реконструкции некоего идеального прошлого. «Золотого» прошлого, например, в Грузии. В Белоруссии это была вроде бы благородная попытка — восстановить права белорусского языка. Но все это обернулось в итоге в направлении формирования националистических замкнутых сообществ. И то, чего Россия избежала в девяностом году, к сожалению, мы наблюдаем сегодня. В статьях, опубликованных в «НЗ», говорится, что наше время начинает воспроизводить эти модели, идентичность начинает строиться на идеях особенности, непохожести, непознаваемости своей страны. Язык при этом становится не средством общения, а, напротив, инструментом отгораживания от мира.

Вот только мы, дескать, можем понимать нашу великую литературу, нашу великую культуру, а иностранцы все, мол, искажают и т. д.

Есть большое число интересных статей, посвященных **анализу институтов**. Прежде всего, строительству партий и тому, как в большей своей части эти попытки окончились неудачей. При этом отмечается, что это не означает, что российское общество не способно структурироваться. Процесс формирования партий совпал с кризисом партий во всем мире. С появлением Интернета и развитием других современных средств массовой информации сама идея партийного строительства как формы организации общества перестает что-либо значить для избирателя. Россия и другие бывшие республики, выходя на политическую арену, попали в общую кризисную ситуацию, где надо сразу думать, есть ли смысл эти партии строить по старому образцу. Или, может быть, есть смысл понять, что происходит в современном мире, и структурировать общественную и политическую жизнь на каких-то новых началах.

Естественно, есть и тексты, связанные с **экономикой**. Это статьи про становление российской буржуазии и о том, как меняется психология людей с развитием рынка, как интеллектуалы уходят в бизнес и какие психологические конфликты они испытывают, потому что фактически теряют свою идентичность и не очень понимают, как реагировать на то, что они становятся представителями другого класса. Большой раздел посвящен появлению **новых медиа**. В основном это интервью с «отцами» и «матерями» — основателями новых независимых СМИ. Что интересно в этой связи? Кажется бы, 1990 год совсем недавнее время, все еще живы и могут рассказать непосред-

ственно о событиях, в которых они участвовали, но... никто ничего толком не помнит. Если сравнить эти интервью, то каждый рассказывает о событиях по-своему, противореча другим. Свойство памяти в том, что очень быстро возникает некоторая мифология. Люди, пик активности которых приходился на конец восьмидесятых — начало девяностых годов, энтузиасты, создавшие прекрасные жизнеспособные институты, когда давали интервью, как бы извиняясь, говорили: вы знаете, время было такое, мы были молодые, легкомысленные, такие радикалы, у нас было полно иллюзий...

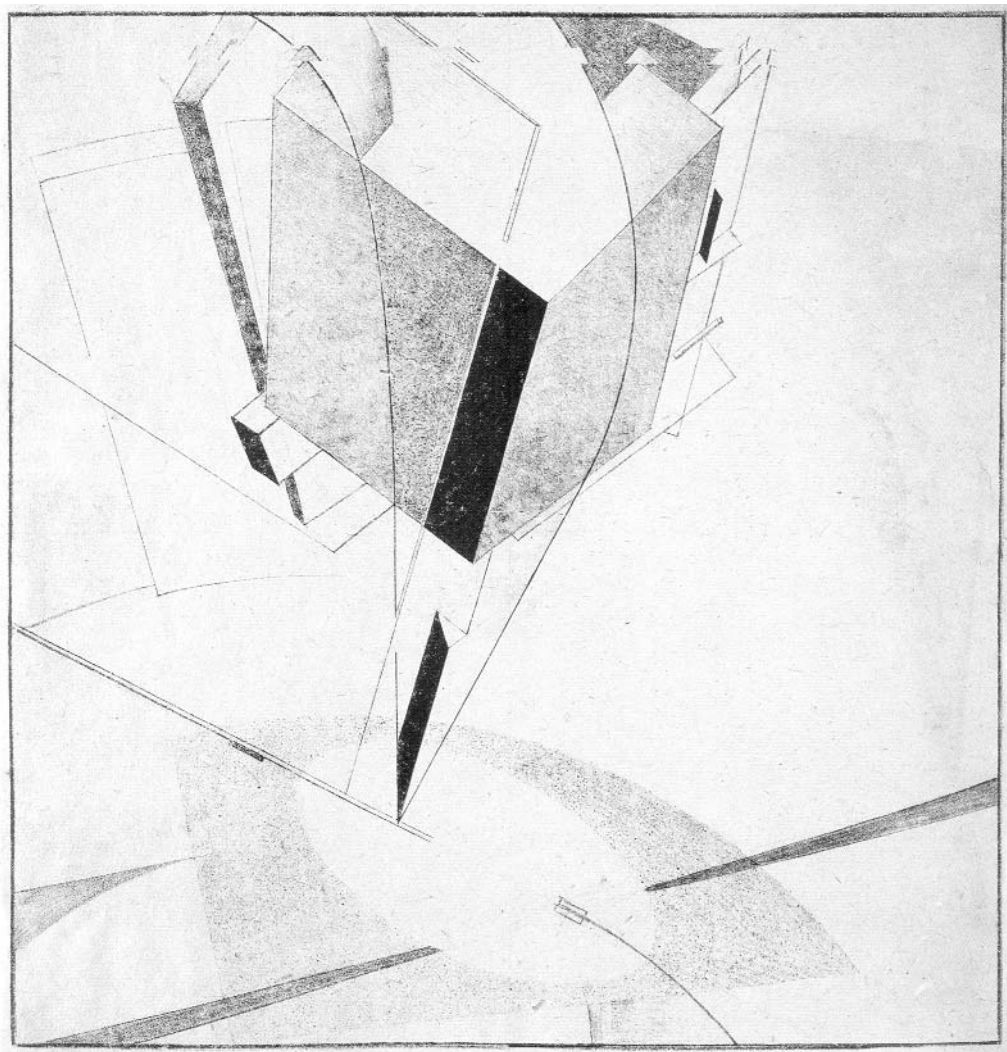
Мы и стали заниматься такими вещами потому, что уже видели, как **ангажированная мифология дискредитирует перестройку и девяностые годы**, представляет их как безвременье, некий кошмар. Это в некотором смысле совпадает с трактовкой в свое время 20-х годов XX столетия в России. Это было тоже время богатое разными возможностями, и стало восприниматься как некое безобразие, а вот потом будто бы наступил порядок... И мне кажется, что какие-то очень важные ресурсы, важные находки конца 80-х годов не были нами осмыслены. Не то чтобы были потеряны как возможности, а не до конца отрефлектированы.

Лев Гудков в своей книге «Негативная идентичность» и ряд других наших коллег в своих книгах, вышедших в нашем издательстве, показали, что очень трудно в описании себя и современного общества найти позитивное определение. Все исходят из «не» — я не такой, мы не такие, постсоветское, несветское и т. п. Действительно, трудно найти новые слова для определения формирующейся модели общества. Более того, целый ряд статей зарубежных исследователей, опубликованных в «НЛО», показывает, что даже новая система законов в пост-

советском пространстве была написана не из идеи утверждения, а из отрицания того, что было.

Между тем, девяностый год был поразителен тем, что в России **начало структурироваться современное общество**. Из сравнительно простого советского стала формироваться сложная многоуровневая структура, которая не очень замечается, потому что во многом мы еще мыслим себя в рамках советских категорий. До сих пор мы вытаскиваем из советского прошлого его стереотипы и мифы, и это не позволяет нам увидеть целый ряд позитивных явлений, которые происходят в нашей жизни. Например, что общество, которому все время предъявляются претензии, будто бы анемично, не консолидируется, не хочет отстаивать свои права. А на самом деле оно развивается не по тем полукарикатурным схемам, которые ему приписываются.

Например, бабушки с кастрюлями, которые выходили против монетизации льгот, забастовки водителей-частников не воспринимаются как элементы гражданского общества, а на самом деле так и складывается социальная среда, которая пытается противостоять несправедливости. В журнале есть целый ряд статей на тему повседневной жизни, как люди себя ощущали, как пытались понять, что им делать со своими детьми, со своей семьей. И вот здесь обнаруживается любопытная ситуация: если на уровне абстрактных глобальных построений у людей сохраняются какие-то странные мифологические картины прекрасного прошлого или прекрасного будущего, то на уровне семьи и личной жизни стратегии абсолютно адекватные и правильные. В России сплошь и рядом на уровне бытовом работает здравый смысл и правильная стратификация, а на уровне осознания происходит не-

Эль Лисицкий. Проун 5А. 1921

кий коллапс. Но если ты его спрашиваешь на улице «за жизнь», он начинает нести бог знает что — о величии государства и прочем, что, как правило, отношения к его жизни не имеет.

Мне кажется, при больших достижениях конца 80-х годов есть один ресурс, который совершенно не учитывается. Это то, что вылилось в забастовки шахтеров, баррикады 1991 года, массовые демонстрации, когда люди говорили: мы не рабы, мы не быдло, с нами так нельзя. И выясняется, что общество созрело и пытается выразить иную, чем

прежде, точку зрения на жизнь, а именно — гуманизацию социума. Вот эта стихийная попытка утверждения личного достоинства, безопасности, прямолинейности, уважения к себе, мне кажется, реально нами не учитывалась и не бралась во внимание при строительстве разных схем — экономических, политических и социальных. Это продолжает существовать в скрытом, не артикулированном виде. И было бы здорово, если бы мы это поняли и сумели выразить так, чтобы это совпало с требованиями современного развития.

Традиция

I. Происхождение термина

Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, традиция есть «то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений». Фактически, подобное толкование сразу же отсылает к исходному значению слова, указывающему на определенное *материальное* действие по передаче чего-то кому-то: так, римляне применяли его, когда речь шла о необходимости вручить некий неодушевленный или даже одушевленный предмет — например, отдать дочь замуж. Этим и объясняется тот факт, что понятие «традиция» восходит к латинскому глаголу *tradere* («передавать»), характеризующему манипуляции с вещами.

Постепенно, однако, утвердилась та трактовка традиции, которая предполагает обладающую временной протяженностью передачу не столько *материальных* объектов, сколько *духовных* сущностей. Например, современная энциклопедия определяет понятие традиции как «передающиеся из поколения в поколение элементы социального опыта и культурного наследия («культурный текст») — нормы и образцы поведения, формы социальной организации, идеи, нравы, обычаи, обряды, ритуалы и так далее»*. Некоторые исследователи, впрочем, настаивают на предельно широком ее понимании: «Традиция включает все, чем обладает общество в данный момент и что уже существовало к тому времени, когда нынешние ее держатели появились на свет. Это все, что не является продуктом чисто физических процессов внешнего мира. ...Традиционность соотносима практически с любым содержательным наполнением»**. При этом материальную и духовную традицию объединяет элемент *заимствования*: она не создается индивидом, но усваивается им извне.

В теории прогресса, занимавшей основополагающее место в миропонимании модерна, традиция ассоциировалась с отрицанием нового и противодействием переменам. «Рациональность и научное знание, с одной стороны, и традиционность вкупе с невежеством, с другой стороны, были противопоставлены друг другу как антитезы»***. Подобная интерпретация традиции предполагала вполне

---

* Данилова О.Н. Традиция культурная // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 665.

** Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1983. P. 12, 16.

*** Ibid. P. 5.

определенное понимание *человека и его исторической роли*: человек выступает здесь прирожденным делателем, ориентированным на *изменение и покорение* мира, который постоянно преодолевает себя, расширяя границы собственного бытия. Поместив свободную человеческую индивидуальность в центр мироздания, модерн обесценил традицию во всех ее смыслах: в политическом, культурном, моральном. Причем она не только представала фактором сугубо негативным, но и виделась обреченной на уничтожение: «Традиция — это великий тормоз, это *vis inertiae* (сила инерции. — А.З.) в истории, но она только пассивна и поэтому неизбежно оказывается сломленной»*.

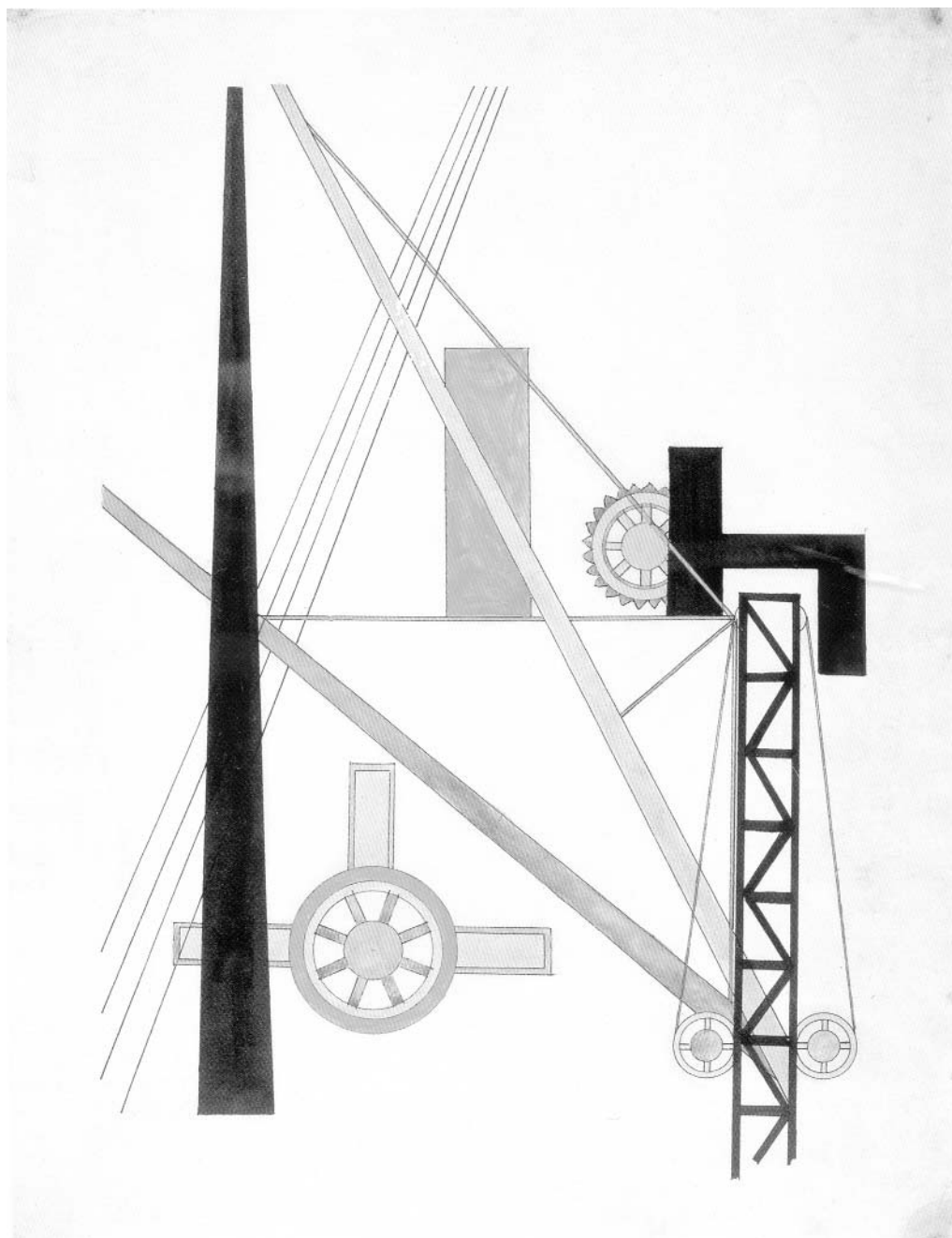
Узаконив в социальной рефлексии понятие «политических перемен», Великая французская революция надолго отождествила приверженность традиции с консервативной политической платформой. И наоборот, «изменение (“прогресс” или “развитие”), будь то революционное или постепенное, было воспринято в качестве структурной тенденции современного общества, которой приписывается позитивная ценность»**. По мере того как мир шел от эпохи модерна к постмодернизму, традиционализм начал в какой-то мере освобождаться от негативных коннотаций, обретая политическую респектабельность и даже становясь неотъемлемым атрибутом прогрессивно ориентированных движений и направлений. Как справедливо отмечал Карл Мангейм (1893–1947), возникшие в XX веке многочисленные политические движения, отталкиваясь от критического отрицания наличных социальных традиций, одновременно стремились заручиться поддержкой новых, собственных традиций. А новый виток глобализации, разворачивающийся с 1970-х годов, в очередной раз повысил ценность традиционалистского мировосприятия, превратив его в главный оплот многообразия и плюрализма, то есть, как ни парадоксально, тех самых ценностей, которые всегда отстаивались *противниками* консерваторов.

II. Современные трактовки традиции и традиционализм

В понимании сущности традиции выделяют две центральные парадигмы. Первым сформировался *натуралистический* (или онтологический) подход, сторонники которого видели в традиции конкретное и неизменное состояние бытия, не сочетающееся ни с каким иным состоянием. Ему было присуще жесткое размежевание традициона-

* Д. Энгельс Ф. Введение к английскому изданию "Развития социализма от утопии к науке" // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 318-319.

** Eisenstadt S.N. *Tradition, Change and Modernity*. New York: John Wiley & Sons, 1973. P. 4.

Леонид Бородин. № 2. Омега. 1988

листского коллективизма и рационалистического индивидуализма, а также религиозности и рациональности. В творчестве Макса Вебера (1864–1920), например, ключевой особенностью традиционного общества, наряду с отрицанием перемен, выступает тотальное подчинение интеллектуальной и социальной инициативы, воплощаемой в отдельной личности, авторитету безличной традиции. Недостаток

динамизма, отличавший эту концепцию, способствовал появлению альтернативного, *конструктивистского* взгляда, где под традицией понималась принципиально изменчивая реальность, непрерывно создаваемая элитами ныне живущих поколений и постоянно претерпевающая метаморфозы. Если первое воззрение признавало наличие во всякой традиции неизменного и понятийно формулируемого ядра, то во втором случае такая основа вовсе отсутствует: традиция здесь есть символическое построение, постоянно подвергающееся все новым и новым интерпретациям.

В наши дни оба упомянутых подхода часто признаются ограниченными: один — за игнорирование интерпретирующей роли культурного субъекта, другой — за лишение традиции объективного статуса. Тем не менее синтетический подход к традиции, который воплощал бы наиболее сильные моменты обеих базовых теорий, так и не был сформирован. Максимальное приближение к нему обеспечили, по видимому, те исследователи, которые были склонны выделять в традиции некое устойчивое и неизменное ядро, а наряду с ним — изменчивую и динамичную периферию. (Так, применительно к научной традиции Имре Лакатос (1922–1974) разграничивал «жесткое ядро» и «защитный пояс» — подход, применимый и к традиции вообще.) Но вариации подобных взглядов, по большому счету, остались маргинальными, ибо в трактовке понятия по-прежнему доминируют крайности.

Отсутствие в осмыслении традиции консолидирующих ориентиров благоприятствовало живучести особого подхода к этому феномену, реализуемого *традиционализмом*. Данное направление мысли настаивает на *онтологическом* статусе традиции. Наличие в ней трансцендентного измерения, по мысли его сторонников, делает традицию особой, чистой реальностью, дозированно транслирующей свое совершенство в далекий от идеала мир земной конкретики, сообщая существованию последнего полноту и смысл. В подобной системе координат «и необработанный продукт природы, и предмет, изготовленный самим человеком, обретают свою *реальность*, свою *подлинность* лишь в той мере, в какой они причастны к трансцендентной реальности»*. Соответственно, профанный порядок вещей покоится исключительно на неослабевающей связи с сакральной традицией, перманентно подкрепляемой с помощью специальных процедур — ритуалов. Пренебрежение этими истоками или целенаправленный разрыв с ними, по мысли традиционалистов, влечет за собой неизбежную социальную деградацию.

Становление традиционализма как особого направления политической и социально-философской мысли происходило в первой трети XIX столетия под влиянием Великой французской революции и консервативной реакции на нее, представленной именами

---

* Элиаде М. *Космос и история*. М.: Прогресс, 1987. С. 33.

Луи де Бональда (1754–1840), Жозефа де Местра (1753–1821), Эдмунда Бёрка (1729–1797). В следующем веке традиционалистские концепции получили дополнительный толчок в связи с торжеством после Второй мировой войны представлений о неизбежности поступательного развития стран, освободившихся от колониальной

Традиция поддерживает устойчивость социума в кризисные периоды, зачастую именно она оказывается главным инструментом общественных групп, противостоящих назревшей модернизации

зависимости. Крах этих надежд и последующий кризис теории модернизации во всех ее разновидностях заметно способствовали популярности таких мыслителей, как Рене Генон (1886–1951), Юлиус Эвола (1898–1974),

Мирча Элиаде (1907–1986), а также их последователей.

Сущностным признаком современного традиционализма, как и в прежние века, выступает постулирование *трансцендентного измерения истории*. Если все теории прогресса вписывают социально-философские и политические реалии в посюсторонние рамки, то нынешние приверженцы традиции, наоборот, обуславливают осмысленность наличных человеческих реалий сверхчеловеческой перспективой. По мнению Генона, прогрессисты «низводят традицию до чисто человеческого уровня, тогда как в действительности, наоборот, к традиции имеет отношение только то, что включает в себя элементы сверхчеловеческого порядка»*. Высшая составляющая традиции поднимает ее над обыденным миром «просто человеческого», который благодаря этому обзаводится идеалом для соизмерения и совершенствования. По наблюдению Ирины Полонской, исторический процесс, мыслимый как нисхождение от сакрального истока, в контексте традиционализма представляется движением от полноты к оскудению своеобразным «путем утраты»**.

III. Традиция и ритуал

Ритуал занимает основополагающее место в любой традиции, как религиозной, так и светской. Согласно определению Юрия Левады (1930–2006), всякий ритуал есть «сложная форма символического действия, используемая в культовых системах, а также в различных типах социального поведения как средство закрепления отношения субъекта (или группы) к священным объектам, особо значимым этапам общественной или человеческой жизни, а также статуса и при-

* Генон Р. *Очерки о традиции и метафизике*. СПб.: Азбука, 2000. С. 56–57.

** См.: Полонская И.Н. *Традиция: от сакральных оснований к современности*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2006.

надлежности к определенной группе»*. Представляя набор символических действий, связывающих индивидуального субъекта с системой социально-ценностных отношений, ритуал питает традицию, поддерживает и постоянно реанимирует ее. По словам Элиаде, «для традиционного человека имитация архетипической модели есть реактуализация мифического момента, в который впервые был явлен данный архетип... все ритуалы имитируют божественный архетип»**. Иными словами, ритуальные действия означают непрекращающееся возвращение к истокам, заново освежающее рутинные и повседневные практики высшим смыслом. Именно поэтому в ряду ритуалов наиболее значительное место занимают ритуалы перехода (франц. *rites de passage*), утверждающие сакральный характер наиболее фундаментальных переходов — например, между жизнью и смертью или детством и взрослым состоянием.

Как справедливо отмечал американский социолог Эдвард Шилз (1911–1995), «ни одно поколение, включая даже нынешнее, живущее в эпоху беспрецедентных гонений на традицию, не создает собственные верования, правила поведения, общественные институты»***. Следовательно, невозможно представить себе социум, развивающийся вне рамок традиции и полностью отказавшийся от ритуалов. Даже утрата традицией сакрального измерения не лишает ритуальное поведение ценности и значимости; светские ритуалы не менее действенны, нежели ритуалы религиозные, выполняя, по сути, аналогичные задачи. «Формировавшиеся в процессе секуляризации публичной и частной жизни светские ритуалы в значительной мере унаследовали внешнюю (в том числе психологическую) структуру соответствующих культовых актов, лишив их сакрального содержания»****. Подобно своим религиозным аналогам, светские ритуалы фиксируют значимость приобщения индивида к социальному целому и его ценностям. Они исключительно важны в процессе реализации традицией ее общественно-политической роли.

IV. Социальная и политическая роль традиции

Обобщая социальные функции традиции, можно составить довольно обширный их перечень*****. Во-первых, традиция выступает источником идеальных ресурсов, потребность в которых испытывает любое общество. Иначе говоря, ей присуща мобилизующая сила, а декларируемая приверженность традиционным ценностям может приносить поли-

* Левада Ю.А. Ритуал // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 458.

** Элиаде М. Указ соч. С. 84–85.

*** Shils E. *Op. cit.* P. 38.

**** Левада Ю.А. Указ соч.

***** См.: Категории политической науки. М.: МГИМО, 2002. С. 492.

тические выгоды даже в эпоху постмодерна. Во-вторых, наряду с правовыми или религиозными институтами и нормами, традиция обеспечивает легитимность наличного социально-политического порядка. В частности, именно она лежит в основе так называемого обычного права, которое наряду с формальным правом санкционирует фундамен-

Если на Западе модернизация всегда шла параллельно с секуляризацией общественной жизни, то в России эту задачу пытаются решать, используя архаичный религиозный инструментарий

тальные общественные установления. В-третьих, традиция объединяет социум и поддерживает его коллективную идентичность. Особенно ярко этот момент просматривается в изобретении новых традиций и ритуалов в обществах, восстанавливающих или только что об-

ретших собственную государственность. Наконец, в-четвертых, традиция поддерживает устойчивость социума в кризисные периоды. Здесь, правда, раскрывается и ущербность традиции, поскольку зачастую именно она оказывается главным инструментом общественных групп, противящихся назревшей модернизации.

Важно отметить, что привлечение традиционалистского дискурса для решения насущных политических задач почти никак не связано с приписыванием феномену традиции *онтологического* статуса. Иными словами, реализация консервативно-традиционалистской политической программы отнюдь не означает, что ее инициаторы и исполнители разделяют убеждение в *потусторонних истоках* традиции. С этой точки зрения политический традиционализм можно считать одним из инструментов, с помощью которых регламентируется и ограничивается модернизация. Именно по этой причине традиционализм не во всех случаях выступает в облике религиозной доктрины, хотя чаще всего вера в сверхъестественное и убеждение в святости традиции идут рука об руку. Вместе с тем, и это особенно характерно для политики постмодерна, прикладное использование традиции возможно даже в таких политических контекстах, в которых традиционные начала вовсе неразвиты; в подобных случаях призывы к политическому действию подкрепляются ссылками на вымышленную, фиктивную традицию, иногда для этих целей и моделируемую.

Запечатленное в традиции прошлое накладывает свой отпечаток на приобщение конкретного социума к модернизации и последующему переходу к постмодерну. По наблюдению Рональда Инглхарта (р. 1934), «протестантское, православное, исламское или конфуцианское прошлое того или иного общества способствует формированию

---

* Инглхарт Р. *Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу.* М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 106.

культурных зон, которые отличаются самобытной системой ценностей и способны противостоять натиску экономического развития»*. В тех обществах, в которых сама жизнь человека и сегодня не является гарантированной, господствуют *ценности выживания*: свод личных установок и ориентиров, из которых, собственно, и исходит современный традиционализм. В их основе лежат поощрение религии и устоявшихся семейных ценностей, предпочтение социального конформизма индивидуальным достижениям, практика уважения к власти и высокий уровень патриотизма. Соответственно, те общества, где проблемы непосредственного выживания уже решены, придерживаются противоположного, секулярного и рационального набора ценностей, которые Инглхарт называет *ценностями самовыражения*. Именно ценностное равновесие, установившееся в конкретном обществе под влиянием его религиозных традиций, предопределяет степень его дальнейшей традиционности.

V. Традиция и Россия

Описывая разницу между традиционным и современным обществом в интерпретации социологической науки модерна, Шмуэль Эйзенштадт (р. 1923) отмечает: «В этой картине традиционные общества изображались как статичные, почти не знающие дифференциации или специализации, опирающиеся на механическое разделение труда, низкий уровень урбанизации и грамотности, аграрную занятость большей части населения. В противовес этому современным обществам приписывалась весьма высокая степень дифференциации, глубокое разделение труда, урбанизация, грамотность и расцвет СМИ, а также неутолимая тяга к прогрессу»*. Взяв это лаконичное описание за основу, мы вполне можем констатировать, что в России процесс прощания с традиционным обществом, открытый реформами Петра Великого, был окончательно завершён после большевистской революции 1917 года. Исходя из классических критериев, наша страна, безусловно, уже давно не является традиционным обществом. Вместе с тем в российском социуме традиция по-прежнему остается слишком заметной силой.

Обусловлено это, прежде всего, тем, что в плане структуры власти и взаимоотношений между властью и обществом Россия за минувшие сто лет так и не стала вполне современным государством. Воспроизводимая из века в век самодержавная матрица, несмотря на весь приличествующий эпохе «республиканский» антураж, обусловила причудливое сочетание в архитектуре отечественной власти традиционных и современных элементов. Если принципиальной особенностью политической системы модерна считать ее способность абсорбировать, вбирать в себя основные проявления социального недовольства, то отечественную политическую систему начала XXI столетия

---

* Eisenstadt S.N. *Op. cit.* P. 10.

трудно считать полностью модернизированной. Утвержденная Конституцией 1993 года модель «выборного самодержавия» и выстроенная на ее основе так называемая вертикаль власти, жесткие ограничения любой оппозиционной деятельности, неуклонное сокращение диапазона, в котором применяются выборные практики, — все это говорит о том, что модернизация российской политики далеко не завершена. Более того, учитывая внешний контекст, в котором развивается современная Россия, вопрос о ее завершении можно считать центральным вопросом конкурентоспособности нашей страны в эпоху глобализации.

Особое значение традиции в российской социально-политической практике обусловлено и тем обстоятельством, что природа нынешнего этапа нашей модернизации довольно парадоксальна. С одной стороны, действующие элиты справедливо исходят из того, что для сплочения масс и их мобилизации на ускоренное развитие страны нужна сплачивающая нацию общая идеология. Но, с другой стороны, на роль этой идеологии выдвигается не что иное, как православие — религиозная традиция из разряда тех, которые повсеместно упразднились или вытеснились в ходе успешных модернизаций. Если на Западе модернизация всегда шла параллельно с секуляризацией общественной жизни, то в России задачи всестороннего обновления общества пытаются решать, используя архаичный религиозный инструментарий. Такой курс не только свидетельствует о низком качестве и недалновидности нынешней российской элиты; он еще — и это гораздо более прискорбно — обречен на неминуемое поражение, ибо нельзя шагать из модерна в постмодерн, черпая вдохновение в социально-политическом опыте Византийской империи.

ЛИТЕРАТУРА

Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука, 2000.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Полонская И.Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2006.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990.

Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987.

Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. -New York: John Wiley & Sons, 1973.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Rudolph L., Rudolph S. The Modernity of Tradition. Chicago: Chicago University Press, 1967.

Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1983.

Андрей Захаров

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме.

Специалист по проблематике федерализма, автор размышляет о федеральной политической культуре в ее связи с ценностями демократии и принципами политической конкуренции. Анализируя динамику институциональных процессов в России, он приходит к парадоксальному определению политической конструкции страны как «унитарной федерации», схожей с имперской моделью. Однако, считает автор, Россия «обречена» на федерализм, который только и способен сохранить ее территориальную целостность и ускорить демократический транзит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В одной из своих работ британский исследователь Камерон Росс назвал Россию «федерацией без федерализма»¹. К моему глубокому огорчению, эта емкая формула исчерпывающим образом описывает нынешнее положение вещей. С наступлением XXI века в нашей стране все более остро ощущается дефицит демократии, и это, разумеется, плохая новость для федерализма, который тысячами нитей связан с демократическим идеалом и в теоретическом, и в практическом смысле. Предельное упрощение отечественной политической системы, ставшее наиболее явным признаком ее вырождения, превращает федералистские подходы и методы в политические мнимости, к которым наши политики все реже обращаются даже в целях политической риторики. В целом же странная конструкция государства, унаследованная нынешним президентом от предшественника, красноречиво свиде-

тельствует о том, что в минувшее десятилетие был провален не только эксперимент по приобщению нашей страны к семье либеральных демократий, но столь же бесспорным образом Россия не состоялась и как федерация — страна, сочетающая самоуправление с разделенным правлением.

Автор, пришедший к такому выводу, не может не задать себе вопрос: зачем же писать о прелестях федеративной политики, ведь с бисером, как известно, не рекомендовано распорядиться до такой степени нерационально? Это — верно, но к данному случаю неприменимо. Причина заключается в некоторых особенностях функционирования политических институтов, долгое время в силу различных обстоятельств пребывающих в «спящем» состоянии. История не раз демонстрировала, как социально-экономические или политические перемены могут создавать ситуации, в которых латентные, практически невидимые институты внезапно становятся значимыми, решительным образом преобразуя весь политический порядок. Мне кажется, российский федерализм еще преподнесет нам немало сюрпризов, а сохранение унитарной, по сути, страной федералистской правовой оболочки отзовется неожиданными поворотами нашей политики в тот момент, когда «русская система» в очередной раз начнет «оттаивать».

Именно это я имел в виду, когда говорил — и в настоящей работе, и в других своих работах — о том, что, несмотря на всю свою неказистость, федерация в России продолжает оставаться *ценностью*. Лучше иметь дурной федерализм, чем не иметь никакого федерализма, ибо рано или поздно он, хороший или плохой, непременно нам понадобится. На следующем этапе своего исторического развития страна вновь столкнется с проблемой консолидации демократии, с которой она не справилась в 1990-е годы. Разумеется, роль, которую в этом процесс способен играть федерализм, неоднозначна, ибо с его помощью, как показывает опыт Латинской Америки, можно не только ускорять, но и тормозить демократический транзит². Но этой двусмысленностью можно, как представляется, пренебречь. Ибо независимо от того, используется ли федералистская идея консервативными субъектами федерации для дезавуирования демократически избранного реформистского правительства в центре, или, наоборот, прогрессивно настроенные регионы с ее помощью дают на нерешительный и неспособный определиться центр — суть остается одной и той же. В любом исполнении федерализм оказывается *эффективным средством ограничения всемогущества и всесилия центральной государственной власти*, а в России нет задачи более актуальной и более вечной, чем эта. Власти-монолиту, нерасчлененной и неделимой, федерализм противопоказан. Именно в этом его колоссальная ценность.

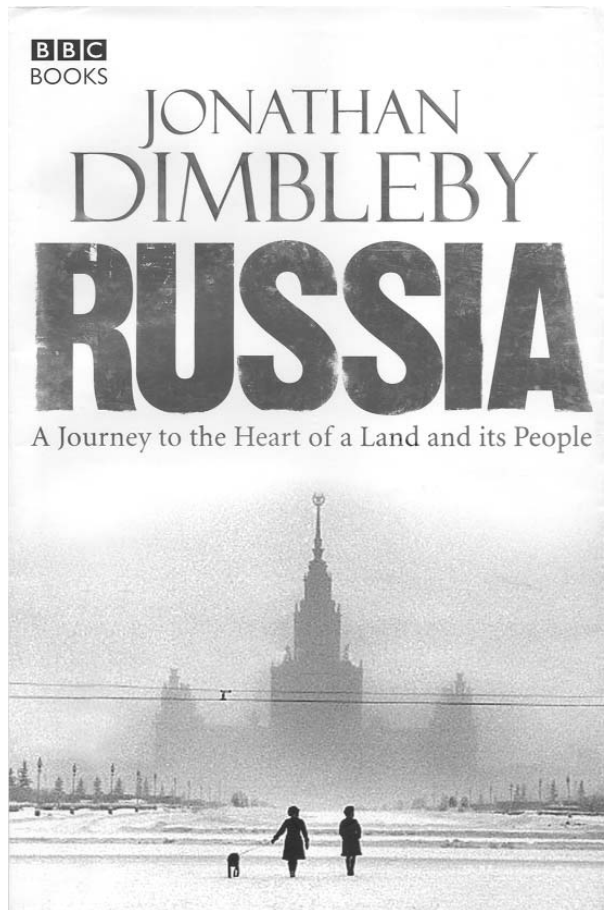
А потому это небольшое собрание статей — далеко не последняя, как я надеюсь, книга о федерализме. Причастность к человеческой свободе сообщает этому понятию весьма высокую политическую пробу, перемещая его из сферы сиюминутных и преходящих феноменов в область «политически вечного». Этим, собственно, оно завораживает меня как исследователя. Этим же обусловлена и его важность для нашей страны.

Просто Россия

Согласитесь, нужна изрядная самонадеянность для того, чтобы книгу о нашей стране назвать столь незамысловато и неброско, как это сделал автор. Вот так, без обиняков, ни на кого не оглядываясь — «Россия», и все тут. Невзирая на сопутствующие и довольно многочисленные риски, с таким поведением сопряженные, популярный телекомментатор BBC самоотверженно пошел именно по этому пути. Его увесистый том — без малого 600 страниц — представляет собой путевые заметки, сделанные во время съемок фундаментального телевизионного сериала о нашей стране. Как и любое другое произведение этого жанра, вышедшее из-под пера иностранца, впервые столь обстоятельно путешествующего по российским просторам, эта книга интересна и неинтересна одновременно.

Масштабы территории, на которой работали британские журналисты, поражают воображение. Группа высадилась в Мурманске, заехала на Соловки и в Карелию, оттуда потянулась на юг, к Москве, основательно

задержавшись в Петербурге. Оставив позади столицу и миновав Черноземье, она пронеслась по югу, включая Новороссийск, Нальчик, Махачкалу, Астрахань. Прочертив карту вдоль,

Dimbleby Jonathan. Russia: A Journey to the Heart of a Land and its People. — London: BBC Books, 2008. — 564 p.

англичане разместили ее и поперек — они отправились во Владивосток по Транссибирской магистрали, по дороге навещая все мало-мальски достойные внимания точки. В целом на эту кампанию ушло более двух месяцев, а итогом ее, помимо фильма, стала книжка, составленная из британских впечатлений, складывавшихся по ходу дела.

Как можно оценить то, что получилось? Признаюсь, что, приступив к чтению, я постоянно испытывал некоторое подспудное раздражение. Главная его причина была в том, что моя родная страна, казалось, автора совершенно не взволновала. Почти ничто не вызывало у него душевного подъема — особенно поразило то, что даже русские женщины показались комментатору BBC неказистыми и неинтересными. Только всевозможные британские артефакты — или память о них, — время от времени попадающиеся на нашей земле, вызывали в английской душе неизменно теплое свечение. Здесь — могилы британских моряков, сопровождавших в годы Второй мировой войны северные конвои, там — бухточка, из которой в годы Крымской войны английский фрегат бомбардировал Соловецкий монастырь. И по такому вот алгоритму — довольно долго. Но, однако, где-то к середине пространного повествования я понемногу «оттаял».

И произошло это не из-за того, что автор сменил угол зрения или произвел переоценку ценностей. Дело, скорее, в том, что я как читатель вдруг смирился со спецификой британского мировидения, признав его глубочайшую обоснованность. Что, собственно, наиболее поражает англичанина в

России? Скорее всего, неизбыточное несовершенство российской действительности. Россия фантастически двоятся: это одновременно и как бы Европа, и как бы не Европа. В той части, в какой Россия предстает Европой, она понятна, близка и способна вызывать симпатии у любого европейца, в том числе и у нашего англичанина. И очень многие страницы книги пропитаны именно таким духом, наполнены уважением, любовью и почитанием. Скажем, Ясная Поляна дорога английскому журналисту точно так же, как и любому образованному русскому, — не случайно ей посвящена очень лиричная глава. Это один, но далеко не единственный пример из числа тех, что в изобилии рассыпаны по ходу повествования. А вот в своей азиатской ипостаси Россия, напротив, иррациональна; это чуждая, диковатая и, главное, пугающая сущность. Автор не понимает многих особенностей нашего нынешнего политического устройства, не готов согласиться с яростным отторжением демократии, поражающим его в беседах с простыми россиянами, не может взять в толк, отчего в России XXI века человеческая жизнь порой ценится столь невысоко. Все это, разумеется, его напрягает. В целом же мой англичанин не открывает никакой Америки: напротив, он предельно банален, и потому здравый смысл европейского обывателя высвечивает на каждой странице текста: это — понимаем и принимаем, это — не понимаем и отторгаем. И пока азиатское начало составляет важнейшую, если даже не наибольшую, часть российской жизни, о нас будут писать именно такие книги.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Радкевич С. Как взять и/или удержать власть: секреты строительства непобедимой партии. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. — 190 с.

Нет, уважаемый читатель, книга с таким подозрительным названием вышла не из подпольной типографии. Просто ее автор, не обращая внимания на дух времени и упрямые факты (один из которых состоит, в частности, в том, что власть в России уже «взяли» и отдавать пока не намерены), пытается рассуждать о том, какой должна быть партийная система демократической страны в идеальном, так сказать, исполнении. Лично мне этот здоровый платонизм по душе: можно, конечно, говорить о российских партиях с точки зрения текущей жизни, но делать этого не хочется. Партийная жизнь, сложившаяся в России в последние годы, проста, как серенький том «Истории Коммунистической партии Советского Союза» под редакцией кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Б. Н. Пономарева. Поэтому гораздо интереснее вопрос о том, какой может и должна быть партийная конкуренция в обществе действительно демократическом. То есть — наметить контуры партийной жизни в модернизирующейся России, в той, которая еще только будет.

Именно этим и занимается, причем вполне успешно, наш автор. Он, безусловно, сторонник нормативной теории: сосредоточившись на проблемах идеала, он обращается к примерам из так называемой реальной жизни лишь для того, чтобы лучше проиллюстрировать коррозию и разложение нормы в нашем новом, но при этом до обидного старом отечестве. Прежде всего, книга любопытна именно этим. Она написана с позиций завтрашнего дня, и это прекрасно, ибо как только политическая жизнь в России начнет «оттаивать», а на смену пресловутой «мягкой» диктатуре придет та ли иная форма народовластия, авторские рецепты пойдут нарасхват. И для этого, поверьте, не придется дожидаться XXII века.

Интересно, что, несмотря на нацеленность в завтрашний день, рассматриваемому повествованию абсолютно чужд дух «маниловщины», ибо с точки зрения рассматриваемых сюжетов и поднимаемых тем оно вполне практично. «Ее главная цель — научить», — говорит Станислав Радкевич о своей книге. Именно этим предопределена и структура работы. Рассмотрев в первой части само понятие партии, автор во второй части анализирует многочисленные и разнообразные контексты, включая этнический, культурный, экономический, в которых со-

временным партиям приходится действовать. Здесь же предлагаются любопытные рецепты формирования первичных парторганизаций и дальнейшего стимулирования их деятельности. Учитывая то, что большая часть из ныне действующих российских партий вовсе лишена низовых корней, то внимание, которое уделяется этой теме, более чем обоснованно. Наконец, в третьей части разговор заходит о том, для чего, собственно, партия и создается — о борьбе за власть. Обнаруживаемый здесь же раздел о выборах и о деятельности партийных фракций в парламенте в нынешних российских условиях вообще читается как послание с другой планеты. Поразмышляв о том, почему автор оставил книгу без заключения или послесловия, я решил, что это даже мудро: все-таки хочется думать, что очередное воспроизведение неуклюжей однопартийной системы — это не судьба наша, а лишь досадная и временная «загогулина», поддающаяся выправлению.

Почему, собственно, важен весь этот разговор? По какой причине столь несовершенному творению рук человеческих, как политическая партия, нужно уделять столько внимания? Ответ очевиден. Если мы считаем демократию политической ценностью, желая ее беречь и совершенствовать, без партий просто не обойтись. Подлинно свободному духу действительно трудно смирять себя перед партийной дисциплиной, но иного выхода нет, так как более эффективного инструмента для политической репрезентации общественных интересов пока не придумано. Это обстоятельство делает книгу Станислава Радкевича важной и своевременной.

Андрей Захаров

Молевич Е.Ф. Введение в социальную глобалистику. Учебное пособие. — Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2007. — 160 с.

Рецензируемая работа доктора философских наук Евгения Фомича Молевича посвящена одной из самых малоизученных областей социального знания.

Поставив перед собой задачу проанализировать глобальные процессы, происходящие в различных областях современной общественной жизни, автор рассматривает их в контексте формирования, по его выражению, мегаобщества как результата сложных процессов в условиях «мирового системного кризиса цивилизации».

Сформировавшееся к началу XXI века в развитых странах мира «общество потребления», отмеченное высоким качеством жизни и гражданских прав, оказалось не в состоянии противостоять системным кризисам. Автор считает, что важной составляющей «системного кризиса цивилизации» является, вопреки распространенному мнению, не столько нехватка продовольствия и ресурсов в бедных странах, сколько ограниченные возможности модернизационного сценария для них. В конце XX века стало ясно, что эти страны не в состоянии добиться успеха на пути, по которому некогда достигали благополучия страны развитые.

Вместе с переменами в сфере экономики, пишет автор, в современном мире происходят необратимые перемены и в таких, казалось бы, консервативных областях, как мораль и межличностные отношения. Нивелировка многих сфер жизни индивида сопровождается «размыванием» института

семьи и морали, что, в свою очередь, отражается на происходящих процессах. Автор неоднократно подчеркивает, что экономическая, несомненно, наиболее важная составляющая глобализационных стратегий, не способна сама по себе, без ее социального и нравственного измерения, продвигать человеческое общество в постиндустриальное будущее.

Формирующиеся в результате процессов глобализации новые постиндустриальные общества ориентируются сегодня скорее на трансатлантический, а не западноевропейский или восточноазиатский сценарии развития. При этом, анализируя недостатки и возможности каждого из них, автор приходит к выводу о приемлемости для России восточноазиатской модели постиндустриализации, направленной главным образом на экономическое сотрудничество и меньшую культурную интеграцию (в отличие от трансатлантической, сосредоточенной, в том числе, на достижение единого «общества знаний и услуг»). Автор считает эту модель предпочтительнее, поскольку в стране пока не сформирована национальная идентичность, разделяемая подавляющим большинством населения. Устойчивость стратегии модернизации зависит, по мнению автора, прежде всего от эффективности предотвращения и разрешения кризисных явлений.

Наконец, рассуждая о мегаобществе, как о будущем человечества, помимо важных его составляющих (к которым, в первую очередь, относятся демократические права и свободы граждан и широкое взаимодействие межгосударственных организаций), автор

рассматривает также возможные стратегии его развития — много-, моно- или биполярные. При всей желательности многополярного мира, пишет он, даже биполярный сценарий развития мегаобщества едва ли представляется возможным в ближайшей перспективе. Причина — фактическое отсутствие противовесов единственной сверхдержаве — Соединенным Штатам Америки. Европейский союз может составить им конкуренцию только в случае усиления интеграционных процессов, замедлившихся в настоящее время в Европе.

Резюмируя содержание книги, хотелось бы добавить два небольших комментария. Рассматриваемые в книге признаки «системного кризиса цивилизации» вовсе не означают наступление ее глобального кризиса. Этот термин используется автором в контексте угроз, сочетание которых способно действительно существенно затормозить интеграционные процессы. «Мировой системный кризис», по мысли автора, может наступить лишь в случае глобальных военных конфликтов. Второе замечание касается адресата книги. Изданная под грифом учебного пособия она существенно шире очерченных этим понятием рамок в силу обилия аналитического материала, многочисленных ссылок на зарубежные и российские исследования, а также чрезвычайной важности поднимаемых в исследовании вопросов и ответов на них, далеко не однозначных, что требует дальнейших исследований и дискуссий в научном и политическом сообществах.

Наталья Палеева

Александр Архангельский

Контрапункт

ПОСЛЕ ТОГО, ЧТО — ДО

Матрица Теплухина: до и после первого миллиона. — М.: АСТ — Астрель, 2008. — 190 с.

Обычно такие книжки — тонкие, простым языком — пишут бизнесмены мелкого калибра, надувающие щеки, чтобы заработать на глупых читателях. Разница между пособиями «Как стать миллионером» и психологическими практикумами «Как приобрести уверенность в себе», «Как быть правильной стервой» и «Как завоевать всех женщин» — небольшая. Но когда за перо берется реальный совладелец большого бизнеса, управляющий крупнейшей компанией «Тройка диалог», это совсем другое дело. Тут, разумеется, нет задачи заработать, но нет и задачи привлечь внимание к себе, покрасоваться перед публикой.

Так когда-то Мишлен и Филлипс, изложившие в книгах свои воззрения на мир и обосновавшие этическую основу экономической жизни, не нуждались в дополнительной известности. Ими двигало желание обобщить для себя и других важный опыт личных действий на рынке, который для них был такой же моделью мира, какой для художника служит пространство романа, для настоящего учителя — класс, а для хорошего врача операционная палата. Зачем обобщить? Ну, хотя бы для того, чтобы расставить вешки, обозначить векторы; чем больше вокруг таких вешек и таких векторов, тем труднее вновь разрушить бизнес-этику, вернуться к опыту жизни без правил, а то и без понятий.

Примерно такая задача стояла перед Павлом Теплухиным. Но у него она была осложнена и усилена мотивом, который ни Мишлену, ни Филлиппу не был важен. Ведь в отличие от них, Теплухин не просто основал еще одну успешную империю в составе мировой экономической системы, но оказался в первом эшелоне русских капиталистов, которые за двадцать лет свободной экономики по нарастающей прошли все стадии формирования российского рынка и освоили принципиально новое

сознание. Не впитали с молоком матери, не восприняли из окружающей жизни как нечто само собой разумеющееся. А именно — освоили, переделывая себя. И теперь Теплухин-литератор как будто бы раздваивается. Между естественным человеческим желанием написать мемуары счастливого человека, которому повезло оказаться в нужное время в нужном месте и который сумел воспользоваться шансом, прорвался туда, куда вела его судьба. Как делают ученые, писатели — не бизнесмены. И положенным ему по статусу стремлением раз навсегда зафиксировать свои простые правила успеха, кратко изложить их для потомства, для коллег и младших современников. Как делали Мишлен и Филлипс. Автор до конца не решил, чем же именно он занят: иллюстрирует примерами из собственной жизни описание «матрицы» или повествует о том, как эта «матрица» сложилась. Как ни странно, жанровая недоопределенность замысла и сулит читателю самые главные открытия: сквозь четкие рациональные послылы и расчисленную по эпизодам биографию проступает образ живого человека. А что нам еще нужно? Мы ведь не собираемся учиться быть миллионерами; мы пытаемся понять логику своего состоявшегося современника, а изнутри нее — глубже осознать то время, в какое нам выпало жить.

Бизнесменов Теплухин делит на тех, кто заработал — и успокоился; это, если можно так выразиться, налоговые овцы, которых должно регулярно стричь государство. На тех, кто хочет много денег, чтобы благотворить, исполнять нелегкий и приятный долг социального служения. И на тех, кто, как спортсмен, идет от результата к результату. Работая по 12 часов, хотя будущее, и твое, и твоих детей, обеспечено. Себя он относит к этим «спортсменам». Но тут начинается интересное.

В бизнесе периода первоначального накопления, в отличие от спорта, нет разделения на собственно спортсменов и тренеров; все, кто участвует в большой игре, сами забивают, сами судят, сами тренируют — и у себя же тренируются. Поэтому люди, зарабатывающие первый, второй, двадцатый, сотый миллионы, даже если они до мозга костей спортсмены (в теплухинской терминологии), обречены заниматься игрой — и созданием правил игры; обдумывать тактику успеха — и стратегию развития страны; учреждать очередные фонды инвестиций — и клубы типа знаменитого «2015». Это еще не «благотворительность» (опять же, по-теплухински), но уже и не «спорт». Это наступление по всем фронтам. Не потому, что хочется, а потому что по-другому невозможно.

И Теплухин постоянно перескакивает с темы денег на темы отвлеченные, идеологические; он понимает цену свободы и знает цену сильной руки; он видит связь между богатством, процветанием — и политическим устройством; хотелось бы, чтобы он больше сказал о

гражданском обществе и его институциональной роли в прогрессе бизнеса. Но, может быть, это задача на будущее?

Пока же хочется сказать о другом. Книга Теплухина — полезна. Со всем не потому, что кому-то поможет сорвать миллион. Если тебе нужно в этом помогать, никакого миллиона у тебя не будет. А потому что она самым убедительным, наглядным образом разрушает массовое представление о современном бизнесмене как о внезапно обрусевшем Мистере Твистере из стихотворения Маршака; с читателем говорит успешный интеллектуал, прагматик, человек, мыслящий широко и ответственно. Быть может, относящийся к себе с недостаточной самоиронией, но, во всяком случае, не потерявший связь с живой реальностью.

ДО ТОГО, ЧТО — ПОСЛЕ

Коалиции для будущего: Стратегии развития России: Коллектив экономистов «Сигма». — М.: ООО «Издательство “Промышленник России”», 2007. — 112 с.

То, что мы слышали из уст Медведева в первые сто дней его президентства (по крайней мере, до грузино-югосетинского конфликта), радовало какой-то горькой радостью признания самоочевидного. Как будто бы все и так знали, но боялись сказать, а пришел новый человек и назвал вещи своими именами. Диагностировал текущие болезни без утайки. И попробовал наметить способы лечения.

Полная утрата правового сознания и гниение правовых институтов. Тотальная коррупция. Неутолимый кадровый голод.

Впрочем, президентская должность предполагает осторожность в выражениях. Так, обличая кадровую ситуацию, которая не позволяет найти замену губернаторам, Медведев не может сказать: жизнь без демократической конкуренции чревата номенклатурным инцестом; он просто описывает ситуацию: неоткуда брать людей. Кто-то другой, не он, должен проговаривать проблему до конца. Кадровый резерв формируется из кого? — Из тех, кто себя проявил. Где сегодня можно себя проявить? — Только в бизнесе, сращенном с государством и приучающем учитывать интересы бюрократии, желательно не в ущерб основному делу. В науке? — Значительно реже; наука устроена так, что многие области самораскрытия сосланы за границу, а там сознание российского администратора не сформируется. В спорте? — Спортивный опыт пригоден для обустройства определенных областей человеческой жизни, но не самых главных, прямо скажем. При обсуждении вопроса о предстоящем губернаторстве золотая олимпийская медаль — скорее довод против. В молодежных движениях? — Разве что для будущих чиновников второстепенного разлива; для высшего государственного управления, разумеется, нет. Потому что в сегодняшних молодежных движениях полноценно развернуться могут либо беспримесные циники, либо катастрофические идиоты. А ни те, ни другие полноценно управлять успешной страной не могут.

Значит, без восстановления демократических институтов внятная кадровая политика неосуществима. Без нее же никакая модернизация невозможна. В свою очередь, без модернизации немислим путь России в будущее и медленный демонтаж существующей скоропортящейся системы точечного авторитаризма. Если этот путь не начнется и демонтаж не состоится, из стадии «мягкого» авторитаризма мы неизбежно перейдем к построению полномасштабной тоталитарной системы; никакого другого варианта не просматривается. При этом отставание от мирового уровня будет нарастать неостановимо; нарастая, отставание будет разрывать страну по швам; удержится ли она в пределах нынешней, крайне сложной для общего существования территории — большой вопрос.

Так вот, задолго до назначения Медведева преемником большая группа отечественных экономистов «СИГМА» начала просчитывать варианты возможной/желательной/пробивающейся через полосу препятствий модернизации. Достаточно назвать имена И. Юргенса, А. Аузана, Л. Григорьева; у других авторов рецензируемого сборника прошу прощения за невозможность всех упомянуть. В их расчетах было и про коррупцию, и про кадры, и про демократию, и про развивающуюся экономику, и про человеческий фактор; но главное, что присутствовало во всех описываемых моделях, обозначено словом «институты». Не потому, что авторы не верят в личные возможности «героев»: они и сами, подобно Павлу Теплухину, из числа первопроходцев новой русской (не новорусской, а именно *новой и русской*) экономики. А потому, что успешные системы («матрицы») создаются личностями и даже могут называться их именами, а функционируют без сбоев исключительно за счет опоры на институты.

Если Россия выберет оптимальные модели мирной поступательной модернизации (среди прочего предполагающей бескровный демонтаж авторитаризма), то Медведеву в конце концов не придется говорить *а* — и умолкать, не имея права произнести *б* и *в*. Среди прочего, и потому, что за него, вместе с ним и зачастую вместо него эти важные болезненные вещи будет проговаривать гражданское общество. Есть и такая институция; мы просто про нее забыли.

Небольшая книга, подготовленная коллективом «СИГМЫ» в 2007 году — подчеркиваю, до политических перемен в стране, — продемонстрировала важную тенденцию. Экономическая наука становится не просто политической (времена политэкономии мы все застали, радости в ней мало), но именно гуманитарной наукой. Потому что признает кривизну исторического пространства, видит корень проблем и причину успеха не только в обезличенных законах и четко прочерченных схемах и не только в усилиях отдельных личностей, но и в торжестве нематериальных ценностей над материальными. Что в конце концов приводит и к прорыву в сфере материальной. Но — вследствие, а не по причине.

Пекин: эйфория и отчаяние в олимпийской столице*

Анн-Мари Брудеу,
преподаватель школы дизайна Квебекского университета, Монреаль

13 июля 2001 года Международный олимпийский комитет объявил, что Пекин выиграл конкурс на проведение летних Олимпийских игр 2008 года. С этого времени город занялся амбициозной реконструкцией, круто преобразующей его внешний облик и международный образ. В подтверждение высшего мирового статуса Китая Пекин пообещал обеспечить лучшие из когда-либо проводившихся Олимпийских игр. Начавшееся осуществление честолюбивого плана скоро сделало ясным, что щедростью выделяемых на них средств Игры 2008 года затмят все прошлые рекорды: в них будет вложено почти 40 миллиардов долларов — втрое больше, чем было затрачено в Афинах, и больше, чем было израсходовано после 1984-го на все летние Игры, вместе взятые.

Другие города тоже старались отметить Олимпийские игры возведением монументальных сооружений, но мегапроекты Пекина не имеют себе равных. После признания его заявки Пекин приступил к осуществлению ряда впечатляющих Олимпийских проектов, отмеченных такими общими чертами, как гигантский размах, демонстративная роскошь, забота о брэнде и высокая стоимость. Олимпийское преобразование Пекина наступает в разгар строительного бума, меняю-

щего ландшафт Китая со скоростью, пожалуй, не знающей себе равных в истории. По экспертным оценкам, в одном Пекине в 2008 году появятся новые здания с офисами, магазинами и квартирами общей площадью миллиард квадратных футов и стоимостью 160 миллиардов долларов — это три Манхэттена. Впечатляющая революционная урбанизация Китая сейчас поглощает половину ежегодного мирового производства цемента и треть стали, поднимая на них цены. Олимпийская переделка Пекина напоминает более ранние взрывы интенсивного строительства, в XX столетии периодически изменявшие его пейзаж в ответ на серьезные сдвиги в идеологии. В конце 1950-х, например, Мао распорядился воздвигнуть ряд сооружений по советским образцам, чтобы ознаменовать таким образом рождение новой социалистической нации. А во второй половине 1980-х мэр Пекина пытался подчеркнуть неповторимый китайский облик столицы, насаждая в городской архитектуре стиль некоего *неотрадиционализма*. Очередной раунд впечатляющего строительства, начатый президентом Цзян Цзэмином по случаю Олимпийских игр, отражает притязание Китая на статус великой державы. Китай, таким образом, выходит на публику как авторитарная страна, всецело преданная капитализму.

* *Paradises Evil. Dreamworlds of Neoliberalism. New York: The NTW Press, 2007. P. 89-101. (Статья публикуется с сокращениями.)*

Этот последний цикл творческого разрушения отражает суть нового Китая, где на смену монотонному равенству социализма пришли кричащие неравенства капитализма. Безумное великолепие олимпийского обновления Пекина венчает головокружительный процесс погружения нынешнего поколения китайцев в рынок и неравномерное развитие, сопровождаемый растущей социально-пространственной поляризацией, необузданной спекуляцией землей, быстрым ростом смешанных частногосударственных товариществ, появлением все новых огороженных поселков, изменением самого силуэта города. Для многих Пекин стал раем, полным творческих возможностей, надежд на раскрытие личного потенциала, городом нового образа жизни. Но те, кого эта стремительная модернизация обходит стороной, воспринимают Пекин как центр неисполненных посулов, несправедливости и отчаяния.

Цена олимпийской славы

Можно лишь недоумевать, как это китайское правительство могло позволить себе Олимпийский карнавал в стране, где годовой доход на душу населения едва достигает тысячи долларов. Основные средства на пекинскую Олимпиаду поступят от продажи прав на рекламу и телетрансляции. Поскольку Олимпийские игры дают компаниям уникальную возможность показать себя всему миру, да еще на фоне взрывообразно растущего китайского рынка, за статус официального партнера Игр идет ожесточенная борьба, и олимпийский доход Пекина обещает стать наибольшим в истории.

Частный сектор в полной мере вовлечен в сооружение олимпийских объектов, главным образом через систему «строим, управляем, сдаем внаем», при

которой частные инвесторы, ответственные за строительство, становятся затем операторами на основе тридцатилетних контрактов. Иными словами, несмотря на частичное финансирование из государственных источников, большинство олимпийских объектов после завершения Игр подвергнутся приватизации и коммерциализации. Они и осуществляются с видами на послеолимпийское использование.

Большинству, однако, невдомек, что у широкой публики не будет доступа к олимпийским объектам, возведенным на пепелищах родных кварталов, и их назначение — существовать исключительно к выгоде нарождающейся китайской элиты. Более того, форма частногосударственных товариществ вовсе не гарантирует экономического успеха Игр, в числе долгосрочных следствий которых могут оказаться рост налогов, инфляция, взлет ставок арендной платы и огромная задолженность, способная подорвать будущие инвестиции в социальную сферу. Как и в городах-хозяевах прошлых Олимпийских игр, выгоды от государственных вложений достанутся, вероятно, частным предпринимателям, тогда как бремя олимпийских затрат — и социальных, и финансовых — ляжет на тех, кто находится у основания экономической лестницы.

Одно из обстоятельств, придающих поистине неповторимую черту Олимпийскому строительству в Пекине, состоит в том, что при чрезвычайной громадности затрат стоимость возведения большинства олимпийских объектов обманчиво низка по сравнению с тем, во что они обошлись бы где-нибудь еще. Возможность заняться возведением дюжины с лишним впечатляющих объектов для Олимпийских игр дает Пекину, среди прочего, эксплуатацию обширной, податливой и доступной рабочей силы. Как известно, издержки на строительство в Ки-

Андрей Красулин. Портрет. 1979

тае низки ввиду существования в стране огромной армии рабочих-мигрантов из сельской местности (приблизительно 94 миллиона), обладающих немногими правами в городе и без стес-

нения эксплуатируемых алчными подрядчиками. При средней дневной зарплате 4,87 доллара они работают семь дней в неделю и ютятся в убогих бараках на стройплощадках. Часто можно

слышать о рабочих, которым не выплачена или задержана зарплата либо не выдана компенсация за производственные увечья. Строительный бум в Китае затянул узлы взаимных долгов застройщиков, подрядчиков и субподрядчиков, что часто оборачивается задержкой платежей рабочим. По оценке китайского правительства, только за 2003 год задолженность по зарплате рабочим-мигрантам составила более 12 миллиардов долларов.

Другая причина, по которой Пекин смог позволить себе не скупиться на столь экстравагантные олимпийские проекты, — та, что участки под них в большинстве случаев приобретались по ценам значительно ниже рыночных, поскольку государство имело возможность изымать их, ссылаясь на общественный интерес. По оценке Женевского Центра изучения жилищных прав и выселений, к 2004 году 300 тысяч пекинских жителей были выдворены из домов, пошедших на снос ради расчистки места для объектов и инфраструктуры Олимпиады.

Возможность как эксплуатации рабочих-мигрантов, так и массовых выселений горожан обеспечена парадоксальным статусом Китая — страны с рыночной экономикой под властью авторитарного государства. Местные партийные и государственные чиновники используют положения китайского законодательства, которые позволяют изымать земли и наживать состояния за счет последующей сдачи их частным застройщикам. Людям предписывают покинуть их участки в месячный срок и предлагают компенсацию в пределах малой доли реальной стоимости изымаемой у них собственности. Это, конечно, часто вызывает сопротивление, но угрозы принуждения, даже насилия, не оставляют иного выбора, кроме как подчиняться. Нанимаемые новыми за-

стройщиками специальные команды занимаются выдергиванием «застрававших гвоздей», то есть так или иначе вынуждают уезжать и самых стойких граждан. В набор их приемов входят отключение коммуникаций или преднамеренное частичное разрушение дома, делающее его непригодным для проживания.

Каждый день образуются группы рассерженных горожан, которые направляют правительству протесты против сноса их домов, и в судах лежат тысячи исков против несправедливых выселений. Но нынешняя правовая система Китая выше интересов выселяемых граждан ставит запросы тех, кто побогаче и посильнее. Суды редко разбирают иски, и протестующих обычно запугивают, заставляют отказываться от заявлений, задерживают, притесняют, ставят под полицейский надзор. Кроме того, несколько адвокатов, отстаивавших права выселенных жителей, были арестованы и обвинены в разглашении государственных секретов.

Переселяемым пекинцам, помимо моральных травм, причиняемых безжалостным выдворением из их домов, приходится выносить лишения из-за возрастающей стоимости жизни вдали от прежних школ, рабочих мест и услуг. Цены на недвижимость вокруг олимпийского парка также резко поднялись, и для желающих жить близ центра города это становится недоступным.

Все больше пекинцев, особенно пожилых, страдают от ощущения своей социальной отверженности и незащитности — ощущения, питаемого широко развернувшейся практикой принудительных выселений. Потеря обжитых домов усугубляется осознанием своего бессилия и бесправия. Проблема настолько обострилась, что несколько человек в знак протеста публично совершили самоубийство.

Глубокое расслоение

В Китае XXI века социальная поляризация стала взрывоопасной проблемой, постоянно обостряемой безжалостным переустройством городов. Если либерализация оказалась очень эффективной в создании богатств, то плоды этого процесса достались не всем и пропасть между богатыми и бедными, городом и деревней постоянно расширяется. Экономический рост сопровождался инфляцией, ростом цен и снижением уровня жизни беднейших слоев. Во многих случаях новые состояния создавались напрямую за счет бедняков: когда, например, местные власти сгоняют людей с земли и продают ее частным застройщикам.

Некогда страна всеобщего равенства, Китай стал теперь одним из тех обществ, где царит самое большое в мире неравенство: пропасть между богатыми и бедными сейчас больше, чем до революции 1949 года, и доля бедняков в городах Китая теперь выше, чем в сельской местности. В июне 2005 года китайское руководство объявило, что впервые с 1978 года бедность в Китае возросла и что на долю самых богатых 10 % населения приходится 45 % богатства страны, тогда как на долю беднейших десяти процентов остается немногим более 1 %. По оценке китайской Академии общественных наук, не менее 10 тысяч деловых людей в Китае имеют чистые активы, превышающие 10 миллионов долларов.

Социальная напряженность, охватившая Китай, подогревается тем, что появление богатства очень часто связывают с коррупцией. Недавнее исследование 20 тысяч китайских богачей установило, что лишь 5 % их сколотили состояния собственными силами, а более 90 % обязаны своими успехами связям с высокопоставленными госу-

дарственными или партийными чиновниками.

Экономическая элита Китая ищет себе убежище в закрытых поселках, построенных в американском стиле. Организованные первоначально для иностранцев с целью оградить местных жителей от их идеологического влияния, эти огражденные жилые кварталы, особенно в предместьях Пекина, становятся все более популярными у новых китайских богачей.

Смягчение правил, требовавших раздельного расселения иностранных и местных жителей, и отмена в 2003 году ограничений на продажу жилья привели к тому, что на рынке жилья, прежде заполненном одними иностранцами, появились китайские покупатели, желающие обзавестись высококачественными отдельно стоящими домами на правах полной собственности. В огороженных поселках предлагаются первоклассные условия для обеспеченного и престижного образа жизни. К услугам их обитателей плавательные бассейны, спортивно-оздоровительные и учебные учреждения, теннисные корты, кегельбаны, кинотеатры, рестораны, деловые центры.

Но самое ценное, что предлагают такие поселки солидным отставникам со средствами и преуспевающим молодым профессионалам, — это уютная отдаленность от «другого Китая», все более воспринимаемого как отсталый, враждебный и опасный. Точно так же, как их двойники в капиталистическом мире, новые богачи в Пекине стремятся быть подальше от загрязненного и шумного городского центра, его толчеи и раздражающей глаз социальной поляризации.

Хотя новая буржуазия изо дня в день имеет дело с укорененной в Китае бедностью, хотя, пробиваясь по городским улицам в автомобилях с кондиционерами, она постоянно видит нищету своих соотечественников, у

нее не принято обращать на это внимание. Чувство социальной солидарности вытеснено у нее ревностным стремлением отстаивать свое недавно приобретенное богатство. Полностью отсутствует у нее и чувство классовой вины.

Несмотря на вопиющее социальное неравенство, разговоры о классовых различиях в сегодняшнем Китае слышатся редко. Официально принятая точка зрения, что после культурной революции в Китае нет места для классовой борьбы, воспрепятствовала развертыванию общественного обсуждения экономического неравенства и не позволила теме социальных противостаний стать фокусом анализа или политики. По сути дела, быстрый экономический подъем Китая оказал извращенное воздействие на демократизацию: он уменьшил давление на правящую элиту, освободил ее от стремления к либерализации и политическим реформам. Отказываясь расстаться с властью, легко теперь конвертируемой в богатство и привилегии, она предпочитает довольствоваться статус-кво.

Социальная бомба замедленного действия

Но оставлять без внимания социальное расслоение становится все труднее, когда люди выходят на улицу с протестами против изъятия у них земель, передаваемых под строительство роскошных жилых зданий. Китайские власти явно обеспокоены потенциально взрывными последствиями неупорядоченного развития. Споры вокруг земли, вспышки массового негодования по поводу реквизиций и выселений все более и более ставят под вопрос стабильность в обществе. Недавно министерство строительства признало, что за первый квартал 2004 года оно получило жалоб в три раза боль-

ше, чем за тот же период в предшествующем году.

По всему Китаю разносятся публичные сетования миллионов, которые лишились своих домов, работы, медицинского обслуживания, пенсии. Из правительственных сообщений следует, что в 2004 году 3,76 миллиона китайцев были вовлечены в 74 тысяч «массовых инцидентов», — десятикратное увеличение за десять лет. При том, что усиливается недовольство растущим неравенством доходов, падением уровня социальной защищенности, кумовством, коррупцией и корыстными сговорами между партийными вождями и бизнесменами, споры вокруг земли остаются в современном Китае главным возбудителем общественных беспорядков. В сельской местности, где фермеры выступают против утраты своей земли и чрезмерных налогов, демонстрации стали почти ежедневным явлением.

Земельный вопрос отнюдь не случайно сохраняет ключевое значение. Перераспределение земли было одним из основных принципов революции 1949 года, и большая часть новых состояний, как и коррупция, берут свое начало в освоении земельных угодий и спекуляции ими. Участки, когда-то отобранные у богатых собственников и переданные беднякам, теперь изымаются у крестьян и попадают в руки застройщиков и предприимчивых местных чиновников. Для многих эти операции выглядят как нарушение социального контракта, связывавшего после 1949 года китайские массы с коммунистической партией. Ожесточение появляется не только из-за потери средств к существованию и места жительства, но и особенно из-за нарушения фундаментальных гражданских прав. Эта глубоко переживаемая несправедливость может изрядно поколебать все еще сохраняемую неумощными преданность партии.

Обуздание хаоса

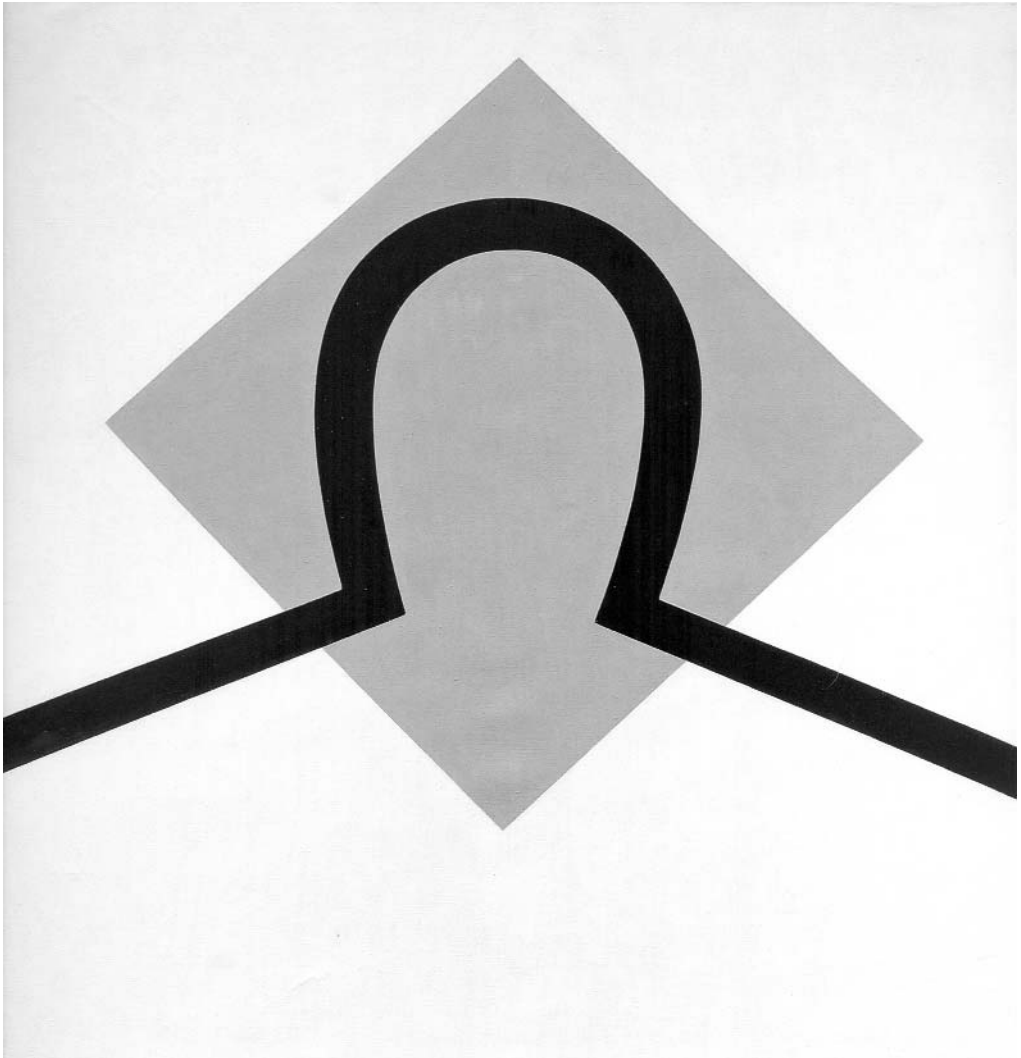
Китайские чиновники четко сознают, что рост социального брожения может подорвать экономическое развитие, создать угрозу национальной стабильности и, в конечном счете, ослабить власть партии. В редакционной статье, распространенной в ноябре 2004 года официальным агентством печати Китая, неявно предлагалось исходить из того, что страна находится на социальной развилке, откуда один путь может вывести в «золотой век развития», а другой — в «раздираемый противоречиями век хаоса». Такие на удивление откровенные допущения свидетельствуют о важных переменах в китайском руководстве с переходом в сентябре 2004 года полноты власти к Ху Цзинтао после отставки Цзян Цземина с поста руководителя вооруженных сил.

Представляя свою политику как народную, прагматичную и прозрачную, правительство Ху немедленно приняло ряд мер, рассчитанных на то, чтобы смягчить напряженные отношения в обществе и погасить социальное недовольство. Среди прочего государство публично поклялось замедлить реквизиции земли, сократить снос домов, распорядилось «заморозить» передачу пахотных земель под промышленные объекты. Китайский парламент обнародовал также план отмены давнишней сельскохозяйственной задолженности, освободив крестьян от налогов, обременявших их на протяжении 2 600 лет. Демонстрируя обеспокоенность растущим неравенством и привлекая общественное внимание к своим программам сокращения бедности, китайское руководство развернуло также кампанию пропаганды «гармоничного общества», в ходе которой подчеркивалась озабоченность разрывом в доходах. При ближайшем рассмотрении, однако, эти широковещательные заявления оказались не более чем симво-

лическими жестами с целью сбить накал народного гнева. Не было сделано ничего для решения коренных проблем, с которыми сталкиваются китайские бедняки; без надлежащих политических реформ эти проблемы вряд ли могут быть решены все более хищными местными властями, теперь уже привыкшими использовать свои полномочия только к собственной выгоде.

Подобным же образом, имея в виду приглушить общественную критику государственной программы олимпийского строительства и успокоить население, недовольное отвлечением государственных средств на сооружения, призванные тешить национальное тщеславие, правительство Ху призвало к полной переоценке затрат на подготовку Олимпиады после того, как обнаружилось, что в Афинах олимпийский бюджет был превышен на 30 %. Но и на этот раз большинство предложенных поправок имело символический характер и было порождено скорее намерением сбить напряженность, чем подлинной заботой об экономии финансовых ресурсов. Резких изменений не предусматривалось ни по одному проекту. Зато заметно изменилась риторика: власти начали говорить о «скромных и благоразумных» Играх и постарались восстановить народный энтузиазм, обозначая их как «Народные игры».

Стараясь отвести внимание подальше от самых жгучих национальных проблем, правительство Ху все более и более использует Олимпийские игры как пропагандистский инструмент для сплачивания расколотого общества вокруг великого патриотического начинания. Захватывающая дух подготовка к проведению Олимпийских игр является также орудием умиротворения китайских граждан, мистифицируя их грандиозным зрелищем восхождения Китая на пьедестал мировой державы.

Леонид Бородин. № 2. Омега. 1988

Игры как орудие, используемое таким образом, могут оказаться обоюдоострым мечом. По мере приближения Олимпиады государство начинает опасаться, что определенные группы населения могут воспользоваться присутствием иностранных средств массовой информации, чтобы поведать миру о своем тяжелом положении. Власти знают, что демонстрации могут создать серьезную помеху проведению Игр, как это случилось в Мехико в 1968-м и в Сеуле в 1988 году. Если свободные от неприятных инцидентов Олимпийские

игры могли бы повернуть международное общественное мнение в пользу Китая, то любое связанное с Играми насилие получит в печати отрицательное освещение и сведет на нет дорогостоящие усилия по созданию привлекательного образа Китая.

Ввиду такой возможности простые действия, рассчитанные на отвлечение внимания и символическое умиротворение, могут оказаться недостаточными, чтобы справиться с общественными протестами, а насильственными репрессии со стороны государства

поставили бы под угрозу срыва само тщательно организуемое мероприятие. Так что китайское правительство должно будет обратиться к более гибким способам подавления инакомыслия. Недавние преследования свободно выражавших свое мнение журналистов, блоггеров-диссидентов в Интернете, критически настроенных писателей, либеральной интеллигенции, профсоюзных активистов и адвокатов, защищавших социальные права клиентов, создают в стране климат страха, позволяющий властям запугивать возможных участников протестных выступлений и поощрять самоцензуру. Образ Ху Цзинтао как внимательного к людям, доброжелательного лидера может оказаться обманчивым, скрывающим маску правителя, озабоченного не поиском решений национальных проблем Китая, а сохранением у власти новой буржуазии.

Заключение

В преображении постсоциалистического Пекина Олимпийские игры сыграют роль и физического, и политического водораздела. Они служат двигателем развития, узаконивая крупномасштабные преобразования и выдавая властям лицензию на пересмотр приоритетов в городской повестке дня. Подготовка к Играм уже углубила неравенства, проистекающие из быстрого перехода Китая к капитализму. Создаваемый ради Игр образ национального процветания выстраивается за счет двойного налогообложения бедняков, которые расплачиваются сначала отвлечением общественных фондов на монументальные проекты, а затем прямой эксплуатацией их труда или изгнанием с обжитых мест. Те, кто заплатит за Игры самопожертвованием и сокращением средств, выделяемых на социальные нужды, не будут в числе тех, кому достанутся ожидаемые

выгоды. Массам Игры сулят лишь новые выселения, рост налогов, инфляцию, ограничение гражданских свобод и урезание социальных программ. По мере приближения срока готовности к Олимпиаде из-за строительных заборов и леса подъемных кранов поднимается новый, великолепный город. Для некоторых это город неограниченных возможностей, обещающий блестящее будущее. Возвышение чарующей глаз новой столицы уже отмечено тем успехом, что оно отвлекло общественное внимание от развертывающихся на его фоне человеческих трагедий. Отброшенные на обочину тоже обращаются к зрелищным актам как способу привлечь внимание к своему незавидному положению — устраивают публичные протесты, бросаются с крыш в попытках самоубийства или покушаются на самосожжение. Но эти драматические выражения горя и страданий выглядят лишь патетическими интермедиями на фоне олимпийского великолепия.

Для наиболее критически настроенных этот новый безумствующий Пекин есть город погрязшего в противоборствах эгоистичного оппортунизма, город нарушенных обещаний. Это город, не знающий учтивости, где объекты архитектурной мегаломании выращены на пепле органической городской ткани. Эта новая столица является зеркалом построившего и заселяющего ее общества — общества все более индивидуалистического, сознательно жертвующего своей сплоченностью и предоставляющего хищной элите частных предпринимателей, технократов и членов партии все возможности наживаться за счет бесправных и беззащитных народных масс. Город, внешне сверкающий, но пустой внутри, — поистине зло в райских кущах.

Перевод с английского
Демиды Васильева

CONTENTS

To Our Reader	
<i>Yuri Senokosov</i>	5
Seminar	
Values and Modern Democracy: A View from Europe	
<i>Alvaro Gil-Robles</i>	8
Discussion	12
Notes from the seminar	
<i>Aleksander Shepilov</i>	21
Freedom of Words	24
Theme of the Issue	
Society's Control over Security Agencies	
<i>Andrei Soldatov</i>	25
Culture and Russia's Future	
<i>Igor' Kharichev</i>	31
Concept	
A Coalition for the Future	
<i>Aleksander Auzan</i>	38
Discussion	
The Unrecognized...	
<i>Pilar Bonet, Serguei Markedonov</i>	47
Tolerance in a Poly-ethnic Region: The Case of Tatarstan	
<i>Natalia Paleeva</i>	5
Values and Interests	
Authority without Parenthesis, or the Purity of Judgment	
<i>Maksim Trudolyubov</i>	65
Interests and Values	
Transformation of the West	
<i>Christopher Coker</i>	71
Viewpoint	
Globalization and Freedom	
<i>Quentin Peel</i>	77
Democracy in Russia: an Electronic Option	
<i>Natalia Balakireva</i>	83
A Life in the Profession	
Knowing the Time in Which We Live	
<i>Irina Prokhorova</i>	90
Ideas and Notions	
Tradition	
<i>Andrei Zakharov</i>	96
Announcement	
Unitary Federation	105

Books

Just Russia	
<i>Andrei Zakharov</i>	107
Regional Book Review	
<i>Andrei Zakharov</i>	109
<i>Natalia Paleeva</i>	110
Counter-Point	
<i>Aleksander Arkhangelksi</i>	112
Nota bene	
Beijing: Euphoria and Despair in the Olympic Capital	
<i>Anne-Marie Broudeou</i>	116

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

СЦЕНАРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

СЕМИНАР

(Голицыно, июль 2008 г.)

Наши авторы:

Людмила Алексеева
Александр Архангельский
Чарльз Гатри
Чарльз Грант
Руслан Гринберг
Екатерина Журавская
Андрей Захаров
Андрей Клепач
Фернандо Ламата
Джастис Мозес
Эмиль Паин
Андрей Рябов
Алессандро Скафи
Роберт Скидельски
Дмитрий Тренин
Максим Трудолобов
Антон Чаблин

квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2008 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа 800 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2008 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа 800 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)202-85-01 или по эл. почте msps@msps.su
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте msps@msps.su или по тел. (495)202-85-01.

Подписано в печать 10.09.2008.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура Newton.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

123104, Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 30.

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

ISBN 978-5-93895-102-0

9 785938 951020